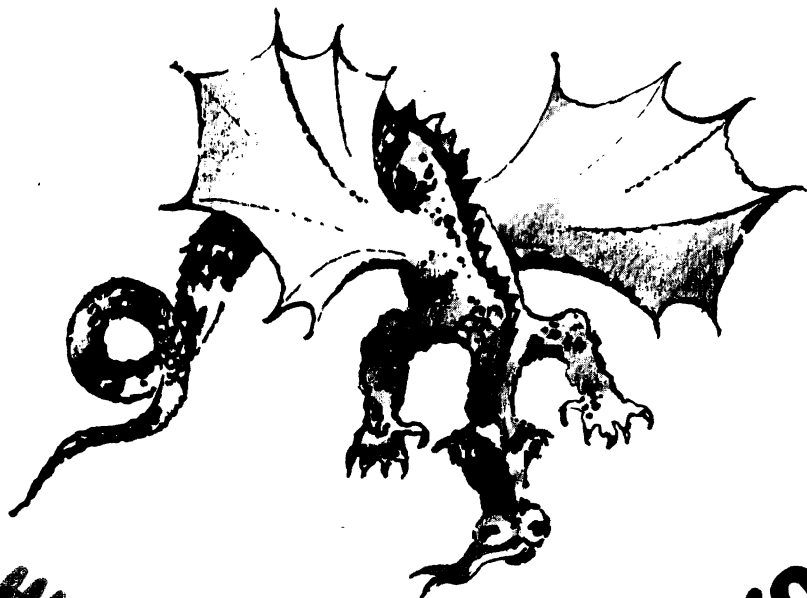

НИ ДАЛЕКО, НИ БЛИЗКО,

НИ ВЫСОКО, НИ НИЗКО

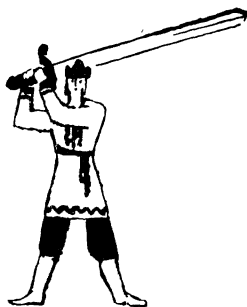

**НИ ДАЛЕКО, НИ БЛИЗКО,
НИ ВЫСОКО, НИ НИЗКО**

СКАЗКИ СЛАВЯН

**Пересказали для детей
Н. Гессе и Э. Задунайская**

ЛЕНИНГРАД „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“ 1976

Ф
Н 60

**РИСУНКИ В. ВЛАСОВА
ОФОРМЛЕНИЕ Е. ВЛАСОВОЙ**

Н $\frac{70802-128}{М 101 (03)-76}$ 395—76

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1976 г

РЫСЬЯ ШКУРКА

Русская сказка

В некотором царстве, в некотором государстве жил царь на царстве, король на королевстве, как челнок на берегу. Так сказки зачинаются, припеваются. А наша сказка не про царя, не про короля, а про девицу-красавицу Палашеньку и её злую мачеху.

Жили-были старик со старухой и с дочерью Палашенькой. Хорошо, дружно жили. Да вот пришла беда — занемогла старуха и померла в одночасье. А перед смертью благословила дочку и сказала:

— Всё хозяйство — отцово, а коровушка-бурёнушка — твоя, приданая.

В народе так говорится: мать по родному дитятку весь век до гроба плачет, муж по жене тужит, пока глиняный горшок, что из печи вынут, на столе кипит. Погоревал, погоревал муж, да и женился на вдове. У той вдовы три дочери было: Одноглазка, Двуглазка и Трёхглазка. Мать зла, а дочери ещё злее. Невзлюбили они старикову дочку Палашеньку. С утра до вечера каждым куском корили, при чёрной работе держали.

А как весна пришла, заставила мачеха падчерицу коров пасти. «Больно красива, — говорит себе. — Пускай её белую кожу солнце дочерна опалит, ветер иссушит!»

Разбудит мачеха Палашеньку до света, даст с собой горбушку хлеба, да такую чёрствую, что и конь копытом не растопчет, а ещё велит шерсти напрясть, пока коровы траву щиплют. Какой урок ни

задаст, всё Палашенька выполнит и домой вернётся лучше прежнего. Будто облачко, что в небе плывёт, ей лицо отбелило, будто утренняя зорька щёки нарумянила.

«Ох, что-то тут не так!» — думает мачеха.

И посылает с падчерицей свою младшую дочь Одноглазку.

— Последи за ней, доченька. Что увидишь — мне расскажешь.

Смотрит Одноглазка во весь глаз — ничего на лугу не случается: коровы пасутся, неродная сестрица прядево прядёт. Скучно стало Одноглазке, зевнула она.

Палашенька говорит:

— Приляг, отдохни, я тебя побаюкаю.

Принялась ей волосы гребнем расчёсывать, приговаривать:

— Усни, глазок, да усни, глазок!..

Закрылся глаз у Одноглазки, крепко она уснула. А пробудила её Палашенька, когда солнце уже на закат пошло.

— Вставай, сестричка, пора коров домой гнать.

Назавтра посылает мачеха Двуглазку сторожить падчерицу. А Палашеньке ещё больше напрямсть велела.

Солнце к полудню припекло, разморило Двуглазку. Сама она не заметила, как на траву прилегла. А Палашенька взяла гребень, косы ей чешет и приговаривает:

— Усни, глазок, усни другой!..

Двуглазка и заснула.

Вернулись обе вечером. У Двуглазки лицо от солнца да ветра потемнело. У Палашеньки ещё светлее стало. И шерсть вся спрядена.

Рассердилась старуха на свою родную дочь, да не её — падчерицу разбранила. Сама меж тем думает: «Так-то оно так, да что-то не так!»

И на третий день Трёхглазку послала. Дала ей с собой медовую коврижку и горшочек каши, а Палашеньке — корку хлеба да мешок шерсти, чтоб всю до вечера спряла.

Трёхглазка коврижкой лакомится. Палашенька за коровами приглядывает, шерсть прядёт. Только как ни гнёт спину, шерсти мало убавляется.

За работой не до сна, а безделье да дремота об руку ходят. Стало Трёхглазку в сон клонить.

Палашенька говорит:

— Приляг, сестричка, я тебе волосы расчешу.

Взяла гребень, чешет волосы Трёхглазке и приговаривает:

— Спи, глазок, да усни другой!..

Спит один глазок, и другой уснул. А про третий — забыла. Смотрит третьим глазом Трёхглазка, за всем следит, всё примечает. Видит — встала Палашенька, подозвала коровушку-бурёнушку, влезла ей в правое ухо, в левое вылезла. Да такая нарядная! Сарафан на ней парчовый, кокошник речным скатным жемчугом шит, в косах ленты голубые да алые. Прошлась Палашенька по лугу, будто пава, под её ногой травинка не шелохнётся, цветок не наклонится.

Погуляла так, погуляла, поплясала, песню спела и опять бурёнушке в ухо влезла, только не в правое, а в левое. Из правого вылезла, как раньше была, в старой одежке. А в мешке вся шерсть тонкой нитью спрялась.

Тут уж пора и коров домой гнать. Стала Палашенька будить Трёхглазку. А та потянулась да раззевалась, будто весь день и вправду крепко спала.

Как пришли домой, Трёхглазка всё матери рассказала, что видела, что вызнала.

Старуха принялась старика точить-пилить:

— Зарежь бурёнку! Что с неё толку, молока даёт мало, травы ест много.

Старик отнекивается.

— Не моя, — говорит, — бурёнушка, дочкина.

А мачеха своё: зарежь да зарежь!

Палашенька услышала, горячими слезами залилась, побежала в хлев к бурёнушке, обнимает её, целует. А бурёнушка говорит ей человеческим голосом:

— Не плачь, не горюй. Зарой мои рожки да копытца под своим окошком. Увидишь, что будет.

Всю ночь мачеха старика поедом ела. Наутро зарезал он бурёнку. Старуха мясо засолила, а Палашеньке рожки да копытца отдала.

— Вот, — говорит, — твоя доля.

Палашенька закопала рожки да копытца у себя под оконцем, как бурёнушка велела. Сёстры над ней смеются. Да недолго смеялись: трёх дней не прошло, вырос под окошком у Палашеньки сад дивный, невиданный. Шесть яблонь — золоты яблоки, серебряны листья. На ветках птицы распевают, под яблонями кот-баюн мурлычет, сказки рассказывает.

Проезжал мимо добрый молодец, Иван — торговый сын, купецкий внук. Залюбовался садом, попросил одно яблочко.

Побежали старухины дочери яблоки рвать, да не тут-то было! Ветки их по лицу хлещут, птицы клюют, кот-баюн когти растопырил, шипит, грозится. Испугались сёстры, прочь кинулись.

А Палашенька вышла из дому — яблони к ней ветки клонят, кот-баюн мурлычет, птицы распевают. Протянула Палашенька руку, яблоко само ей в ладонь скатилось. Тут она его с поклоном Ивану — торговому сыну поднесла. Взял он яблоко и говорит:

— Хорош твой сад, а ты и того лучше. Если посватаюсь, пойдёшь ли за меня, красна девица?

— Пойду, — тихонько Палашенька ответила.

Мачеха чуть со злости не лопнула, дочери её от зависти день-деньской ревели. Да что поделаешь!

— Ладно, — старуха дочкам сказала, — сад-то нам останется.

Обнесли сад высоким забором, чтоб прохожие не заглядывали, на ворота большой замок навесили. Да не вышло по-ихнему.

Как сыграли свадьбу, молодой молодую к себе повёз. Только кони тронулись, сами собой ворота растворились, корни яблонь сами из земли вытащились, и пошёл сад следом. Над ним птицы летят, а позади всех кот-баюн бежит. А за высоким забором голая земля осталась, ямы да рытвины.

В мире и согласии зажили молодые. Через год Палашенька

своему мужу сына родила. Как раз на ту пору Ивану по торговым делам в другой город ехать понадобилось. Собирается он в путь, жене Палашеньке наказ даёт:

— Береги ребёнка, себя береги! А мачеху с сёстрами на порог не пускай...

Сказал так, жену, сына на прощанье поцеловал и уехал.

Мачеха про то узнала -проведала. И — тут как тут — в дом стучится.

— Не пушу! — говорит Палашенька. — Мне муж не велел. Иди с миром, откуда пришла.

А мачеха ей с крыльца:

— Не со злом я к тебе, Палашенька. Муж твой мимо нашего дома ехал, платок обронил, а я подняла. Тот платок, что ты ему цветными шелками вышила. Приоткрой дверь, я тебе его отдам.

Поверила Палашенька, приоткрыла дверь. Мачеха поставила ногу на порог, ударила падчерицу и заклятье проговорила:

Не бывать тебе молодой женой,
Обернёшься рысью злою, бегучею...
Не баюкать младенца над светлой водой,
А бежать за тёмной водой, за текучею.

Вмиг Палашенька рысью обернулась, в дремучий лес убежала.

А мачеха привела Двуглазку, обрядила в Палашенькино платье, косы под платок убрала. Никто того не видел, не слышал, одна нянюшка всё видела, всё слышала. Да ведьма-мачеха ей лютой смертью пригрозила, вот она и смолчала.

Вскорости вернулся домой Иван — торговый сын. Смотрит — диву даёт. Всего семь дней дома не был, а жена переменялась, признать её не может. Была краше майского цвета, а теперь ровно привяла. Была добрая да ласковая, взглянет — будто солнышко пригреет, а теперь стала, как ненастный день, хмурая. И ребёнок плачет, заливаясь.

Иван спрашивает:

— Почему ребёнок плачет?

Двуглазка отвечает:

— Нянька-мамка всё с ним в чисто поле, в тёмный лес гулять ходит. Вот и приучила.

— Как приучила, пусть так и делает, — говорит Иван.

Взяла нянька дитяtko и пошла в чисто поле, в тёмный лес.

А Двуглазка-подменница меж тем Ивана просит:

— Пойдём, милый, в мой сад на прогулку-разгулку!

Только в сад ступили, враз серебряные листочки свернулись,

певчие птицы не поют, кот-баюн не мурлычет. «Ой, лихо, неладно что-то!» — говорит себе Иван.

День миновал, другой миновал, опять заплакал ребёнок. Нянька его подхватила, туго спеленала, полотном повила, побежала в чистое поле, в тёмный лес. Иван — торговый сын за ней крадётся. Нянька с младенцем у кустика села, где лес кончается, поле начинается. Иван — торговый сын за кустиком притаился.

Выбежали из лесу рыси. Нянька им кричит:

— Рыси вы, рыси, побегучие рыси! Не бегите мимо. Слышите, младенец плачет, есть хочет.

Отвечают рыси:

— Некогда нам останавливаться, на охоту спешим. А младенцева мать позади нас с другой стаей.

Пробежали рыси, а дитя пуще того плачет.

Вот опять рыси из лесу выбегают. Нянька снова кличет:

— Рыси вы, рыси, побегучие рыси! Не бегите мимо. Слышите, младенец плачет, есть хочет.

Бегут рыси мимо. Одна рысь остановилась. Рысью шкурку с себя сбросила, красавицей обернулась, взяла дитя на руки, к белой груди прижала, кормит его, приговаривает:

— Пей, ешь, моё дитяtko рожоное, чтоб заснуть на двое суток.

Узнал Иван свою Палашеньку, взял тихонько шкурку, развёл костёр и шкурку в огонь кинул. Горит шкурка, а Палашенька говорит:

— Ох, что-то палёной шерстью пахнет.

Покормила ребёнка, нянюшке отдала, к тому месту, где шкурка лежала, кинулась.

Тут и схватил её Иван. Закричала она, бьётся, вырывается. Билась, билась в его руках, да и свилась в золотое веретёнце. Иван то веретёнце взял, мигом пополам переломил, половинку через плечо бросил, половинку к ногам кинул и сказал:

— Позади меня цветно платьеце, впереди меня жена-красавица!

Как сказал, так и сделалось. Встала перед ним Палашенька, надела цветно платьеце, мужа обняла, всё ему рассказала.

Пошли они домой. Через сад проходили — серебряные лисочки расправились, птицы запели, кот-баюн замурлыкал.

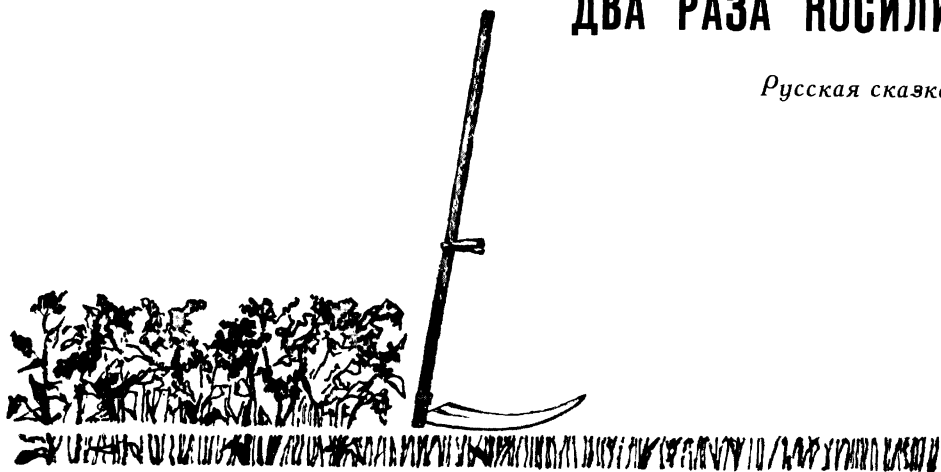
Прогнал Иван Двуглазку прочь. С тех пор ведьма-мачеха со своими дочерьми и близко подходить боялась.

А Иван — торговый сын с Палашенькой стали счастливо жить-поживать, добра наживать, сыночка растить.

КАК ГРЕЧИХУ ДВА РАЗА КОСИЛИ

Русская сказка

Хороша у попа гречиха уродилась. Густо стоит, дружно созрела. Самая пора косить. Да у попа один батрак, а поле большое, никак ему не управиться. Надо ещё работника на время принанять, только никто к попу идти не соглашается. Больно уж он скуп.

Как раз в ту пору шёл через село молодой парень, забубённая головушка. Шёл из города с заработков в свою дальнюю деревню. Прослышал, что поп дешёвого работника ищет, и думает: «Почему бы ещё не подзаработать? Поп дёшево наймёт, да дорого заплатит!»

И свернул к попову дому.

— Так и так, батюшка, не надо ли вам мастера на все руки: и жать, и косить, и возить, и молотить?

— Возить да молотить сами управимся, — отвечает поп, — а гречиху скосить, точно, надобно. Да сойдёмся ли в цене?

— А что цена?! Пшеница и сала вволю — вот и вся плата.

Смотрит попов батрак на нового работника и думает: «Нашёл мой хозяин дурачка!»

А тот ему подмигивает: не робей, мол, со мной не пропадёшь.

Вот утром собираются оба работника в поле. Дал им с собой поп пшеница мешочек да сала добрый кус.

— Этого, — говорит, — вам на целый день хватит.

Пришли в поле. Новый работник батрака спрашивает:

— Разгадай мне загадку: с чего день начинается?

— У добрых людей — с сытного завтрака, — батрак отвечает.

— Хорошее слово. Так и сделаем.

Развели костёр на краю поля, сварили пшено, сальцем заправили. Наелись до отвала, новый работник опять батрака спрашивает:

— Если бы ты, к примеру, царём был, что бы, наевшись, делать стал?

— Да поспал бы всласть, — батрак отвечает.

— Ну, так давай спать.

Батрак испугался:

— А гречиха как же?

— Не тревожься. Мой ответ перед попом.

Легли ненадолго подремать, да до вечера и проспали.

Вечерком встали, костёр развели, поужинали и домой пошли.

— Ну, скосили? — поп их встречает.

— Да чуток осталось, — новый работник говорит.

Ночь проспали, наутро опять в поле собираются.

— Давай ещё припасов, — работник у попа требует. — Без харчей косой не помашешь.

Насыпает поп пшена, нарезает сала, а у самого руки от жадности трясутся.

— Неужто всё вчерашнее приели?! И как только брюхо вместило!

Тут новый работник как рассердится! Даже ногами затопал. Пшено по всей хате рассыпал, сало за окошко выкинул. Сам кричит:

— Вот тебе пшено, вот тебе сало! А скошенная гречиха чтоб обратно на поле встала!

Не поверил поп такому чуду, а всё-таки испугался. Посылает попадью:

— Беги на поле скорёхонько, возвращайся быстрёхонько. Неужто правда скошенная гречиха обратно встала?

Сбегала попадьа. Вернулась, глаза выпучив.

— Ох, муженёк-батюшко, встала ведь гречиха! Да лучше прежнего. Так и стоит в поле, ровно щетина по хребту у борова.

— А зерно-то есть?

— Висит, батюшко, комьями. Одна беда, осыпаться начало.

Поп за голову схватился. Говорит работникам:

— Берите харчей, сколько надобно, да косить скорей отправляйтесь.

А новый работник отвечает:

— Я теперь за старую цену не согласен. Харч давай да столько-то рублей заплати. Не то такое слово скажу, что вся гречиха разом осыплется.

Поп туда-сюда, а делать нечего. Пришлось раскошелиться.

К вечеру скосили гречиху. Новый работник полный расчёт получил. На прощанье сказал попову батраку:

— Сам видишь, братец, нам, беднякам, без ума да без хитрости не прожить. Поп учён, только и его проучить можно.

Поделился с батраком заработанными деньгами и пошёл, куда раньше шёл.

СКАЗКА — БЫЛЬ, ДА И ПЕСНЯ — ПРАВДА

Белорусская сказка

одил по свету песенник. И сказочник по свету ходил. Вот как-то встретились они, стали вместе ходить. И так уговорились: один песни поёт, другой сказки рассказывает. Кто что заработает, пополам делить.

Пришли в одно село, завернули в шинок, где мужики гуляли. Песенник и начал песни петь. Весёлую запоёт — мужики ногами притопывают, в пляс пускаются. Запоёт печальную — мужики принахмурятся, в чарку слёзы роняют. Кончил песенник петь, мужики хвалят: «Отродясь мы этаких хороших песен не слыхивали», — и надавали медных денежек, кто сколько мог. А сказочника и слушать не стали.

Вышли из шинка, песенник и говорит:

— Песня — правда, а сказка — вздор. Через песни ты мой хлеб ешь, а не я твой.

— Погоди, — отвечает сказочник, — больно спешишь. Где правда, где вздор, впереди видно будет.

Идут они по селу, а уже за вечерело. Видят — в одной большой избе-пятистенке все окна светятся.

— Вот сюда зайдём! — сказочник говорит.

А там девки да молодые жёнки на беседу собрались. Которые кудели прядут, которые вышивают... Парни около девок крутятся.

Стал сказочник сказки рассказывать. Весёлую расскажет — все смеются. Страшную говорит — все и дохнуть боятся, девки друг к дружке жмутся.

Кончит сказочник одну, ещё просят. Допоздна рассказывал. Накормили их досыта, да ещё кто кудели дал, кто пряжи. Вышли из избы, сказочник и говорит:

— Нет, брат, сказка правда, а песня вздор. Это ты через мои сказки хлеб ешь.

Тут они и заспорили. Песенник своё твердит, сказочник — своё. Спорили, спорили и на одном согласились: надо такого человека найти, чтобы их рассудил. Стали судью искать. Ну, им люди и посоветовали, сказали, что за рекой, на пчельнике, живёт старый пасечник, он дольше всех прожил, больше всех знает. Он и решит спор.

Переехали реку, пришли к пасечнику.

— Можешь ты нас рассудить? — спрашивают.

— А какая у вас тяжба?

— Такая и такая... — И всё ему рассказали.

Пасечник и говорит:

— Ну, садитесь, добрые люди. Я вас рассужу. Только вперёд покажите, кто что умеет. Кому первому начинать?

— Начинай ты, — говорит песенник сказочнику.

— Ну что ж, — сказочник отвечает.

Сел поудобней и начал.

Была б у меня хата тёплая да перина мягкая, сидел бы в печи хлеб пушистый, а в жбане был бы квас кислый, наелся бы я, напился да всю бы ночь байки баял, сказки сказывал. Это присказка, а сказка впереди.

Жил мужик ни бедный, ни богатый, и был у него единственный сын, а жена давно померла. Отец один сына растил, берёт да лелеял, ничего для него не жалел. И вырос сынок парням на удивленье, девкам на загляденье.

Дорос до совершенных лет, тут отец и задумал молодца женить. Присмотрел в соседнем селе сыну пару: красивую девушку, статную и не бедную. Поговаривали люди про её семью всякое, да мало кто что скажет, всех не переслушаешь!

Вот поженили их, свадьбу, как положено, сыграли. И повезли молодую в дом к жениху, чтоб хозяйкой там была. Приданое за ней дали хорошее, всё новое, неношеное. Смотрит молодой, замечает — новое-то всё новое, а вот зачем молодая метлу с собой прихватила, да ещё старую, прутья в ней пообломаны, повитерты.

Молодой и думает: «Неужто я своей жёнушке новой метлы не сделаю?! Завтра же с утра навяжу хоть три, хоть десять мётел. Пускай метёт, сколько душе угодно».

Легли они спать. Только задремал молодой муж, чует — жена с постели тихонько поднимается. Он один глаз приоткрыл. А она шасть к запечку, где метла стояла, берёт её да верхом садится.

Тут уж он и второй глаз открыл, глядит в оба. Недоброе, видно, затевает! Она заслонку у печки отслонила, собирается на метле через печь в трубу вылететь.

Вскочил он — да за метлу.

— Стой, ведьма, никуда не полетишь! И ведьмачить не будешь!

Изломал метлу и прутики разбросал. Она схватила от той метлы прутик, хлестнула его и крикнула:

— Я как была ведьмой, ведьмой и останусь! А ты был человеком, а теперь псом побегаешь.

Песенник руками всплеснул:

— Бывает же такое! Вот каково злую бабу в жёны взять!

— погоди, ещё не то будет! — говорит сказочник. — Ты знай, слушай.

— И мне послушать дай, — сказал пасечник.

Так оно и сделалось. Стал молодой муж псом. Всё, как и раньше, понимает, а сказать ничего не может. То рычит, то лает.

«Что же это она со мной сотворила?! Не житьё мне теперь. Пойду утоплюсь!»

А как к речке пришёл, на тёмные омуты, на бурливые водовороты посмотрел, страшно ему стало.

«Утопиться никогда не поздно. Побегу дальше, увижу больше».

И побежал на чужую сторону, где он никого не знал, где его никто не знал. Из лесных краёв — в степь широкую. Селения там одно от другого редко стоят. Оно-то хорошо — людям на глаза не попадаться, да ведь голод не свой брат. А уж так он, бегаючи, проголодался, что, кажется, шкуру бы на себе изгрыз.

В той степи пас овец панский батрак. И как раз в ту пору собрался полудновать. Пёс и думает: «Сверну к пастуху, может, хоть корочку кинет».

Прилёг невдалеке, голову на лапы положил и прямо в глаза ему смотрит.

А пастух с утра до вечера, с ночи до утра в степи один. Словом перемолвиться не с кем. Вот и привык сам с собой разговаривать.

— Притомился пёс! — говорит. — Видно, издалека бежал! Верно, заблудился. Верно, от хозяина отбился. Верно, есть хочет.

И кинул псу корочку хлеба.

А овцы тем часом разбрелись по пастбищу, того и гляди, совсем в степь уйдут.

— Эх, — говорит пастух, — не ко времени полудновать начал. Было б мне овец до кучи сбить, а уж потом за еду приниматься.

Только так сказал, поднялся пёс, побежал по большому кругу, согнал всех овец в кучу.

— Вот это пёс! — пастух удивился. — Вот это помощник!

Переломил краюху хлеба пополам, половину себе, половину псу.

Теперь они так работу поделили: пёс отару пасёт, пастух на солнышке лежит, то дремлет, то песни распевает.

Солнце за край степи ушло. Пастух загнал овец в кошару, замкнул замок и ключ к поясу привязал.

Утром проснулся, говорит себе: «Надо скорей кошару отмыкать!» Хватился ключа, а ключа на поясе нет.

— Батюшки! — испугался пастух. — Это что же такое делается! Должно, вора проспал.

Смотрит — овцы спокойненько траву щиплют, пёс около отары ходит, сторожит, приглядывает, и в зубах у него ключ на верёвочке висит.

— Ох, молодец мой пёс, молодец! — стал пастух приговаривать. — Надо его покормить, да и самому поесть не грех.

Любо-дорого поглядеть, как пёс ест. Кусок мяса откусит да сразу хлебом и закусывает. Ну, чисто человек, а не пёс! Пастух-то не знает, что тот и впрямь человек.

Завернул пастух остатки еды в тряпицу и сказал псу:

— Коли ты такой умный, паси сам, а я своих в селе проведу, как там жена, как детки.

Пошёл да и загостился. Три дня в селе пропадал, три дня в степи не бывал.

Вернулся — пёс ему навстречу, за полу зубами хватает, к кошаре тащит. Посмотрел пастух, так и остолбенел: двенадцать овец зарезанных рядком лежат.

Пастух на пса посохом замахнулся.

— Вот твоя благодарность за хлеб, за доверие!

А пёс его на другую сторону кошары тянет, будто с собой приглашает. И что бы вы думали? На той стороне лежат рядком двенадцать волков — и у всех горло перегрызено.

У пастуха и посох из рук.

— Спасибо тебе! — говорит псу. — Мне бы так не управиться. Чего доброго, меня бы самого волки растерзали. Теперь-то всё

ладно. Перед паном управляющим за овец волчьими шкурами откуплюсь. Тёплые из них шубы выходят. И себя не забуду — из овчин тулуп сошью.

На радостях закатился чабан в шинок. Пьёт чарку за чаркой, перед людьми куражится.

— Я нынче сам себе и пан, и князь. У меня подпасок завёлся, такой, не скажу какой. Только лучшего не сыщешь. Что хочу, то и делаю, никого не боюсь!

А тут как раз завернул в шинок управляющий — табак у него, вишь, кончился. Как завидел наш храбрец пана управляющего, так у него душа в пятки ушла. А управляющий на него напустился.

— Ах ты, такой-сякой, — кричит, — в шинке прохлаждаешься, а овцы без присмотра по степи бродят! Вот поедем сейчас к отаре, если хоть одна овца пропала, прогоню сейчас же. Прах тебя побери!

Приехали. Управляющий увидел зарезанных овец, затопал ногами:

— Так и есть, как я говорил! Теперь тебе век не расплатиться!

— Не туда вы смотрите, пан управляющий, в ту сторону поглядите. Там лежат тёплые шубы и для вас, и для главного управляющего, и для самого князя.

Повернул голову управляющий, да так и ахнул: двенадцать матёрых волков — один к одному и все, как один! Тут он и сменил гнев на милость.

— Как же ты их одолел? — спрашивает.

— Да не буду врать, — пастух отвечает. — Не я это, а мой верный слуга, мой помощник.

— Какой такой помощник?!

— А вон он, овец пасёт.

Пёс услышал, что про него бают, подбежал и поклонился управляющему. Да не просто мордой мотнул, а встал на задние лапы, правую переднюю в сторону отвёл и головой низкий поклон отвесил.

— Ну и ну! — только и молвил управляющий. — Это пёс панский! Не тебе, мужичьей кости, быть ему хозяином. Вот тебе десять рублей, а собаку — мне.

Пастух своего помощника и за сто рублей бы не отдал. Да разве с паном управляющим поспоришь?!

Посадил пан пса в коляску и уехал.

Привёз к себе, и такие в доме чудеса пошли, что пан ни на один час с собакой расставаться не хотел. День и ночь при себе держал.

А тут как раз пановы именины подоспели. Съехались к нему

гости, управляющие из других княжеских имений. Князь-то богатый был, земли-то у него немеряно!

Выпили паны, и, как водится, зашёл у них разговор о пустяках. Стали они собаками хвалиться. Именинник слушает, посмеивается. А уж когда все нахвастались, позвал своего пса и говорит:

— Покличь-ка мне Ивана, Романа да третьего — Степана.

Смеются гости: какое поручение собаке дают! Такой собаки и на свете нет, чтобы его выполнила!

А пёс степенно из комнаты вышел, недолго пропадал, назад идёт, трёх слуг за собой ведёт.

Паны и смеяться перестали, спрашивают у слуг, как кого зовут.

Один отвечает:

— Я — Иван.

Другой отзывается:

— Я — Роман.

Последний говорит:

— Те двое — Иван да Роман, а я третий — Степан.

Тут паны поверили, какие собаки на свете бывают.

А имениннику ещё мало. Велел собаке уголёк принести, чтобы трубку раскурить. Опять никто не верит: как же тварь четвероногая горячее принесёт?!

Вот пёс входит, в зубах у него ложка, на ложке уголёк тлеет. И подносит тот уголёк хозяину трубку раскурить.

У панов много времени на забавы, да и забавам конец приходит. Отпраздновали именины, разъехались гости. А главный управляющий остался и принялся просить пса себе в подарок.

Хозяин думает шуткой отговориться:

— Чтобы именинникам подарки делали — знаю. И сам сегодня подарки получил. А чтобы гость у именинника подарка требовал — такого не слыхивал.

Главный управляющий своё гнёт: отдай да отдай ему собаку.

Рассердился управляющий, сказал:

— Не достанется тебе мой пёс!

И главный рассердился:

— Коли так, мне не достанется и твоим не останется!

Вскочил в коляску, поскакал к самому князю.

Что он князю наговорил, они вдвоём знают, а только утром уже от князя к управляющему слуги были посланы со строгим наказом: сейчас же пса князю представить.

Батраку с управляющим не спорить, а управляющий против князя ничего не смеет. Отдал он пса, да ещё низко кланялся.

Князь в комнатах пса держать не стал. Сколотили по его веле-нию конуру, просторную, тёплую — к зиме шло дело, во дворе ка-нат протянули, чтобы псу на цепи кругом бегать.

Неспроста так князь сделал. Трёх лет не прошло, как женился князь. Через год родила княгиня сына, и — вот беда! — в первую же ночь пропал младенец, неведомо как, неведомо куда. Никто ни-чего не слышал, никто ничего не видал. Искали, искали и следа не нашли.

А теперь княгиня опять ребёнка ждёт. Мало ли что слу-чится?

Князь так думал: если пёс и вправду такой умный, как расска-зывают, может, хоть он устережёт от беды неведомой.

Так оно и шло: пёс днём на цепи бегал, еду ему подавали прямо с княжеского стола. Ночью с цепи спускали. Вроде бы воль-ней; да двор княжеский — что твоя крепость: ограда высокая, воро-та на засовы заложены, замками замкнуты. Затосковал пёс, обидно ему, всё-таки он человек! Может, и убежал бы, как-нибудь излов-чился, да жаль ему княгиню молодую. Слышал он, как слуги меж собой толковали, что первого её младенца унёс неведомо кто: то ли цыгане, то ли нищие, то ли нечистая сила. «Поживу пока», — думает.

Замолчал тут сказочник, остановился дух перевести.

А песенник его торопит:

— Давай говори скорей! Охота знать, что дальше было.

Усмехнулся сказочник:

— Зачем тебе слушать, как я вздор горожу?

— Вздор не вздор, а ты скажи, уберёт пёс младенца или не уберёт. И что с ним потом было?

— Э, нет, — покачал головой сказочник, — зима за весной не наступает, в середине лето да осень будут. И сказка своим че-редом идёт.

— Хочешь слушать, так слушай, — пасечник сказал. — А сло-ву не мешай.

Песенник замолк. Сказочник опять рассказывает.

Через какое-то время родились у княгини два сына.

Князь от счастья себя не помнит. Созвал на радостях гостей. Пьют, едят гости, и князь с ними. Слуги гостям подносят и себя не забывают.

Пировали почти до полуночи. Потом разошлись, огни погасили, спать легли.

Князь говорит:

— У нас пёс надёжный, устережёт! — и тоже заснул.

Не знал он, что слуга за гульбой да весельем забыл собаку на ночь с цепи спустить.

Бегаёт пёс вокруг двора по канату, цепью бренчит.

Только полночь минула, сам собой замок на воротах открылся, сам засов отодвинулся. Крадёт в усадьбу ведьма, да прямо к дому. Признал сразу эту ведьму пёс — жёнка это его, та, что псом его оборотила. Рвётся он с привязи, но крепко канаты свиты, прочно цепь скована. Стал канат перегрызать. До половины перегрыз.

А ведьма уже из дому выходит, двух младенцев к себе прижимает. Рванулся тут пёс что было силы — лопнул канат. Зарычал пёс, на ведьму бросился. А у той руки заняты, она младенцев держит, ногами его пинает, к воротам пробивается. Рвёт её пёс острыми клыками, а следу не остаётся и кровь не течёт.

Так бы и унесла детишек, да когда она уже у самых ворот была, запели первые петухи. Тут она младенцев и бросила, сама в ночной тьме будто растаяла.

Пёс подобрал младенцев, отнёс их в конуру и сам рядом прилёг. Обхватил лапами, телом своим греет. Ведь мороз на дворе, стужа лютая.

На рассвете проснулся князь, встал, пошёл своих сынков проведать. Смотрит — обе колыбельки пустые, княгиня спит, и няньки спят.

— Ах, — закричал князь, — пёс окаянный! А я-то на него надеялся! Лучше бы я сам глаз не сомкнул, верней бы уберёг!..

Схватил двустволку заряженную, выбежал на крыльцо. Не раздумывая долго, вскинул ружьё — бах по конуре из одного ствола. Да сгоряча не попал.

Тут пёс младенцев лапами расшевелил. Они и заплакали.

Как услышал князь жалобный плач своих деток, чуть ума не решился. Бросился к конуре, ребяток слезами обливает, пса целует, благодарит.

На выстрел уже все домочадцы выскочили, детишек унесли. И по приказу князя в тот же день надели на пса богатый ошейник, шитый шелками, самоцветными камнями изукрашенный.

Да пса княжеская милость не радуёт, лучше бы ему волю подарили!

«Ну, ладно, — думает, — дождусь ночи, сам как-нибудь убегу. Я своё дело сделал!»

Пришла ночь, полночь с собой привела. И опять, как вчера, сами собой ворота растворились. Жёнка его появилась.

— А, — говорит, — тебе псом неплохо живётся. Вишь, как тебя разукрасили! Слушай же меня: ты мою летучую метлу изломал, младенцев у меня отнял, я больше над ними власти не имею... А над тобой имею!

Хлестнула его прутиком и проговорила:

— Побегал ты псом, теперь птицей полетай!

И оборотился пёс соловьём. Да не серым соловушкой, а птицей красоты несказанной, невиданной. Шелка да каменья, что на ошейнике были, засияли пёрышками разноцветными.

Поднялся на лёгких крыльях соловей, вокруг княжеского двора облетел, сам себе жалуется:

— Было бы время тёплое, лето красное, хорошо бы я прожил. Куда захочу — полечу, где вздумаю — поклюю да воды попью. А теперь зима лютая, стужа великая, все поля, все луга снегом завалило. Ни согреться, ни прокормиться... Чем так мучиться, лучше разом с жизнью расстаться!..

Сложил крылья и пал камнем на землю. Да какой у птахи вес?! Не убилися он, даже не расшибся.

Что же делать! Надо дальше жить. Забился под стреху, ночь переждал. Утром полетел, куда крылья понесли, куда ветер направил.

Прилетел в крестьянский двор, а там скирда гречки стоит. Да вся частой сетью-сильём оплетена сверху донизу, чтобы птицы зерно не клевали.

Наша птаха думает: «Хоть с голоду, хоть в силках — всё одно пропадать! Может, зёрнышко изловчусь ухватить!»

Ухватил одно зёрнышко, второе склевал, а на третьем в силках запутался. Что больше бьётся, то крепче волосяные петли держат.

На ту пору вышел из избы хозяйский сын, мальчишечка-малолеток. Приметил птицу, сказал:

— Как же тебя, бедную, глупую, догадало в силках запутаться?

Освободил её и в дом принёс.

А у того мальчишечки сестра была старшая, тихая да ласковая. Глянет — на сердце теплеет, усмехнётся — в тёмной комнате просветлеет, будто солнышко из-за облака выплыло.

Увидела сестра птицу и говорит:

— Подари мне, братец, соловейку. Я тебе отдарю, чем захочешь.

Мальчишечка отвечает:

— Бери так, коли понравилась.

Понесла девушка соловья в горницу, посадила в клетку. Смотрит — запечалилась птица, голову набок свесила. Тут девушка дверцы растворила и говорит:

— Скучно тебе, видно, в клетке сидеть, полетай хоть по горнице. Была б весна, я б тебя на волю отпустила.

Соловей полетал по горнице, потом сел на клетку и запел. Так запел, что не слушаючи заслушаешься.

Девушка вздохнуть боится, как бы той песне не помешать. Ровно жалуется соловушка на долю горькую, а какая та доля — не понять девушке. Смутно у неё на душе, роняет она слёзы, как берёза по весне, если кору надрезать.

Кончил петь соловей, девушка слёзы утёрла и говорит:

— Часто в наш сад птахи залетают, песни свищут. А такой песни, как ты спел, не слыхивала. Не ведаю, кто ты таков, а только не птица. Чует моё сердце — человек ты.

Чуть промолвила, стал перед ней молодец — плечи широкие, кудри льняные, глаза голубые.

Не успел молодец слово сказать, зашуршало что-то за печкой — и выползла оттуда змея, гадюка чёрная.

Испугалась девушка, удивилась: откуда среди зимы змее взяться?! А змея прямо к молодцу ползёт, жалом грозитя. Молодец не растерялся, наступил гадюке на хвост, стал заговор говорить:

— На синем море-океане стоит камень Алатырь. На том камне растёт яблоня. На той яблоне змеиное гнездо. В том гнезде — три шерстины: шерстина чёрная, шерстина белая, шерстина красная. На тех шерстинах лежит змея-сcurлупия, ведьма лютая. Найдут на тебя, ведьма, три тучи, тучи грозные — одна каменная, другая водяная, третья огненная. Каменная побьёт, водяная утопит, огненная спалит. Не будет тебе места ни во мхах, ни в болотах, ни в гнилых колодах, ни в тёмных лесах, ни в зелёных дугах, ни в быстрых реках, ни в крутых берегах, ни в жёлтых песках, ни за межой, ни под межой, ни в траве, ни в крапиве. Этим разом, добрым часом плюю и дуою на тебя, бесстыдную. Сгинь, ведьма, пропади!

Зашипела гадюка, свилась кольцами и дух испустила.

— Кто тебе та змея? — спросила девушка. — Почему на тебя зло имеет?

Тут рассказал ей молодец всю правду, как есть. Что я вам баял, то и она услышала.

Устал я сказывать, да и сказке скоро конец — что долго говорить! Полюбилась молодцу девушка, и он ей полюбился, как водится.

Невестины родители молодых благословили, свадьбу сыграли. Пожили недолго, потом муж сказал жене:

— Один я у отца; верно, крепко он тужит, думает, меня и на свете нет. Поедем к нему, его старость покоить. А твоим отцу с матерью утеха останется — их сынок, твой братец родимый.

Как молодой муж сказал, так и сделали. К отцу поехали, хорошо зажили, а сейчас ещё лучше живут.

Кончил сказочник сказку сказывать. Сидят все трое, молчат. Потом песенник говорит:

— Ну, брат, твоя взяла! Сказка — правда, а песня — вздор.

А сказочник не соглашается.

— Как же песня — вздор, если через песню с человека заклятье спало.

Отозвался тут пасечник:

— Что ж вас судить, добрые люди, раз вы сами меж собой всё рассудили. Идите, народ радуйте. Когда вместе, когда поврозь, как придётся.

ВРАЛЬ

Русская сказка

ил в одной деревне парень. Хоть куда парень, только сызмальства врать любил. А мужики в той деревне простые были: что парень ни соврёт, всему верили.

Десять раз поверили, на двенадцатый засомневались. А как он их раз сто провёл, поклялись, что сроду ему больше не поверят. Так и парню сказали.

Усмехнулся парень, ничего не ответил.

Вот хлеб убрали, обмолот идёт. Все мужики на току цепами машут. А с заката заходит грозовая туча, черным-черна. Мужики на небо поглядывают, ещё пуще цепами работают.

Вдруг бежит мимо парень, да так шибко, будто за ним кто гонится.

— Куда спешишь? — один мужик крикнул.

— Соври чего-нибудь! — другой смеётся.

А тот парень:

— Некогда мне врать, валит рыба на гать, а я бегу её собирать.

И ещё быстрее припустил, только пятки сверкают.

— Пожалуй, что не врёт!.. — почесал в затылке один мужик.

— Да нет, врёт! — сказал другой. — Однако рыбки хорошо бы попробовать!

— Чего время терять! — закричал третий. — Айда все на гать, рыбу собирать!

Побросали цепи и кинулись вслед за вралем. Один только старый дед усмехнулся и остался на току.

Добежали мужики до гати — рыбки там и не бывало. Только парень стоит, руки в боки, хохочет во всё горло!

Хлынул тут дождь, ровно из ушата всех окатило. Вымокли мужики до нитки, и рожь намокла.

Идут обратно, меж собой толкуют:

— Вот уж враль так враль! Говорил, что врать некогда, а теперь опять соврал.

А старый дед им:

— Сами вы и виноваты! Недаром говорится: к делу безделицу не примешивай, на всякое слово уши не развешивай.

ПОТЕРЯННОЕ СЛОВО

Белорусская сказка

енился парень. Да взял молодую не из своей деревни, а из дальнего заречного села. Пожили они мало ли, много ли, молодуха и говорит мужу:

— Съездил бы ты, Иванка, мою матушку навестить.

Иванке что — запряг лошадь и поехал.

Хорошо его тёща встретила. Картохи на стол поставила, грибочков солёных, пирог с рыбой. А потом налила в миску такое, чего он отродясь не едал. Вроде кислит оно, вроде сладит, не густое, не жидкое, не холодное, не горячее... Вкусное!.. Ел бы да ел! Две миски Иванка выхлебал. И спрашивает тёщу:

— Мамо, а мамо! Это что же вы такое наварили?

— Как что, зятёк дорогой! Кисель это овсяный. Неужто не знаешь?

— Не знаю. У нас в деревне такого никто не варит. А Параска моя умеет его варить?

— Отчего ж не уметь? Умеет.

Ну, погостил ещё немного Иванка у тёщи и домой отправился. Едет и твердит: «Кисель, кисель, кисель!..»

А навстречу прохожий. Поздоровались они. Только Иванка вымолвил «добрый день», вылетело у него из головы слово. Хоть убей, не вспомнить!

Почесал в затылке и повернул к тёще назад, благо недалеко отъехал.

— Мамо, а мамо! Так как та штука называется, что вы меня угощали?

— Кисель, зятёк, овсяный кисель!

Иванка снял шапку и наговорил туда три раза: «Кисель, кисель, кисель!»

Потом надел шапку и сказал:

— Теперь-то уж не забуду!

Полпути проехал, с паном повстречался. Свернул коня прямо в лужу, чтобы пану дорогу дать, шапку по обычаю снял. Да как закричит:

— Ох, батюшки, потерял!

— Что ты потерял? — пан спрашивает.

А Иванка чуть не плачет.

— Таковую штуку загубил, что и за деньги не купишь!

Видит пан, человек убивается.

— Ну, так ищи, — говорит, — и я тебе помогу.

Засучили они рукава, стали в луже потерю искать. Пан попански ищет — деликатно, осторожно пальцами по воде водит. А Иванка запустил руки в лужу по локоть, по дну шарит. Поднял ил да грязь, с водой перемешал.

— Ты что же делаешь? — укоряет пан. — Разве так найдёшь? Взбаламутил всё, глянь только — не лужа, а кисель.

— А будь здоров, паночек! — закричал Иванка. — Спасибочки! Отыскал ты мою потерю!

Вскочил на телегу и хлестнул коня.

Пан так и остался на дороге с растопыренными руками. Потом покрутил головой и поехал, куда ехал.

А Иванка уже к дому подъезжает. Молодая жена выбежала ему ворота растворить. Он ей с телеги:

— Параска, а Параска, умеешь ты кисель варить?

— Почему ж нет?

— Так беги скорей вари! А то я опять забуду, как он зовётся. Наварила Параска киселя, созвали они гостей, угостили на славу.

С тех пор в той деревне научились кисель варить.

КАК ВАСИЛИСА НА ВОЙНУ ПОЕХАЛА

Русская сказка

Зачинается, начинается добрая сказка, славная байка. В чистом поле, в широком раздолье, за тёмными лесами, за зелёными лугами, за быстрыми реками, за крутыми берегами утка крякнула, берега звякнули, море взболталось, сказка сказала. Да это ещё не сказка, а присказка. А теперь сказку слушайте.

В одном селе жили муж с женой. И вырастили они трёх дочек. Старшую как звали — не знаем, среднюю — не помним, а младшая дочь была Василиса Прекрасная.

Жили не тужили, да тут война началась. А с чего война? Про то цари знают. Царства у них поделены с дедов да прадедов, и межа ровно по ниточке идёт. Так, вишь, заспорили, кто когда межевой камень положил и кто теперь им владеть должен. Поспорили, поспорили и пошли войной друг на друга. Да негоже царям самим кулаками махать, на то солдаты есть — всех молодых парней на войну и угнали.

А у нашего крестьянина три девки, ни одного парня. Собрались сельчане, судили-рядили и так приговорили:

— Кабы у тебя не три девки, а трое сыновей росло, все трое на войну бы пошли. А раз никто не идёт, должен ты крестьянскому миру на утешенье, селу на увеселенье три бочки мёду выкатить.

Услышала про это старшая дочь и сказала:

— Не ставь ты за меня мёду. Иди в город, купи мне коня неезженного, седло несиженое, плётку нехлёстаную, ружьё нестреля-

ное. Сама на войну отправлюсь, воевать буду. Всё равно всех женихов угнали, замуж идти не за кого.

Отец с матерью её и так и сяк уговаривают. Она на своём стоит. Делать нечего. Купил отец, что она просила.

Снарядилась старшая дочь, на войну поехала.

А отец вперёд забежал, у Ремень-реки на мостике остановился. Тулуп вывернул, вверх шерстью надел, голову в выдолбленную тыкву сунул, горящую головешку в зубах держит.

Доехала старшая дочь до Ремень-реки, видит — на мостике стоит лохматое, голова круглая, из пасти искры летят, дым валит. Может, оно медведь, может, чудище какое неведомое. Что бы ни было, а страху не оберёшься. Повернула она коня, домой поскакала.

Назавтра средняя дочь говорит:

— Купи мне, батюшка, коня неезженного, седло несиженое...

Махнул отец рукой.

— И слушать дальше не хочу. Всё уже куплено, да храбрость, вишь, на ярмарке не продаётся.

— А мне храбрости не занимать! — похвалилась средняя дочь.

Села на коня и поехала на войну. Доехала до Ремень-реки, видит, на мостике медведь не медведь — чудище лохматое, лапами машет, путь загоразивает.

— Так вот отчего сестра домой вернулась! Ну, я не из таковских.

Сорвала с головы шапку, зажмурилась, да и кинула наугад куда попадая. Только ворон всполошила да сама их карканья испугалась. Хлестнула коня плёткой и поворотила назад.

А младшая сестра Василиса Прекрасная ничего у отца не просила, ничего сёстрам не молвила, мужское платье надела, русые косы под шапку спрятала, мать обняла и на коня вскочила.

Едет на коне еженом, сидит в седле сиженом, плёткой помахивает хлёстаной, ружьё нестреляное за плечами. Чем не парень, чем не молодец!

А отец, как и в те разы, на мостике через Ремень-реку дочку поджидает.

Увидала Василиса Прекрасная чудище косматое, да не испугалась. Ухватила белой ручкой плётку покренче и ну лохматого хлестать, по бокам охаживать.

Взревело чудище дурным голосом, в кусты с мостика бросилось, затаилось. Василиса мост переехала, дальше путь держит.

А отец-бедняга домой ни с чем приплёлся. Залез на печь, лежит, кряхтит.

Жена спрашивает:

— Ты где был?

— По грибы ходил.

— А чего охаешь?

— Да на ёлках этот год шишки велики выросли. Тро-нул ненароком ёлку, так они и посыпались, все бока-плечи обколотили.

— Василиса-то где?

— Уехала наша Василиса. Уже за Ремень-рекой скачет.

Мать только заплакала.

А Василиса до распутья доскакала, тут коня остановила. Смотрит — три дороги перед ней, посредине столб стоит, а на столбе написано:

«Вправо поедешь — коня потеряешь!»

— Не поеду вправо, — Василиса себе говорит, — конь-то не мой, а батюшкин. — И дальше читает:

«Влево поедешь — сам пропадёшь!»

— Это уж и вовсе ни к чему! — рассудила Василиса.

Смотрит опять:

«Прямо поедешь — увидишь, что будет!»

— Вот это по мне! — обрадовалась Василиса.

И пустила коня прямо.

Сколько ехала, столько ехала — день до вечера. Ночь настала, туман пал, а кругом шумит тёмный лес-дубравушка. Совы да филины разухались, волки развылись, а человеческим духом и не пахнет. Отпустила Василиса поводья — пусть конь идёт куда знает.

И принёс её конь к избушке, где жила шишига лесная с сыном Ванюшкой да с собачкой Викушкой.

Василиса шишиге-хозяйке до земли поклонилась, Ванюшке в пояс, собачку Викушку по шерсти погладила.

Шишига её в дом впустила, за дубовый стол усадила, принялась спрашивать:

— Как звать тебя, добрый молодец? Далеко ли едешь? Куда путь держишь?

— Кличут меня Василием-Васей, а еду я ни далеко, ни близко, на войну воевать.

— Зачем тебе на войну ехать, лучше с нами оставайся. Будешь мне сынком названным, моему Ванюшке братцем любимым. Ему одному в лесу скучно.

— Нет, поеду!..

— Ну, так хоть погости, — шишига говорит.

А Ванюшка с Васи-Василисы глаз не сводит. Шишиге тихоньку шепчет:

— Эх, кабы девица была, взял бы замуж.

— Что болтать попусту — парень это, — шишига отвечает.

— А мне сердце сказывает-подсказывает — девица.

Тут шишига призадумалась, испугалась. А чего испугалась, о том речь не сейчас пойдёт, вперёд забегать не будем.

Стала шишига гостя спать укладывать. На лавке ему постелила. Взяла семьдесят семь трав, в изголовье сунула и шепчет Ванюшке:

— Коли девица, зацветёт к утру трава-мурава ярким цветом, что бисером разошьётся.

А у собачки Викушки ушки на макушке, всё она услышала, Василисе перешептала. Как загасили лучину, спать легли, Василиса вынула тихонько траву-мураву, на окошечко положила.

Утром смотрит шишига и головой качает.

— Нет, — говорит Ванюшке, — молодец это. Сам гляди: ни одна травинка цвета не дала, ни красного, ни синего, ни белого.

А Ванюшка своё:

— Девица!

— Что ж, — отвечает шишига, — испытаем ещё раз.

Сама на печь легла, разохалась.

— Ох, детушки, разломило меня всю. Который-нибудь из вас воды наносите.

А Ванюшке шепчет:

— Не носи. Пускай Вася принесёт. Коли девица, по воду пойдёт с коромыслом. Коли парень, понесёт ведра в руках.

Василиса — за коромысло, а собачка Викушка её тихонько тявкает:

— Оставь коромысло, где стоит. Бери ведра руками.

Так Василиса и сделала. Коромысло за дверью оставила, с ведрами к ручью пошла. И Ванюшка за ней.

— Не уезжай, — говорит, — братец названный, живи с нами. Вместе нам веселей будет.

— Мне в лесу не жить, — Вася-Василиса отвечает. — Я не лесного роду-племени.

— Да ведь и я не лесного роду-племени. Рос, как ты, в деревне, у отца с матушкой. Как-то ехали мы на сенокос, я ещё мальцом был, забаловался, кринку с водой разбил. Рассердилась матушка да в сердцах и скажи: «Возьми тебя шишига лесная!». В тот же вечер и уволокла меня шишига.

— А ты бы убежал! — Вася-Василиса советует.

— И рад бы, да не могу. Только девица-красавица, что замуж за меня пойдёт, из беды меня вызволить может.

Смотрит на Ванюшку Вася-Василиса, а стан-то у него ладный, плечи широкие, волосы так и вьются. Однако не дала волю девичьему сердцу, не призналась.

Наносила воды Василиса, а шишига и говорит Ванюшке:

— Теперь сам видишь, что молодец.

— Видать-то вижу, а сердце не то подсказывает.

— Ладно, в последний раз испытаю, истоплю баньку. Коли парень, пойдёт с тобой мыться. Коли девица, со мной попарится.

Только банька истопилась, Ванюшка стал собираться, а Вася-Василиса вперёд побежала. Коня привязала у баньки, сама — скорёхонько мыться да париться.

Подходит к баньке Ванюшка, а конь на него так и кидается. То копытом лягнуть, то укусить норовит. Ванюшка на него грозится:

— Ах ты, волчий корм, травяной мешок! Стой, не балуй!

Конь ещё пуще ярится.

Закричал Ванюшка:

— Эй, братец, уведи своего коня.

— Сейчас уведу, — Василиса отзывается.

И вышла из баньки. Взяла коня под уздцы, отвела в сторону и говорит:

— Ты, Ванюша, иди мойся, а я уже.

Ванюшка думает:

«Так и не вызнали — парень ли, девица ли?»

Вечером спать легли, шишига да Ванюшка заснули, а Василиса раздумалась: «Ох, горюшко! Промешкаю тут — правду дознаются. Надо ехать, куда ехала».

Встала, во двор вышла и коня оседлала. Только хотела в путь тронуться, собачка Викушка к ней подбежала и так посоветовала:

— Что ж ты в дальнюю дорогу поесть ничего не взяла? Возьми каши горшочек да пшена мешочек. Может, сама съешь, может, на другое пригодится.

Василиса собачку послушалась.

Всю ночь ехала, на зорьке отдохнуть остановилась. Легла на травку, шелкову муравку. Лежит и всё Ванюшку вспоминает.

А Ванюшка в избушке проснулся, шишигу разбудил.

— Вставай скорей, нету моего брата Васи-Василия. Видно, на войну уехал. Поскачу и я вдогонку. Вместе будем воевать.

— Нет на то моего согласия! — шишига отвечает. — Лучше я твоего Васю на войну не пущу, а сюда представлю.

Вышла на крыльцо, в ладоши захлопала, громким голосом закричала:

— Эй вы, гуси-лебеди, серы да белы, слетайтесь-собирайтесь. На краю леса, на траве-мураве лежит Вася, то ли молодец, то ли девица. Так вы Васю ко мне доставьте.

Гуси-лебеди полетели. Васю-Василису увидели, над ней закружились.

Ур-ку, ур-ку, полетим, полетим!
Ур-ку, ур-ку, унесём, унесём!

Услыхала их Василиса, мигом горшочек каши на траву поставила, мешочек пшена по земле рассыпала.

Спустились гуси-лебеди, крыльями машут. Склевали всё до чиста и назад улетели.

Шишига их бранит, а они отвечают:

— Ты нас не всякий день и мякиной-то кормила, а тут мы белой каши да отборного зерна наклевались.

Схватила шишига прут берёзовый, бьёт, хлещет гусей-лебедей. приговаривает:

— Что сказано, то приказано, что велено, то и делайте!

Полетели гуси-лебеди назад.

А тем часом-временем заснула Василиса крепким сном. Шапка с головы её упала, русые косы по траве разметались.

Подхватили гуси-лебеди Василису, так её спящую в лесную шишигину избушку и принесли.

Ванюшка увидел, руками всплеснул.

— Чуяло моё сердце, что девица она, Василиса Прекрасная.

А шишига про себя думает: «То-то и оно, что девица. Уведёт моего Ванюшку, из-под моей власти высвободит. Надо её извести. А Ванюшку запру за дубовые двери, на железные засовы».

Заманила она Ванюшку в баньку, задвинула засов железный, навесила замок и ключ к поясу привязала — теперь никуда не денется.

Василиса к окошку баньки подошла, ласковым голосом заговорила:

— Тут ли ты, братец Ванюшка?

— Тут я, тут, Василиса Прекрасная, — отвечает. — Только не зови меня братом названным, а зови женихом зарученным.

Василиса зарумянилась, будто облачко на зорьке.

— Рано мне женихом тебя называть. Сидишь ты, ровно сокол пленённый в клетке. А пока ты в неволе, и мне никуда не уйти,глупое сердце девичье не пускает.

— Спасибо тебе на ласковом слове, — отзывается Ванюшка. А шишига на крыльцо выскочила, Василису кличет. Посылает её коров доить, что в лесу на лужайке пасутся.

Василиса подойник взяла, пошла в лес.

Ванюшка в баньке сидит, горюет.

— Знаю, знаю, куда моя мыка пошла, знаю, знаю, куда горемыка отправилась. Замыслила шишига лютой смерти её предать. Хоть бы Викушка ей помогла.

А Викушка — ушки на макушке — тут как тут. Догнала Василису, всему научила.

Пришла Василиса на лужайку, подойник посреди лужайки поставила, сама на берёзку залезла. За сучок ухватилась, громким голосом закричала:

Эй, лесные коровушки,
Лохматые бурёнушки,
Собирайтесь, подоитесь
Да опять разбегитесь!

На те слова повалили из лесу медведицы, одна другой страшней да лохматей. В подойник подоились и ушли.

Василиса с берёзы слезла, полный подойник подхватила и шишиге принесла. Шишига так от злости и затряслась.

— Коров подоила, — говорит, — это работа не работа. А вот тебе работа: иди моих овечек постриги.

Ванюшка в баньке горюет, да Викушка своё дело знает: всё Василисе рассказала, всему научила.

Вот пришла Василиса в тёмный лес, огляделась. Точно — стоит пенёк, как Викушка сказывала. Она под ним рядом расстелила, положила ножницы, потом стала на пенёк, проговорила:

Пень пня выше
Да пень пня выше!

Стал пень расти, над травой поднялся, над кустами поднялся, с верхушкой сосны сравнялся. Тут Василиса начала шишигиных овец скликать громким голосом:

Овечушки чёрные, овечушки белые,
Овечушки рыжие, овечушки серые,
Собирайтесь, постригитесь
Да опять разбегитесь!

Выскочили из чащи волки, глазами сверкают, зубами щёлкают. Друг дружку постригли, шерсть на рядом в кучу сгребли и убежали в пушу-чащу.

Василиса ножкой притопнула, пню велела:

Пень пня ниже
Да пень пня ниже!

Пень и опустился.

Принесла Василиса шишиге шерсть, а шишига, что те лесные овечки, зубами заскрипела.

«Ну, ладно, — думает, — медведи её не загрызли, волки не съели... Шибко умна, да и я не глупей. Погожу, придумаю. Всё одно изведу, не видать ей моего Ванюшки!»

А Василисе сказала:

— Принесла шерсть, так садись прясть.

Дала девушке каменное веретёнце и на лавку прилегла.

Прядёт Василиса и сама себе говорит:

— Медведи меня не задрали, волки не съели... Да больно хитра шишига, ещё что-нибудь удумает, изведёт меня. Ну, да и я не так проста... Убегу и Ванюшку уведу. Только она нас и видела.

Сказала себе так и запела тихонько:

Весь-то лес спит,
И медведи спят,
И лисицы спят...

А шишига не спит, прислушивается.

Жужжит веретено, нитка тянется, Василиса дальше поёт:

И трава спит,
И листья спят,
И шишига спит...

Стала шишигу дрёма одолевать.

И шишига спит...
И шишига спит...

Тут шишига и заснула.

Увидала это Василиса, подала знак Викушке. Викушка — ушки на макушке — к шишиге подобралась, перекусила шнурок и принесла Василисе ключ от баньки.

Мигом Василиса собралась: веретено с собой взяла, клок волчьей шерсти прихватила да гребень с длинными зубьями. Потом плюнула на то место, где сидела, и сказала:

Слюнка, слюнка, до самой зари
За меня говори

Над волчьим волосом
Моим голосом!

Выскользнула тихонько из шишигиной избушки, Ванюшку отомкнула. Ванюшка к ней с ласковыми речами: «Ох ты моя любя, ох ты моя лада...» А она ему: «Не до ласковых речей, бежать надо!»

Пустились они с шишигиного двора, и Викушка с ними.

А шишига в избушке один глаз приоткрыла да спросонья спрашивает:

— Прядёшь ли, Василиса?

— Пряду, пряду! — слюнка отвечает. — Спи, не тревожься.

Полночи прошло, шишига другой глаз открыла.

— Прядёшь ли, Василиса?

— Пряду, пряду, — слюнка говорит.

Солнце встало, и шишига встала. Смотрит — нет Василисы. Шишига к баньке, а у баньки дверь настежь — и Ванюшки нет.

Взвыла шишига, заскакала, как горошина на раскалённой плите, и кинулась беглецов догонять.

Бегут Василиса с Ванюшкой, вдруг Викушка залаяла:

— Тяв-тяв, чую, чую, хозяйка близко!

Кинула Василиса гребень через плечо, и вырос перед шишигой высокий частокол. Она туда, она сюда, да нет нигде ни лаза, ни перелаза, ни прохода, ни обхода. Стала она поверх перелезать — юбка зацепилась, вся изодралась. Всё-таки перелазала.

Василиса с Ванюшкой бегут, бегут, опять Викушка залаяла:

— Тяв-тяв, берегитесь, погоня близко!

Тут Василиса клок волчьей шерсти бросила. Мигом каждая шерстинка волком обернулась. Завыли волки, зубами защёлкали, бросились на шишигу. Еле она успела на пенёк забраться да крикнуть:

Пень пня выше
Да пень пня выше!

Растёт пень, а волки так и скачут, растерзать хотят шишигу. Она их сверху уговаривает:

Овечушки, мои милые,
Чёрненькие да беленькие,
Рыженькие да серенькие,
Расступитесь, разбегитесь,
Меня пропустите!

Волки послушались, разбрелись кто куда.

Стук-бряк по лесу разносится, опять шишига гонится, вот-вот Василису с Ванюшкой настигнет.

Разломала Василиса каменное веретено, половинки в стороны бросила. Выросли две скалы, Василису с Ванюшкой да Викушку пропустили, а как стала шишига пробегать, сошлись и её защемили. Уж она их и проклинала, и заклинала, они с места не сдвинулись, будто испокон веку так было. Только когда беглецов уже стало и слыхом не слышать, и видом не видать, и следы их ветром замело, тогда расступились скалы, выпустили шишигу, опять веретеном обернулись.

Подняла шишига веретено, назад поплелась. В тёмном лесу подобрала шерсти клочок да гребень с длинными частыми зубьями. С тем домой и вернулась... Повздыхала и принялась пряхть.

А Василиса с Ванюшкой выбрались из леса, смотрят — Василисин конь пасётся, хозяйку ждёт.

Василиса обрадовалась:

— Вот теперь я на войну поеду!

— И я с тобой, — говорит Ванюшка.

Сели они вдвоём на коня и поскакали.

До первой деревни доехали, люди их спрашивают:

— Куда едете, куда скачете?

— На войну едем, воевать скачем.

— Эко дело! — смеются люди. — Война-то кончилась. А вы кто такие да откуда родом?

Василиса про себя рассказала. Подивились люди, головой покачали. А как Ванюшка стал рассказывать, один старик и говорит:

— Знаю, знаю, слышал, слышал про твою матушку, про твоего батюшку. Когда унесла тебя шишига, горевали они сильно, с того горя в одночасье и померли.

Заплакал Ванюшка.

— Куда ж я теперь?

А Василиса его утешает:

— Вот поедем, жених мой милый, к моим отцу с матушкой.

Отец с матерью дочери обрадовались, Ванюшку приветили.

— Оставайся, — говорят, — с нами. Будешь нашей младшей дочке мужем, а нам богоданным сынком.

Свадьбу сыграли, да и зажили все ладком.

Так Василиса Прекрасная на войну не попала, а мужа себе нашла.

ПЕВЕЦ

Белорусская сказка

Любил один мужик петь. Голос противный, на ухо ровно медведь наступил. А как соберутся мужики больше трёх, он уж тут как тут и песню затягивает.

Вот один раз пристроился он так к мужикам, что беседу вели на завалинке. Спел весёлую — никто не смеётся. Завёл жалостную — мужики разбежались. Только один остался, слушает да слёзы утирает.

Смотрит на него певец, ещё пуще заливается.

Кончил песню и спрашивает:

— Хорошо я пою?

— До самой души пробрало, — мужик говорит. — В точности так моя коза бляяла, когда её волки драли. Как вспомнил её, бедную, моих деток кормилицу, слеза меня прошибла.

С той поры, когда нашему певцу песня к горлу подступала, он подалее в поле уходил.

ЗЛЫДНИ НЕНАСЫТНЫЕ

Украинская сказка

Жил человек, и было у него два сына. Хозяйство вёл исправно, богатеет не слыл и бедняком себя не считал. Дожил до старости, а когда умирал, разделил всё добро меж сыновьями поровну.

Построили братья по хате, стали врозь жить. Только по-разному у них житьё пошло. У старшего, что ни год, богатство прибавляется, у младшего — убавляется. Засеет каждый своё поле. У старшего пшеница — как щетинка на щётке, колосу наклониться некуда. У младшего всходы — что волоски у старика на лысине. То у него на овец мор нападёт, то хорь кур передушит. Совсем обеднел. Иной раз сам с женой голодный сидит и детей накормить нечем. А детей у него — целая куча, мал-мала меньше.

Хорошо ещё, что он нравом лёгкий уродился, унывать не любил. Была у него утеха — скрипочка-песельница да смычок-плясун. Заиграет на ней, сразу на сердце повеселеет. И жена про нужду забудет, и дети есть не просят.

А у старшего брата всего в доме полно, одного не хватает — детей нет как нет.

Раз повстречались братья. Богатый говорит:

— Хорошо тебе жить. Вон сколько помощников растишь. Мне бы хоть сына, хоть дочку.

— Не горюй, — бедный утешает. — Будут ещё и у тебя дети.

— Кабы по твоему слову сделалось, — вздохнул богатый, — ты бы у меня первым да самым дорогим гостем был.

И что вы думаете?! Ровно через год родился у богача сынок.

Бедняк говорит жене:

— Постирай мне рубаху. А то позовёт меня брат на крестины, так пойду пускай не в новом, да в чистом.

Сколько ни ждёт, не шлёт за ним брат.

На восьмой день богач крестины назначил.

— Надо к брату идти, — сказал бедняк своей жинке.

— Так ведь он тебя не звал!

— Как не звал? Звал. Год назад, когда я ему дитя напророчил. Я не набивался, его за язык не тянул. Сам он меня приглашал.

И пошёл.

Хоть и не очень-то ему старший брат обрадовался, а всё же как гостя принял, усадил за стол. Сидят, беседуют.

Тут появился сосед-богатея. Старший младшему говорит:

— Подвинься, брат. Этого гостя на почётное место, в красный угол, посадить надо.

Подвинулся младший. А на пороге уже второй богатея. Опять подвинуться пришлось. Пошли друг за другом званые гости. А бедняку всё — подвинься да подвинься. Так что за столом ему и места не хватило. Примостился он на колоде, что у самых дверей стояла.

Гости чарку выпьют, закусывают. Стол от угощенья ломится: поросёнок жареный, гуси-куры варёные, холодец так жиром и лоснится... Да бедному брату с колоды ни до чарки, ни до еды не дотянуться.

Вышел он в сени, хлебнул воды из кадочки, вернулся, пошарил по карманам — думал, может, корочка заваялась. А выгреб горстку семечек. Вот-то хорошо! Верно, дети насыпали. Сидит, семечки лузгает, будто после доброго глотка горелки закусывает. Один богач увидел и руку протянул.

— Никак семечки грызёшь? Отсыпь и мне маленько!

Тут и другие ладонь подставляют:

— И мне! И мне!

Мигом похватали, ни одного семечка у бедняка не осталось.

Погостевал он так у богатого брата. Не солоно хлебавши домой отправился.

Идёт, покачивается, ногу за ногу заплетает, будто и вправду выпил. И песни во всё горло распевает. Пускай люди думают, что богатый брат его хорошо попотчевал.

Вернулся домой, жена спрашивает:

— Как погостевал? Как тебя братец встречал-проводил?

— Лучше и не надо! — отвечает. — И наугощался, и напелся,

и наплясался вволю. А вы тут, бедняжки, веселья не видели. Дайте хоть я вас повеселю.

Снял со стены свою скрипочку-песельницу, повёл по струнам смычком-плясуном. Да так заиграл, что, вот право слово, окажись вы в той хате, и вы бы в пляс пустились.

Жена бедняка руки в бока упёрла и пошла выступать, ровно пава. А дети и притопывают, и прихлопывают, и приплясывают, и присвистывают. Так вся хата ходуном и ходит. Битые стёкла в оконницах позванивают, побелка со стен сыплется.

Играет бедняк и удивляется:

— Боже ж мой, сколько у меня детей! Хотя постой, постой!.. Химка да Хомка. Ненилка да Гаврилко, Параська да Стаська, да Иванко, да Степанко. Вот и всего. А тут... Ну-ка посчитаю: это моё... это моё... А это? Фу ты, так перед глазами и мелькают! Побей меня гром, это не моё. Вот опять мой, а вон те два опять не мои. Откуда же они взялись на мою голову?!

Протянул руку, схватил одного. Да так и отшатнулся — худое оно, малесенькое да зубастое.

— Вы кто такие?

А оно и отвечает писклявым голосом:

— Злыдни мы твои.

«Вот оно что! — думает бедняк. — Так это злыдни ненасытные всё моё хозяйство сглодали. Скоро, гляди, и до хозяев доберутся прожоры зубастые!»

— Где же вы живёте? — спрашивает.

— Как где? В подпечке.

— И хорошо вам живётся?

— Какое хорошо!.. В тесноте да в обиде. Смотри, сколько нас развелось.

— А хотите, я вам просторное жильё сделаю?

— Хотим, хотим! — запищали злыдни из всех углов.

Прикатил бедняк большую бочку, что под стрехой стояла для дождевой воды, и говорит:

— Вот вам дом.

Как увидели злыдни бочку, так и полезли туда. Да каждый спешит, толкается, чтобы место занять получше. Грызню меж собой подняли.

Бедняк подождал, пока последний злыдень в бочку забрался, поставил её стоймя, вколотил днище да обруч покрепче набил. Потом отвёз бочку подальше и сбросил в овраг.

С того дня всё в хозяйстве на лад пошло. Одна тощая коро-

вѣнка была, а двух хороших тѣлочек принесла. Овцы тоже двойнями да тройнями плодятся. Птицы домашней развелось — не сосчитать. И урожай — на загляденье, что в поле, что в огороде.

А богатый брат видит всё и покой потерял.

«Зачем такое бедняку?! Он ведь к бедности своей привык, жил, веселился. А теперь до того дошло, что со мной в хозяйстве сравнялся. Каково это мне? От людей стыдно!»

Вот он и отправился к брату, будто невзначай, будто мимо шёл.

— Обрадовал ты меня, братец родимый! Расскажи, как тебе такое счастье привалило?

Младший брат ему спроста и выложил всё как есть.

— Так и так, — говорит, — злыдни у меня завелись было, а я их в бочку заколотил.

— И где же та бочка?

— Да в овраг сбросил.

— Ну и ладно. Живи себе, поживай, — говорит старший, а сам усмехается.

Прямо от брата пошёл богач к оврагу. Смотрит, и вправду лежит бочка. А в ней что-то шуршит, что-то стучит, что-то пищит — видно, злыдни хотят на волю выбраться.

Богач взял да и вышиб дно у бочки. Выскочили злыдни, худющие да голодные. Он им и говорит:

— Бегите скорее к брату!

— Э, нет! — злыдни отвечают. — У него нам плохо жилось. В голоде да в холоде сидели.

— Да теперь у него столько всего, что будь вас в десять раз больше, и то на всех хватит.

— Всё равно не пойдём. Он хитрый, нас в бочку заманил. Лучше мы у тебя жить станем. У тебя печка большая и подпечек просторный.

Испугался богач, бросился бежать. Да разве от злыдней убежишь?! Поцеплялись, как репяхи, за свитку, в чоботы набились, на плечи уселись, за пазуху забрались.

Как ни отбивался богач, поселились злыдни у него в хате. Что было добра, всё сожрали. Всего в хозяйстве нехватка, только бед да несчастий вдоволь.

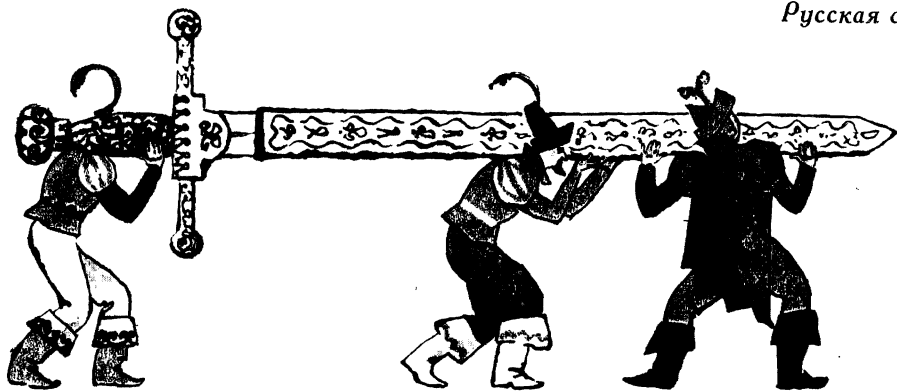
Не раз и не два старший брат вспоминал, что слышал от людей: «Не желай другому, чего себе не хочешь!»

Вспоминал, да поздно.

ИВАН — КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН ДА ЦАРЬ ИВАН

Русская сказка

Было у старика три сына. Выросли сыновья молодец к молодец, в руках силы не меряно, волосы кудрявые, на щеках румянец играет.

Вот однажды отец и говорит:

— Скоро вас женить пора, тесно всем в старом доме станет. Надо новый дом сработать.

Принялись они за дело. Брёвна таскали — ухали, сруб ставили — песни пели, крышу крыли — перешучивались. Долго ли, коротко ли — сработали дом.

— Ну, сыночки, — сказал старик, — доброе мы жильё изладили. Теперь бы узнать-угадать, каково нам там житья будет.

И послал старшего сына в новом доме ночь переночевать.

Дал ему с собой хлеба, и соли дал, и воды кружку. Велел всё на стол поставить и скатёркой прикрыть, а потом лечь спать да по лучше сон запомнить. Каков сон увидится, то и сбудется.

Старший сын по сказанному как по писаному всё исполнил. Ночь переночевал, сон увидел, утром вернулся.

— Видел я, батюшка, — рассказывает, — полный двор полениц, а в дому в печи огонь горит ясным пламенем.

— Это хороший сон, — отвечает отец. — Тепло жить будем. На вторую ночь среднего сына посылает.

Тот в новый дом пришёл, хлеб, соль да воду в кружке на стол поставил, скатёркой прикрыл. Потом на лавку улёгся.

Всю ночь проспал до ранней зорьки. Утром вернулся, свой сон рассказывает:

— Снилось мне, что печь натоплена и жар уже в загни́ток выгребли. А та лопата, что ты, батюшка, намеднись вытесал, так и скачет, сама хлебы в печь сажает, а навстречу ей готовые каравай прыгивают. Пышные, румяные.

Отец обрадовался:

— Ну, значит, сытно заживём!

На третью ночь настал черёд младшего сына, Ивана.

Отец и ему хлеб, да соль, да воду в кружке дал.

Отправился Иван в новый дом. Хлеб на стол положил — хлеб на пол скатился. Солонку поставил — соль рассыпал. Из кружки вода расплескалась. Всё неладно!

Лёг он на лавку, шапку под голову сунул. Спит не спит, а сон видит. Не в старом он, не в новом доме — в чужом месте. Лежит по рукам, по ногам связан, шевельнуться не может. Вдруг, откуда ни возьмись, змея к нему ползёт, а с другой стороны лисица подбегает. Змея пасть разинула, зашипела. Силится Иван вскочить, да не может. Тем временем лисица острыми зубами принялась путы перегрызать. Только не успела. Распрямилась змея, что калёна стрела, и откусила Ивану правую ногу по колено. Тут спали сами собой с него путы, встал он на одну ногу, змею ударил. Мигом спала со змеи змеиная кожа, и явилась на свет девица-красавица, что ни в сказке сказать, ни пером описать. И лисичка девицей обернулась. Такой милой, такой пригожей! Хотел Иван ей слово ласковое промолвить, да проснулся. . .

Покрутил головой, домой пошёл.

Отец спрашивает:

— Ну, что тебе привиделось?

А Иван отвечает:

— Не скажу, пока сон не сбудется.

Отец его так и этак выспрашивает. Иван отмалчивается. Рассердился отец и закричал:

— Раз так, не жить тебе в новом дому! Уходи от нас!

В сердцах сказал, сам не думал, что сын взаправду уйдёт.

А Иван как услышал это, повернулся и ушёл.

Где ходил-бродил, долго ли, коротко ли странствовал, а остановился в одном городе. Нанялся там к купцу в работники. Что ни велит купец, всё в срок исполняет, ни от какой работы не отказывается. Хозяин новым работником не нахвалится.

Вот однажды купец спрашивает:

— Есть ли у тебя какая родня?

— А как же! — отвечает Иван. — Отец есть и братья. Да отец меня из дому прогнал.

— С чего бы так? — удивился купец. — Ты и работающий, и послушный. . .

— Твоя правда, я отцу ни в чём не перечил. Только один раз не открыл сна, что мне приснился. Отец и разгневался.

— А что же тебе приснилось? — спрашивает купец.

Усмехнулся Иван и говорит:

— Уж если я родному батюшке не сказал, так не тебе меня спрашивать.

Тут и купец рассердился. Стал грозить, выпытывать. Видит Иван — не житьё ему здесь. Взял расчёт и пошёл новую работу искать.

Да не сразу нашёл: где ему хозяева не глянутся, где хозяевам работник не нужен.

И принесли его ноги к царскому дворцу. А как раз в ту пору царь из дворца выезжал на охоту. Никогда Иван в своём крестьянстве таких коней, таких пышных нарядов не видывал! Стоит, дивится. И царь его приметил. Залюбовался его статью, плечами широкими, русыми кудрями. «Ай да молодец добрый!» — подумал. Повернулся в седле, спросил:

— Ты кто таков? Как тебя зовут?

— Крестьянский сын. Отродясь Иваном кликали.

— И меня Иваном нарекли. А лет тебе сколько?

— Вроде двадцать.

— И мне двадцать. Вон как всё сходится. Не пойдёшь ли ко мне в слуги? Будешь мне добрым товарищем. А то мне от старого царя, моего батюшки, все слуги-советники с седыми бородами достались.

— Отчего ж не пойти! — отвечает Иван.

Стал Иван — крестьянский сын царю Ивану службу служить. Служит верой и правдой. Что царь ни загадает, Иван наперёд исполняет, любое дело у него спорится.

Как-то разговорился с ним царь, стал расспрашивать. Ну, Иван — крестьянский сын просто ему всё про себя и обсказал.

Любопытно царю.

— Так какой же ты сон увидел?

— Ох, не спрашивай, всё едино не открою. Отцу не сказал, купцу не сказал и тебе не скажу.

Царь дотоле хорош, доколе ему не перечат. А теперь разгневался, что его с простым мужиком, с хапугой купцом равняют, и велел Ивана в темницу кинуть.

Сидит Иван в темнице. А молодой царь тем временем жениться задумал.

У царя Ивана любимая сестра была, на один год младше, на десять лет мудрее. Вот царь Иван и говорит ей:

— Так и так, Марьюшка, слышал я, что за морем, на круглом острове девица-красавица Марфа-царевна живёт. Приходили к нам под парусами гости, заморские купцы, красу её расписывали. Поеду её сватать.

— Ох, братец Иванушка, — отвечает сестра. — Дорог журавль в небе, да ведь лучше синица в руки. Не ездил бы ты за море! Мало ли у нас девушек пригожих?!

А он своё:

— Нет, поеду.

— Ну, так возьми с собой слугу твоего верного, Ивана — крестьянского сына. Ежели в чужой стороне беда-нужда приключится, он тебе помогой будет.

— Возьму, коли сон свой откроет. Мне не сказал — может, тебе расскажет.

С чем пошла царская сестра в темницу к Ивану — крестьянскому сыну, с тем и вернулась. Говорит брату:

— Не сказывает, пока его сон не сбудется.

— Ну, так пускай сам на себя пеняет! — отвечает царь. — Я и без него обойдусь.

Собрался в путь-дорогу и пошёл на пристань. Под царским-де присмотром и корабль оснастят получше, и припасу возьмут, сколько надобно.

Проводила его до ворот сестрица Марьюшка и пораздумала: «Ой, лихо! В далёком пути, как на долгом веку, чего не случится. Ум хорошо, а два лучше. Будь что будет, послушаюсь брата, сделаю по-своему!»

И выпустила узника-потюремщикка Ивана — крестьянского сына.

— Догоняй тёзку, Иван. В удаче с ним будь и в беде не оставляй. Только смотри, спервоначалу на глаза ему не попадайся. Зол он на тебя.

— Что ж, — отвечает Иван. — Я на него сердца не держу. Я ему верно служить обещался. Крестьянское слово — не царское, что сказал, то и выполню.

Пустился Иван к пристани. Да не наезженной дорогой через город, а потаёнными звериными тропами, напрямик через лес. Бежит, поспешает.

Вдруг слышит голоса. Сердитые голоса, громкие, будто кто-то

ссорится. Остановился, прислушивается. А рядом на суку ворона сидит и тоже слушает. Он ворону за хвост и под кафтан, чтобы каркнуть не вздумала. Сам тихонько подкрадывается.

Всё ближе, ближе голоса. Видит Иван — на маленькой полянке два мужика так спорят, что уж и до драки дело доходит. А рядом узелок лежит.

Иван их спрашивает:

— Чего, добрые люди, поделить не можете?

— Да вот, — говорят, — достались нам шапка-невидимка, сапоги-скороходы да скатёрка-хлебосолка. И не знаем мы, как три заветные вещи на двоих поделить.

— Так я вас рассужу, — сказал Иван. — Брошу камень, а вы за ним бегите. Кто первый его назад принесёт, тот первый и выберет, что захочет. А уж второй, не обессудь, возьмёт, что останется.

Согласились мужики.

Иван выхватил ворону из-за пазухи и швырнул её подальше в чащу. Полетела ворона, мужики за ней.

Ну, а Иван, не будь дураком, сунул ноги в сапоги-скороходы, шапку-невидимку — на голову, скатёрку-хлебосолку — за пояс, шагнул да семь вёрст разом и отмахал, на пристани очутился.

А царский корабль как раз в ту пору от пристани отчалил. Только теперь Ивану что! Сделал полшага, через семь волн перешагнул, на палубу ступил. Никто его и не увидел.

Корабль плывёт, на волнах качается. День прошёл, ночь пришла, ночь прошла, опять день наступил.

Истомился царь Иван, ходит по палубе, сам с собой разговаривает:

— Эх, кабы меч для богатырских плеч, кабы лук для сильных рук, кабы красна девица, чтобы на ней жениться.

А Иван — крестьянский сын в шапке-невидимке рядом с ним похаживает. Послушал, послушал, не удержался и сказал:

— Ох, смотри, принесут меч, да не хватит плеч, будет лук, да стрелять не с рук, будет и девица, да не просто на ней жениться.

Царь Иван оглянулся — нет никого. Ну, думает, прислышалось.

Проплыли ещё сколько-то времени и к острову причалили.

Только сошли на пристань, Иван — крестьянский сын шапку-невидимку снял, царю Ивану поклон отвесил. Царь Иван обрадовался.

— Вот теперь знаю, чей голос со мной на корабле говорил.

И на радостях забыл спросить, кто его из темницы выпустил, как Иван — крестьянский сын на корабль попал.

Да тут и не до беседы было: видят — идут к ним трое молодцов, кряхтят-сгибаются, втроём еле-еле меч-кладенец несут.

— Вот, — говорят, — Марфа-царевна велела тебе этот меч поднять да над головой покрутить. Коль поднимешь меч, о сватовстве пойдёт речь, не поднимешь меч — голова с плеч.

Оробел царь: где же тот меч поднять, когда трое молодцов еле тащат.

А Иван — крестьянский сын подскочил, выхватил у молодцов меч из рук, покрутил над головой, потом об колено, ровно прутик, надвое переломил и обломки в стороны бросил.

— Эх, это, — говорит, — нашему царю не задача, а забава.

Тут ещё трое подходят. Два молодца богатырский лук тащат, третий стрелу волочит. Остановились перед царём Иваном, с поклоном сказали:

— Марфа-царевна так велела: коли пустишь из лука стрелу, будешь гостем у неё в дому, а коль не сладишь с тетивой, голова с плеч долой.

Царь Иван в лице переменялся: где же с таким луком управиться?!

А Иван — крестьянский сын тряхнул кудрями, ухватился за лук, наложил стрелу и пустил её прямо в небо. Улетела стрела к облакам, а вернулась ли на землю, кто знает!..

— Что это вы нашему царю, — смеётся Иван, — детские игрушки показываете?! Лучше не мешкайте, проводите его с почётом к Марфе-царевне.

Повели царя Ивана к невесте.

Сколько он там был, столько и погостевал, а вернулся на корабль темнее тучи.

Иван — крестьянский сын спрашивает:

— Что невесел, царь? Али не хороша невеста?

— Уж так хороша — глаз не отвести.

— Так за чем же дело стало?

— Да, вишь, — говорит царь Иван, — у неё загадки не кончились. Велела к утру шить половину свадебного платья, какого — не сказывает. А у неё тоже шьётся полплатья. И чтоб сошлись две половинки, как по мерке. Не то свадьбе не бывать.

— Не кручинься, — отвечает ему Иван — крестьянский сын. — Ложись спать. Авось, пока спишь, и загадка разгадается.

Спал не спал царь Иван, а Иван — крестьянский сын дело делал. Надвинул на лоб шапку-невидимку и в город пустился. Всех швей, всех портных обегал и нашёл-таки тех, что полплатья царевне

шили. Как раз они свою работу кончали, серебряный позумент на белую парчу подмётывали.

Иван — крестьянский сын на выдумки горазд. Раскинул в уголке скатёрку-хлебосолку, только развернул, а она всякими кушаньями, соленьями да сладостями уставилась. Удивились портные: откуда такое взялось?.. Да не отказываться же от угощенья! Тем временем Иван — крестьянский сын схватил полплатья и за пазуху себе сунул.

Поели, поугощались портные, оглянулись: батюшки-светы!.. Нету царевнина заказа, как сквозь землю провалился. Что делать? Хорошо, что припасу на целое платье заготовлено. Принялись опять шить-кроить.

А Иван скатёрку-хлебосолку свернул да скорей на корабль.

Ну вот, приходит утро. Принесли портные Марфе-царевне полплатья, и царь Иван подаёт ей полплатья. И сошлись обе половинки, как по мерке.

Марфа-царевна соболиные брови нахмурила и говорит:

— Ну что ж, одна загадка позади, вторая впереди. К свадебному платью мне сапожок сафьяновый тачают, золотые узоры, серебряные подборы. А ты мне второй стчай, чтобы пара была.

Вернулся царь Иван на корабль ещё темней с лица, чем раньше. Рассказал своему верному слуге всё как есть.

Иван — крестьянский сын говорит:

— Эта беда не беда!

Опять побежал по городу. Всех сапожников обегал и нашёл, где сапожок царевне ладят. Всё, как в прошлую ночь, сделал — раскинул скатёрку-хлебосолку, поманил угощеньем мастеров, а сам сапожок унёс и скатёрку не забыл прихватить.

Еле мастера управились, другой сапожок сшили. Приносят его Марфе-царевне, а уж царь Иван там.

Надели царевне сапожки — оба впору, хоть мерь, хоть не мерь.

Марфа-царевна со зла ножками в новых сапожках затопала и опять задачу задала:

— Велела я отлить золотое узорчатое колечко. И ты такое же к утру сделай. А нет, так и свадьбе не бывать, и головы тебе не сносить.

Как в те две ночи было, так и в третью получилось. Всё Иван — крестьянский сын уладил. К утру у Марфы-царевны кольцо и у Ивана-царя такое в точности.

Тут уж Марфе-царевне деваться некуда. Что жениху ни загадывала — всё исполнено. Согласилась она замуж за него идти, в его царство-государство ехать.

Сели на корабль и пустились в обратный путь.

Иван — крестьянский сын, ясное дело, с ними. Опять под шапкой-невидимкой укрылся. Его не видят, он всех видит.

Правду говорил царь Иван — хороша собой царевна. Да не приветлива, не добра, не улыбчива. Как ни взглянет на неё Иван — крестьянский сын, свой сон вспоминает. «С чего бы это?» — думает. Но не стал гадать: поживётся — увидится.

Как отплыли, так и приплыли — буря их не настигла, морские разбойники не встречались.

Вернулись, все во дворец пошли. А Иван — крестьянский сын прямёхонько в темницу отправился. Сел, сидит. Так думает:

«Царь Иван меня в темницу посадил, да не он выпустил. Я своё дело сделал, теперь подожду царской милости-справедливости. Пускай сам обо мне вспомнит!»

А царь Иван со своей невесты глаз не сводит, всё на свете позабыл, про своего верного слугу и не вспоминает.

Только когда собрались за свадебным пиром, сестра брату сказала:

— Нехорошо, брат, старый обычай нарушаешь. К царской свадьбе все темницы настежь отворяют, виноватым волю дарят, а у тебя узничек-потюремщикек, верный слуга Иван, в темнице томится.

— Ох, ведь и правда! Что же ты его не отомкнула?

— Да не замкнута темница. Я его звала, он не идёт. Говорит: «Кто меня сюда бросил, тот и выпустить должен».

Тогда царь Иван пошёл в темницу, взял Ивана — крестьянского сына за руку и рядом с собой посадил.

Увидела это Марфа-царевна и спрашивает:

— За что узнику такая честь?

Царь Иван отвечает:

— Теперь ты моя жена, не потею от тебя правды. Кабы не Иван, не бывать бы нашей свадьбе. Это он твои загадки разгадывал.

Разгневалась Марфа-царевна, крикнула:

— Так вот кто меня перехитрил!

Вскочила из-за стола, сорвала со стены острую сабельку. Хотела Ивану — крестьянскому сыну голову снести, но Иван подпрыгнул — и срубил сабелька не победную головушку, а правую ногу по колено.

Тут Иван — крестьянский сын повернулся к царю Ивану и сказал:

— Вот когда мой сон до половины сбылся-оправдался. Не ска-

зывал я его ни отцу, ни купцу, ни тебе, царю, а теперь скажу. Снилось мне лисичка-сестричка, что пути мне перегрызла, — это Марья-девица, твоя сестрица. Она меня из темницы выпустила. А ещё снилась змея лютая, что ногу мне по колено откусила, а кто она, сам понимай-угадывай. Берегись, как бы и тебе худо не было!

Никто и слова вымолвить не успел. Иван — крестьянский сын подхватил отрубленную ногу и исчез из глаз, ровно его и не бывало. Шапка-невидимка от всех его скрыла, и сапоги-сорокоходы помогли. Хоть и на одну ногу обул, мигом очутился далеко от дворца в тёмном лесу.

Перед ним избушка на курьих ножках, об одном окошке.

— Эге! — сказал Иван. — Да это бабы-яги жильё... Стань, избушка, к лесу задом, ко мне передом!

Заскребла избушка когтистыми лапами, заскрипела брёвнышками и повернулась. Тут и дверь оказалась.

Вошёл Иван в избушку, а там двое мужиков на лавке сидят, плачут. Иван их сразу признал. Те самые, что из-за шапки-невидимки, скатёрки-хлебосолки и сапог-сорокоходов спорили. Присмотрелся — у одного ног нет, у другого глаз нет.

— Что ж это с вами? — спрашивает Иван.

Тот, что без ног, отвечает:

— Обман по кругу ходит, беду за собой водит. А всё из-за шапки-невидимки, сапог-сорокоходов да скатёрки-хлебосолки. Раздобыла их баба-яга неведомо где, может, у самого Кощея Бессмертного, а мы на них позарились. Подстерегли, когда её дома не было, да и унесли. Мы бабу-ягу перехитрили, а ты — нас.

— Простите, братцы! Не из корысти брал, по крайней надобности. Теперь назад принёс.

— Поздно, — второй мужик отзывается. — Поймала нас баба-яга, сюда приволокла, била-колотила, мучила-жучила, у него отняла ноги, у меня глаза вынула. Да, верно, и тебе несладко пришлось, коли сюда на одной ноге прискакал.

— Обо мне речь особо. Я ногу через вещий сон потерял, — отвечает Иван. — Давайте лучше подумаем, как нам бабу-ягу одолеть. Неужто мы втроем с ней не справимся?!

Вдруг застучало-загремело по лесу. Это баба-яга в своей ступе домой возвращается, помелом след замечает.

Иван — крестьянский сын шапку-невидимку надел, у двери встал. Баба-яга в дом, а он её — за седые космы. Тут и те двое ему на подмогу... Связали бабу-ягу, в угол на лавку посадили.

— Говори, где мои ноги?! — кричит безногий.

— Говори, куда мои глаза дела?! — кричит слепой.

Видит баба-яга — деваться некуда.

— Ноги в сундуке у печки, глаза в горшочке за печкой, — отвечает.

Посмотрел Иван — не обманула старая.

— Ну, — говорит, — веди-показывай, где у тебя живая вода.

А нет, сделаем с тобой, как ты с ними сделала.

— Ваша взяла, по-вашему и будет, — соглашается баба-яга.

Посадил слепой безногого себе на закорки. Иван прихватил три ноги да глаза в горшочке — и отправились все за бабой-ягой.

В густом ельничке, в частом березничке, под корнями старого дуба вырыта криница — тёмная водица.

— Вот, — говорит баба-яга, — омойте в живой воде ноги да глаза, сами омойтесь. Всё у вас срастётся без ущерба, без урона. А меня отпустите с миром.

Обрадовался слепой, хотел опустить глаза в криницу, да Иван его за руку схватил.

— Не спеши, — говорит.

А сам поймал комарика, зажал в кулаке да к уху поднёс, послушал: пищит комарик тонким голосом, на волю просится. Окунул Иван комарика в колодезь, сразу он крылышки свесил, ножки раскинул, молчит, не шевелится.

— Эге, — сказал Иван, — так вот какая она водица!

Тут они маленько бабу-ягу поучили: кто берёзовым прутом, кто еловой веткой.

— Это я так, пошутить хотела, — взмолилась баба-яга.

Зашли с другой стороны дуба, а там меж корнями заблестела криница — светлая водица.

— Вот это больше похоже! — сказал Иван и опустил мёртвого комарика в воду.

Мигом комарик встрепенулся, крылышки расправил, ножками задрогал и улетел.

Обмылись они живой водой. Разом приросло всё. Тот, который слепым был, опять белый свет увидел. Тот, кого баба-яга обезножила, на резвых ногах скачет. Да и Иван смеётся, обеими ногами притопывает.

Про бабу-ягу на радостях забыли. А как спохватились, её уж и след простыл. Попробовали было догонять, да где там! Вскочила она в свою ступу и унеслась неведомо куда. С тех пор её в том лесу никто не видывал, не слыхивал.

Мужики Ивану говорят:

— Бери что хочешь, хоть шапку-невидимку, хоть скатерть-хлебосолку, хоть сапоги-скороходы.

Иван отмахивается:

— Мне они теперь без надобности. Владейте ими сообща да не ссорьтесь. А мне недосуг с вами. Моя служба не кончена, сон не до конца сбылся.

И пошёл Иван — крестьянский сын обратной дорогой, туда, откуда пришёл.

Вот лес кончился, город завиднелся. А между лесом и городом большой луг. На том лугу какой-то человек табун лошадей пасёт. Подошёл Иван поближе, смотрит — да это сам царь Иван с плёткой вокруг табуна похаживает, на коней покрикивает.

Иван — крестьянский сын удивляется, спрашивает:

— Нешто это царское дело — коней пасти?!

Царь Иван отвечает:

— Ох, Иван, верный ты мой слуга, скажу тебе по всей правде: ничего на свете хуже нет, чем лютая жена. Точит она меня с утра до ночи, с ночи опять до утра. Вот коней пасти заставила. А кони, ровно заговорённые, домой не идут.

Иван — крестьянский сын сказал на это:

— Не горюй, царь, всё поправится. Я тебе полсна открыл, а сам-то его до конца видел. Поменяемся одежкой, я заместо тебя к твоей жене пойду. А ты, как кони домой побегут, иди за ними. Что сбудется, то и будет, а хуже не станет.

Вот приходит Иван — крестьянский сын ко дворцу в царской одежде. Марфа-царевна издали в окошко его увидела, за мужа приняла. Выскочила на крыльцо, ногами топает, бранится.

— Ты зачем, такой-сякой, явился, коней без присмотра оставил?!

Ну, Иван — крестьянский сын не испугался, сам долго не раздумывал и ей опомниться не дал. Схватил её за косу, на землю бросил. Ударилась она оземь, змеёй оборотилась, шипит, извивается, жалом Ивану грозит.

Иван и тут не растерялся. Ударил змею прутом и сказал:

— Побыла змеёй, стань верной женой. А вы, резвы кони, скачите домой.

Тут всё по его слову и сделалось.

Спала змеиная шкура со змеи, и встала перед Иваном — крестьянским сыном девица-красавица. Та же Марфа-царевна, да не та. Лицо приветливо, румяные уста улыбкивы.

А уж конский топот близко слышится — это табун домой бежит, и царь Иван на ретивом коне впереди скачет.

Бросилась к нему Марфа-царевна, плачет и смеётся. Обнимает мужа, приговаривает:

— Милый мой муж, коли можешь, зла не попомни. Не моя на то была воля. Лихая мачеха моего батюшку в могилу свела, а меня заклала злым заклятьем, моей красе завидуя. Вот что сказала: «Никому ты не достанешься, а и достанешься, так не на радость. Будешь ты с виду красная девица, а нравом — змея подколодная». Сказала так и скрылась неведомо куда. Много женихов ко мне сваталось, да все головы сложили. И тебя бы я погубила, кабы не твой верный слуга Иван. Загадки он разгадал и заветное слово нашёл. Спало с меня заклятьё, как змеиная шкура... С этого дня, с этого часа буду тебе, муж мой, царь Иван, доброй женой, а Ивану — крестьянскому сыну сестрицей названой.

— Вот, царь, — сказал Иван — крестьянский сын, — когда мой сон до конца исполнился. Теперь служба моя у тебя кончилась. Пора идти к батюшке родному, сон рассказать, чтобы на меня не гневался. А ты, царь, живи с Марфой-царевной в ладу да согласии.

— Погоди, — говорит царь Иван. — Не слугой ты мне был, а побратимом. Требуя награды, какой хочешь. Хоть полцарства тебе подарю.

— Зачем мне полцарства, — отвечает Иван — крестьянский сын. — Мне милей землю пахать и зерно в борозду кидать. А вот не отдашь ли ты мне в жёны сестру, да не силком, а по её доброй воле? Полюбилась она мне. Только люб ли я ей — её спроси.

Царская сестра Марьюшка с радостью дала согласие. Давно ей по сердцу Иван — крестьянский сын пришёлся. Сыграли свадьбу. Три дня пировали, три ночи плясали. Мы бы на том пиру побывали, да нас туда не позвали.

А как кончилось веселье, отправился Иван с молодой женой, царской сестрицей, в родные края, к отцу-батюшке. Что снилось, как сбылось — всё ему рассказал.

Зажили все в новом доме, и тепло им было, и сытно. Жаловаться не на что.

Больше баять нечего, нашей сказке конец.

ПРО КОЗУ, МУЖИКА И ПАНА

Украинская сказка

Водил мужик козу на ярмарку — продать хотел. Больно коза шкодливая. То на хату заберётся, всю крышу соломенную разворошит, то в чужой огород влезет, то ребятишек рогами распугает... А молока даёт капельку, да и то норовит по-дойник опрокинуть.

Только не продал мужик козу. В тот раз торг плохой был — продавцов много, купцов мало. Хотел мужик за козу три рубля взять, да никто и рубля не предложил. Простоял мужик весь день; как пришёл с козой, так с ней и в обратный путь пустился.

А домой ему лесом идти. Шагает тропой, вдруг видит — поперёк стёжки мёртвый волк лежит. Отчего издох, неведомо, его это волчьё дело.

Стоит мужик и думает: снять с волка шкуру или так бросить? Бросить жалко, шкуру снимать долго...

Пока думал да в затылке чесал, вышел из-за деревьев пан молодец. Жупан зелёный, шляпа с пером, сразу видно — охотник. Увидал мужика, увидел козу, увидел волка и спрашивает:

— Ты что тут делаешь?

Мужик шуткой отвечает:

— Да вот коза моя волка забодала. Так думаю, что с ним делать. Бросить жалко, шкуру снимать долго.

А козе надоело стоять, она копытцем — туп! И на пана рога наставила.

Пан так и всплеснул руками.

— Вот это коза! Никого не боится! Продай мне её.

Мужик смекнул: с дурня только дурень не возьмёт. И отвечает:

— Моей козе цены нет. Самому нужна.

У пана глаза разгорелись.

— Да я за деньгами не постою. Хоть сто рублей бери, а продай козу.

— Эх, — вздохнул мужик, — себе в убыток отдаю. Так и быть, давай сто рублей — твоя коза.

Передал конец верёвки пану, деньги в шапку и довольнёхонький домой отправился.

А пан решил сразу козу испробовать. Завёл в лесную чащу, привязал к дереву, сам на дерево влез. Сидит, ждёт.

Уже смеркаться стало. Тут и пришёл волк. Остановился перед козой, смотрит.

Коза: «Бе-е!» Испугалась, всё-таки волк, а не малые ребята.

А пан думает: «Вот это коза! Одного ещё и не берёт! Мало ей!»

Прибежал второй волк.

Коза ещё пуще испугалась. Громче заблеяла: «Бе-е! Бе-е!»

Пан себе говорит:

— Ну, коза! И двух ей не хватает.

Тут как выскочил из-за кустов третий волк. Набросились все трое на бедную козу. Мигом в клочья разорвали.

Пан с ветки закричал:

— Эх, проклятая коза, пожадничала!

Всем приятелям потом пан рассказывал-хвастал: была-де у него коза, на волков охотница. Только двух не хотела брать, а трёх не одолела. И ведь правду пан говорил, не врал, как другие охотники, — три волка козу съели.

МОЛЧУН- ЗЕЛЬЕ

Украинская сказка

Сказать бы байку — не умею, сказать бы присказку — не смею, соврать бы небылицу — не могу притвориться. Так скажу лучше правду, а вы послушайте, может, вам пригодится.

Идёт селом странница-старушка, что подаянием от добрых людей живёт. Полсела прошла, глядит — на завалинке перед хатой молодлица плачет-разливается, фартуком глаза утирает.

— Чего слёзы льёшь? — старушка спрашивает. — Что за доля тебе на роду выпала?

— Ох, бабуня, лучше не спрашивай! Лихая у меня доля, головушка моя несчастная... Как пошла я замуж за того окаянного, чашинки ясной не видела. Каждый день меня, бедную, бранит-ругает... Чтоб его черти на том свете ругали! Да ещё поколотить грозитя, лихорадка бы его колотила!..

— Ну, а ты ему отвечаешь?

— А как же! Он — слово, я — десять, он — десять, я — двадцать! Не дождётя он, ледащий, чтоб я ему смолчала! Вот ещё! И поверите, бабуня, не помогает ведь. Ещё пуще ругается. И заступиться некому за меня, сиротинушку... .

— Может, я тебе помогу, — говорит странница.

— Ой, бабо-сердце, помогите-присоветуйте, пусть вам солнышко ясно светит, дождь не мочит, пусть люди вам богато подают, а я ничего не пожалела бы — и сальца дала бы, и хлеба, и холста на сорочечку.

Порылась старая в своей котомке, вытащила пузырёк ни большой, ни маленький.

— Вот тебе, дочка, молчун-зелье. Настояно оно на семи травах. А собраны те травы из-за семи гор, семи рек, в тёмном лугу у белого камня в первую субботу после последней пятницы. Запоминай, доченька, всё в точности сделай, как я тебе говорю, а не то пропадёт волшебная сила у зелья. Держи пузырёк всегда при себе, а как начнётся меж вами сваря, ты тихонечко отвернись да набери в рот того зелья. Не глотай, не выплёвывай, а держи до той поры, пока от твоего мужа нечистая сила, чёрная злоба не отступится. Как после грозы тёмную тучу ветром от солнца отгоняет, так сгинет, пропадёт, развеется твоё лихо, словно и не бывало его. Моё слово верное, что сказала, то и сбудется!

Взяла молодица зелье волшебное, а странница своим путём побрела.

Ходила-бродила, немало на свете повидала, ещё больше от людей слыхала, да через какое-то время опять тем селом идёт. Полсела прошла, глядит — на завалинке перед хатой молодица песню поёт, зелёный горох себе в фартук лущит. Завидела старушку, руками радостно всплеснула.

— Ой, бабуня, пташечка моя, спасибочко вам за зелье!

— Помогло, значит? — спрашивает старушка.

— Говорю ж вам, бабуня, как ножом у нас беду отрезало. Придёт муж в хату, только начнём лаяться, я вашего зелья верного в рот наберу да держу, боюсь каплю упустить. Так поверите — муженька моего будто кто сразу подменит: сядет мирненько к столу, со мною ласково говорит, аж в хате светлее. Я зелье проглочу и сама ему ласково отвечаю. Тишь да гладь у нас. А я что вам обещала, не забыла.

Высыпала молодица зелёный горох из подола в миску, побежала в хату и вынесла старушке белого хлеба ковригу, сала добрый кус да тонкого полотна на сорочку. Взяла всё странница, попрощалась-поклонилась и собралась было уходить.

А молодица ей вслед:

— Ой, бабуся, постойте! Зелье-то у меня кончается. Как же мне без него дальше жить?

Засмеялась старая.

— Не горюй, доченька, это беда невеликая. Как кончится молчун-зелье, ты в пузырёк чистой водицы из колодца налей, она не хуже помогает. Перемолчишь сварливые слова, что тебе на язык просятся, и у мужа их не станет. Так-то оно, доченька!

КОГДА ЛУЧШЕ ГОРЕ ГОРЕВАТЬ, БЕДУ БЕДОВАТЬ

Белорусская сказка

Было это чуть попозже тех дней, когда наши прадеды жили, чуть пораньше, чем мы с вами живём.

Так вот, в те времена жили-были два соседа, два богатых купца. Дома их на одной улице стояли, один супротив другого — дверь в дверь, окошко в окошко глядели. Да не столько оконца гляделись, сколько купеческий сын с купеческой дочкой через улицу переглядывались.

Приметили это купцы-отцы и решили своих детей поженить. Построили им в хорошем месте, над рекой, усадьбу и всякого добра дали.

Живите, детки, не горюйте!

Ну, зажили купеческая дочка с купеческим сыном. Друг на друга не нарадуются.

Вот однажды слышат — грюк-грюк! — в ворота.

— Кто бы это в такую позднюю пору, в глухую ночь-полночь к нам пожаловал? — говорит молодая.

— Пойду посмотрю, — отвечает молодой.

Подошёл к воротам, спрашивает:

— Кто там?

— Это я, ваша Доля.

Открыл он ворота — любопытно же на свою Долю посмотреть. Видит, и правда, стоит Доля. Ни молодая, ни старая, а одета почудному: с правого бока грязные рваные лохмотья, с левого — пышные одежды золотом шиты.

Говорит ему Доля:

— Бедность и богатство рядом ходят, горе да радость друг друга сменяют. А тебе с женой на роду написано полжизни мыкаться, полжизни как сыр в масле кататься. Так скажи: когда хочешь беду бедовать? Смолоду или под старость?

— И думать нечего, — отвечает купеческий сын, — сейчас хочу жить хорошо, пока молод. А уж в старости всё равно, что будет. Далеко ещё до неё, что вперёд загадывать!

Помолчала Доля. Потом говорит:

— Ты за себя сказал, а ведь я у вас на двоих одна. Иди, с женой посоветуйся.

Пошёл купеческий сын, всё жене рассказал. Жена иначе рассудила:

— Горе да беду не надо откладывать. Лучше смолоду их избыть, пока сила есть. К старости кости покоя запросят.

Подумал муж и согласился. Так и сказал Доле.

В ту же ночь загорелась их усадьба, неведомо отчего. Только и успели в чём были из дома выскочить.

— Что ж, — сказали родители, — неужто мы своим детям в беде не поможем?!

Сложились и отстроили новый дом. С первым не сравнять, а всё же жить неплохо.

Да недолго и этот дом простоял. Разлилась в ту весну река небывалым разливом, подмыла берег и снесла дом купеческих детей начисто.

Что делать?! Опять отцам забота. У них уже и денег маловато осталось. Купили они им старый домишко, что от ветхости еле держался.

Трёх дней не прошло, налетела буря, сорвала крышу, занесла невесть куда, а стены по брёвнышку развалила.

Жена говорит мужу:

— Сами мы время беде выбрали. Не будем нашей долей отцов обездоливать. Пойдём куда глаза глядят.

Сняла она с пальца серебряное колечко, пополам разломила. Сняла с шеи платочек, надвое разорвала. Половинку себе, половинку мужу.

— Вот, — говорит, — храни как зеницу ока, чтоб по этим половинкам мы всегда друг друга признать могли. Радость нас свела, а беда, того гляди, разлучит надолго.

И правда, разлучила их беда.

Шли они по дороге, притомились, проголодались. Муж говорит:

— Нет моей силушки дальше идти.

Жена отвечает:

— Ляг на травку, полежи. Я твой сон посторожу.

Заснул муж крепко, ровно на мягкой перине. А жена подумала: «Что ж я так сижу, чего ожидаю? Сбегаю в лес, хоть грибов да ягод пособираю. Всё с голоду не пропадём!»

От кустика к кусту, от дерева к дереву — берёт грибы и ягоды. Сама не заметила, как забрела в глушь лесную, в топь болотную. Хотела назад повернуть, да не знает, в какую сторону. Кричала, аукала — ни ответа, ни привета. . .

Три дня блуждала, три ночи в лесу ночевала. Потом увидела тропку неприметную, по ней пошла. Привела её тропка на просеку, просека — на широкую тропу, а уж там она на торную дорогу выбралась.

Так и потеряла мужа.

Хлебнула она горяшка полную чашу, ни капельки мимо уст не пролилось. В няньках за кусок хлеба ночи не спала, чужих детей колыхая. Чужие стены белила, не свои полы скребла, бельё по людям стирала. И не год, и не два так пролетели. . .

Да вот пришла как-то в богатую усадьбу и нанялась там в судомойки. Владел той усадьбой старый пан, что на свете один, как перст, остался. Деток не было, а жена померла.

Смотрит пан — хорошая женщина новая судомойка, нрава тихого, а уж работница! . . Не найти таких. Вся челядь давно спит, она свою работу кончит, ходит по дому, чистит да прибирает. Ну, он ей всё хозяйство и доверил, все ключи отдал.

Жить бы ей и радоваться, а она каждую ночь втихомолку плачет. Полколечка слезами обольёт, половинкой платочка слёзы утирает. Беда с нуждой вроде бы отвязались, да горе неотвязное всегда при ней. Где-то мужёнок дорогой, каково ему живётся, доведётся ли свидеться? . .

Жена про мужа ничего не знает, а мы всё знаем и вам поведаем.

В тот давний день проснулся купеческий сын — жены нет, будто и не было. Ни следа, ни знака. . . Только и осталось у него памяти, что полколечка серебряного да полплаточка узорного. Носил он их, как ладанку, в мешочке на шее.

Ждал он, ждал жену, не дождался. И побрёл один путём-дорогой. Идёт от села к селу, как проголодается, нанимается поработать. Да любой хозяин понимает, что на голодное брюхо много не наработаешь. Первым делом велит накормить батрака получше. Наестся купеческий сын, тут ему и спать захочется. Ляжет вздремнуть и

проспит до вечера. А уж вечером нового работника подзатыльничком со двора провожают.

Вот он и говорит себе:

— Что я за человек такой! Просить стыжусь, красть боюсь, работать ленюсь! Надо по-другому жить. Теперь, как наймусь, ни есть, ни спать не стану, пока весь урок не выполню.

Взялся он вскоре сено возить. Хозяин с женой сена полный воз наложили, он наверх взгромоздился. Едет по дороге, а на обочине ворона сидит. Вдруг захлопала крыльями ворона и перед самой мордой лошади дорогу перелетела. Молодая была та лошадь, пугливая, как шарахнулась в сторону, так купеческий сын с воза скатился. А лошадь почуяла, что вожжи отпущены, да и понеслась по дороге вскачь. Бежит за ней купеческий сын, «стой! стой!» кричит. Рванул рубаху на груди, чтоб на бегу легче дышать было, и оборвал шнурок с заветным мешочком. Шагов двадцать пробежал, прежде чем спохватился. Не стал за лошадью гнаться, повернул назад — подобрать мешочек. А тут, откуда ни возьмись, та самая ворона. У него — ноги, у неё — крылья, где ему с ней в проворстве равняться! Хоть на полшага да опередила ворона купеческого сына, подхватила драгоценный мешочек и была такова.

Заплакал он, на всё рукой махнул — лошадь не догнал и к хозяину не вернулся.

«Раз так, — думает, — пропадай моя головушка совсем! Не место мне с людьми. Пойду в тёмный лес с волками да с медведями жить».

И свернул с дороги в бор. В такую пушу забрёл, что всю одежду ободрал. А уже в лесу смеркается, вот-вот ночь застигнет. Вдруг вдали огонёк мелькнул. Он на тот огонёк и пошёл. Выбрался на полянку, видит — под елями изба стоит и окошко светится.

Хоть и ушёл купеческий сын от людей, а людям обрадовался. Постучался в дверь, порог переступил.

Чудно ему показалось: одни мужики в избе, молодые, здоровые. За столом сидят, на серебряном блюде едят, золочёная чарка у них по кругу ходит. Двенадцать человек насчитал купеческий сын, а хозяйки не видно.

— Кто таков? Откуда явился? С чем в гости пожаловал? — спрашивают его.

Ну, купеческий сын и рассказал всё как есть.

— Вот и решил, — говорит, — с медведями да с волками жить...

Те смеются:

— Зачем тебе волки, живи с нами, мы не лучше волков.

- А кто же вы такие?
- Как кто? Разбойнички честные!
- Ну что ж, — отвечает купеческий сын.

И остался с разбойниками.

Ночь проспал, день прожил, а вечером говорят ему разбойники:

- Завтра на дело пойдём.
- А какое дело? — спрашивает купеческий сын.

— Да видишь, справа от леса, в селе, ярмарка была. Так самый богатый купец, что на той ярмарке много денег наторговал, мимо нашего леса к себе в город поедет. Вот мы его карманы и выпотрошим.

- А с купцом что будет?
- Известно, что будет. Зарежем купца.

Легли они спать, в двенадцать глоток захрапели. А купеческому сыну не спится. Как же так человека зарезать, живую душу сгубить?! Недоброе это дело!

Встал он потихоньку, прокрался в дверь. Ночь лунная, светлая. Пошёл он прямо, на дорогу выбрался, вправо свернул. К утру добежал до села да как раз вовремя. Богатый купец уже лошадей запрягает, домой ехать.

— Здравствуй, добрый человек, — говорит купеческий сын. — Прими от меня совет: не ездь короткой дорогой, что мимо леса лежит, поезжай окольной. Хоть и дальше, да вернее.

- Почему так? — купец спрашивает.
- Тебя на той лесной дороге разбойники ждут-поджидают.
- А ты откуда знаешь?
- Так ведь я сам разбойник.

— Как же я разбойнику поверю? Может, ты меня заманиваешь!

— Нет, не заманиваю. Я не настоящий разбойник, со вчера к разбойникам пристал. Кабы они только грабили, так ещё полбеды. А они, душегубы, зарезать тебя задумали.

Тут купец и поверил. Вынул кошель, хотел ему денег дать.

Купеческий сын спрашивает:

- И много ты мне дашь?
- Да полвыручки не пожалею, а выручка немалая.

Покачал головой купеческий сын и говорит:

- Ты глянь на меня. Как скажешь — молод я или стар?
- До старости тебе ещё далеко! А в сыновья мне, пожалуй, уже не годишься. Разве что в младшие братья. . .

— А мне присуждено полжизни бедовать, горе горевать. И та

половина ещё не прошла. Оно и выходит, что мне большие деньги ни к чему. Дай мне с выручки полтину. Я и пойду себе.

Попрощался с купцом, пошёл. Идёт и думает: «С разбойниками я не ужился, так и с волками мне не житьё будет. Придётся, видно, научиться работать как следует».

И научился. Стал на все руки мастер: старое починить, новое сколотить — всё умел.

Вот раз нанялся он к богатому мужику, который собрался новый амбар поставить. Мужик послал его лес для постройки валить. Повалил он стволов сколько нужно. Одного бревна не хватает. Присмотрел дуб потолще да повыше и давай топором махать. Свалился наконец дуб на землю, сучья обломал, верхушкой о землю грянулся. Видит купеческий сын — на верхушке гнездо воронье, а в гнезде что-то белеется. Подошёл поближе и не знает, то ли верить своим глазам, то ли не верить. Тот самый мешочек в гнезде, что ворона когда-то унесла! Схватил он его и к груди прижал.

«Верно, — думает, — срок нашим бедам кончается! Верно, жена через столько лет знак мне подаёт!»

Отвёз брёвна, хозяин спрашивает:

— Может, останешься амбар ставить?

— Нет, — отвечает, — мне теперь недосуг!

Снова отправился купеческий сын и не знает, долог ли тот путь будет или короток. Долог ли, короток ли, а прибрёл он однажды вечером к незнакомой панской усадьбе и ночевать попросился. Слуги его не пускают, прочь гонят.

— Нам не до гостей, — говорят, — у нас пан болен, может, до утра не доживёт.

Вышла тут ключница, молча посмотрела на него, потом сказала слугам:

— Куда вы прохожего человека на ночь глядя гоните? Я его сама накормлю да на лавку кожушок брошу.

Подаёт она путнику еду, а сама расспрашивает, откуда он да куда. Голос у неё ласковый, лицо приветливое.

«Эх, — думает купеческий сын, — не искал бы я свою жену, к этой бы посватался!»

И стал он ей рассказывать всё как было, что сперва случилось, что потом. А под конец показал ей мешочек с половинкой серебряного колечка, с половинкой узорного платочка. Тут ключица встала и прочь пошла, ни слова не промолвив. Да скоро вернулась и подаёт ему полколечка серебряного и полплаточка узорного.

— Неужто, — говорит, — не узнал ты меня, муженёк милый? А я тебя сразу узнала, едва ты порог переступил.

Приложила половинки, они и срослись. Колечко ей на палец само наделось, платочек на шею сам повязался.

— Так и мы с тобой, — жена сказала. — Полкольца не кольцо, полпары — не пара. Кончилось наше горе-гореванье. Одолели мы невзгоды, беды перетерпели. Теперь не разлучимся с тобой вовеки. А вдвоём ничего не страшно.

За беседой не заметили, как и ночь прошла. А на заре позвали ключницу к старому пану.

Собрались у его постели все слуги. Тут он ей своё последнее слово сказал:

— Была бы у меня дочка, и та бы так мою старость не покоила, мою немощь не лелеяла, как ты, голубка. И за то оставляю тебе всё, что нажил, да всё, что от отцов-прадедов досталось.

Сказал так и вздохнул в последний раз.

Поплакала она над ним, поминки хорошие устроила.

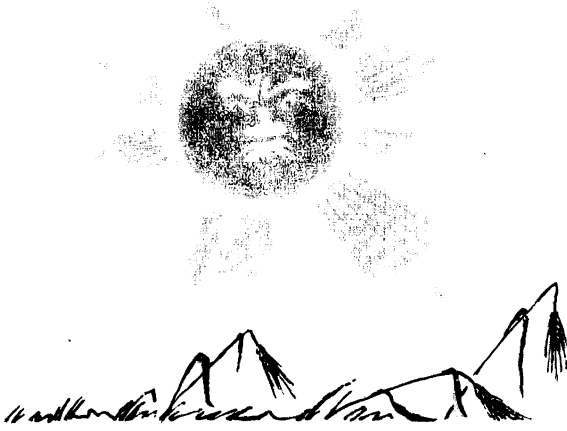
С тех пор жили они с мужем в счастье. Хозяйство вели с разом — чтоб самим не беднеть и людей не обидеть.

Видно, их Доля тем боком к ним повернулась, что не лохмотьями прикрыт, а богатыми одеждами украшен.

КОРОЧКА ХЛЕБА

Белорусская сказка

Сё утро пахал мужик своё поле. А в полдень сел перекусить, что из дому принёс. Картоху варёную с солью да с луковкой съел. Потом за воду с хлебом принялся. Мякиш сжевал, корочку бросил. И опять за работу.

Увидел это паук, обхватил лапками корочку и поволок прочь. Стояла на краю поля берёза, паук с корочкой на вершинку забрался. Сел на ветку, длинную паутинку вниз свесил.

Тут поднялся ветер, закружил паутинку и паучка с ней. Летит паутинка всё выше да выше... И закинуло её на облачко.

Плывёт облачко по небу, мимо солнца проплывает. Паук поднял корочку лапками, солнцу показал.

— Солнце ясное, ты всему живому на земле хозяин. Землю согреваешь, под твоими лучами урожай зреет. Да, видно, ты людям много хлеба даёшь, они его и съесть не могут. Глянь, солнце красное, бросил мужик корку! Свой труд, твой дар ногами затоптал.

Нахмурилось солнце, тучами закрылось. Потом в просвет выглянуло и говорит пауку:

— Ну, раз так, будет в это лето урожай невелик! Чтоб запомнили люди, что хлеб беречь надо.

И опять за тучами скрылось.

Как солнце сказало, так оно и вышло.

А ты над этой сказкой подумай. Коли сметлив, сам поймёшь. Коли недогадлив, другие растолкуют.

ЦАРИЦА ЕКАТЕРИНА И САПОЖНИКОВА ЖЕНА

Русская сказка

На море, на океане, на острове Буяне стоит бык печёный, во рту чеснок толчёный, с одного боку режь, а с другого макай да ешь.

Это пока ещё присказка, а присказка перед сказкой, что верстовой столб полосатый при дороге. От столба путь начинается, от присказки сказка слушается.

Было то ни далеко, ни близко, случилось ни высоко, ни низко, в некотором царстве, в некотором государстве, а именно в том, где мы с вами живём.

Стоял молодой солдат на часах во дворце царицы Екатерины. Ремни набелённые грудь перекрещивают, медные бляхи начищены, ружьё на плече, тесак на боку. Стоит, не шелохнётся. Да вспомнил свою милую, младшую служаночку при дворцовой кухне, и улыбнулся.

Тут как раз царица Екатерина мимо проходила, за ней свита — генералы да министры. А в тот день гневлива царица была — то ли спалось плохо, то ли, как говорится, с левой ноги встала. Как приметила, что солдат улыбнулся, обернулась к генералу, даёт приказ:

— Этого солдата примерно наказать! Завтра утром, когда с караула сменится, дать ему пять палок.

Генерал приказ записал и солдату протянул:

— Сам своему начальству отдашь.

— Так точно, слушаюсь! — солдат ответил и улыбаться перестал.

Наутро получил он пять палок ни за что ни про что, да ведь душа не на постоялом дворе живёт, с пяти ударов её из тела не выгонишь. Перетерпел солдат, думал, на том всё и кончится. Однако не так вышло.

День перебыл, ночь опять в карауле отстоял. А как утро настало, его снова наказывают. Потому-де в царицыном приказе написано: утром, как с караула сменится, дать пять палок. И никто того приказа не отменял.

Царица, ясное дело, про солдата и думать забыла, у генерала спина не болит, а офицеры своё дело исполняют.

Совсем плохое житьё у солдата пошло — что ни день по плечам палки гуляют.

Собрал он последние гроши и побрёл в трактир. Думает: «Хоть чаркой горе развею». А как налили ему чарку, он и пить не стал. Сидит пригорюнившись, солдатскую долю клянёт.

Тут подходит к нему неизвестный старичок и спрашивает:

— Что, солдат, невесел, чего голову повесил?

Ну, солдат ему всё как есть и рассказал.

Помолчал старичок и говорит:

— Не всякому горю поможешь, а твою беду отвести можно.

Есть у меня заветная шкатулка с музыкой, что когда-то с турецкой войны принёс. Я ведь тоже, как ты, солдатом был. Играет эта шкатулка два сигнала военных: зорьку-побудку да вечерний отбой...

— Ну и что толку в твоей шкатулке? — перебил старичка солдат. — Я эти сигналы каждый день слышу.

— Ты, парень, не торопись. Когда смелешь, тогда и съешь. Не дослушав, не отказывайся, с ползагадки не догадывайся. А моя кума Агриппина, слышь, на царицу Екатерину похожа. И лицом и станом, будто сёстры родные. Только доли у них разные: одна царица, а другая сапожникова молодича. Вот и думаю я так подладить, чтоб моя кума царицын приказ отменила...

Ничего солдатик не понимает, лишь глазами хлопают.

— Это как же сапожникова жена царицын приказ отменит?!

— А шкатулка на что? — старик смеётся. — Ведь она у меня волшебная. Словом, выходи вечером из дворца, я тебя поджидать буду.

Встретились они, как порешили, у дворцовой ограды, едва месяц на небе показался. Тут старик откинул крышку у шкатулки. Заиграла она отбой, а старик с солдатом — ать-два! ать-два! — вокруг дворца вышагивают. Обнесли кругом шкатулку, и заснули все во дворце крепким сном. И стража, и слуги, и фрейлины, и придворные, и блохи на собаках, и тараканы на кухне, и сама царица.

А потом отправились к бедному домишку, где сапожник с женой жили, и вокруг него шкатулку обнесли. Теперь и здесь спят — буди, не добудишься.

Полдела сделано, за другие полдела принялись. Поменяли они старикову куму Агриппину с царицей Екатериной. Царицу на жёсткую лавку уложили, а сапожникову жену — на золочёную кровать, на пуховую перину и атласным одеялом укрыли.

Ранним утром старик таким же манером зорьку-побудку сыграл.

Просыпаются все, и сапожник проснулся. Смотрит — жена ещё лежит. Никогда такого не бывало.

— Эй, жёнка, вставай! Печь у тебя не топлена, каша не сварена. А на тощее брюхо я много не наработаю.

Открыла глаза Екатерина, так и вскипела гневом:

— Как ты, грязный мужик, посмел мою царскую особу обеспокоить!

— Ты что, жена, совсем очумела?! Не доводи до греха! А то возьму сапожную колодку да так тебя проучу, что навек запомнишь. Ишь вздумала — царская особа!..

Огляделась тут царица. Что такое?! Стены закопчённые, печь в углу, всюду припас сапожный валяется — шила, ножи да молотки разбросаны.

А сапожник и впрямь за колодку схватился. Плохо дело, того гляди прибьёт!

Встала царица скорёхонько, к печке сунулась. Растопить не умеет. Схватила за рогачи-ухваты, себя по лбу стукнула, один горшок разбила, другой опрокинула.

Смотрел на это сапожник, смотрел и говорит:

— Да ты, видно, заболела. Ну, бог милостив, отлежишься. Давай хоть вчерашнего овсяного киселя похлебаем.

Налил в миску киселя и к ней придвинул. Царицу Екатерину так и перекосило — из такой посуды её любимая собачка и та есть не стала бы. А тут ещё сапожник со своей большой деревянной ложкой в ту же миску сунулся. Так не евши и встала Екатерина из-за стола.

— Ну, как знаешь, — сказал сапожник, — я за тобой ровно за царицей ухаживаю, а ты нос воротишь. Может, и вправду занемогла?

А во дворце тем временем сапожникову жена проснулась. Схватила с пуховой постели.

«Ох, — думает, — батюшки мои, проспала! Печь у меня не топлена, каша не сварена!»

Тут набежали мамки-няньки, фрейлины да дамы придворные.
— Каково, матушка-царица, почивать изволили? Мягко ли было постелено? Может, где складочка не так заглажена?

Огляделась сапожникова жена, куда попала — никак понять не может. Стены широкие, потолки высокие, всё так и сияет.

— А муж мой где? — спрашивает.

Переглянулись мамки-няньки, отвечают:

— Ваше царское величество, да ведь вы вдовые.

— Неужто мой сапожник помер? — Да так и заголосила.

Утешают её фрейлины.

— Ваше царское величество, никак вы опять замуж захотели? Только прикажите, будет муж, какого пожелаете. Всякий обрадуется, любой за честь сочтёт.

Уговаривают, а сами вокруг суетятся. Усадили под ручки перед зеркалом; кто волосы расчёсывает да взбивает, пудрой посыпает, кто брови сурьмит, кто румяна накладывает.

Потом целую дюжину платьев принесли.

— Какое вам сегодня приглянется? Какое надеть изволите? Парчовое ли, атласное ли, али, может, бархатное?

Загорелись глаза у сапожниковой жены, из-под румян свой румянец пробился. Какой женщине нарядиться неохота?! Зажмурилась и ткнула пальцем наугад.

Надели на неё платье атласное, золотом шитое. Оглядела она себя в зеркало и говорит:

— Старухи соседки меня осудят, зато молодки да девки позавидуют!

Пошептались дамы-фрейлины, побежали, привели лекарей — неладно-де с нашей царицей, в уме не повредилась ли?!

Устроили лекари совет и порешили:

— Нашей государыне дурной сон приснился, поелику на вчерашнем пиру переели да перешили лишку. Вы их царское величество в покое оставьте, к завтрашнему утру всё как рукой снимет.

Разбежались мамки-няньки, фрейлины и придворные дамы и оставили сапожникову жену одну.

А сапожникова жена пораздумалась: «Уж коли со мной такое чудо приключилось, пойду осмотрю всё кругом».

Пошла по залам да горницам, по коридорам да переходам и забрела на чёрную половину, где прислуга живёт.

Вдруг выбежала ей навстречу младшая кухонная служаночка, солдатова зазнобушка. Рассказал ей солдат всю правду, знала она, что перед ней не царица, а сапожникова жена, да уж больно они

с царицей схожи — волос в волос, голос в голос, не разберёшь, где Катерина, где Агрипина. Оробела служаночка, так и бухнулась ей в ноги. Сапожникова жена её поднимает.

— Что ты, милушка, что, голубушка?

— Ой, барыня-государыня, не изволь казнить, изволь миловать. Совсем мово Ванюшку замордуют, замучают.

Да и рассказала всё. Сапожникова жена руками развела.

— Помогла бы тебе, да не знаю как. Может, ты знаешь, так скажи.

— Напиши другой приказ. Чтоб солдат не били, палками не наказывали.

— Да я грамоте не научена.

— А царица никогда сама указы не пишет. На то генералы-министры есть. Они тебя в золочёной зале ждут.

Пошла сапожникова жена на белую половину, в золочёную залу.

Её поклонами встречают, а она им еле головой кивнула, ручкой махнула. Потом говорит:

— Пишите указ-приказ. Солдата Ванюшку, что во дворе караул несёт, палками больше не бить. И ещё пишите, чтоб от нынешнего дня никого в нашем царстве-государстве палками не наказывали.

Всякий день к вечеру идёт. Кончился и этот день. Как смерклось, старичок и солдатик опять дворец да сапожникову лачугу обошли, музыку-отбой сыграли. И опять царицу с сапожниковой женой местами поменяли.

Уж как жена сапожника обрадовалась, и рассказать невозможно. Печку растопила, горшки выскоблила, самовар начистила, ложки-миски перемыла. И муж на неё не нарадуется. Снова зажили мирком да ладком. Только иной раз, когда сапожник рассердится да под горячую руку за колодку схватится, жена ему:

— Ты что?! Да знаешь ли, как я царицей была, мне графья-вельможи в пояс кланялись.

Тут сапожник от удивленья рот разинет, колодку выронит и головой покрутит: «Ну и ну, чего только бабы не придумают!»

А царица Екатерина никому не рассказывала, как она сапожниковой женой была. Не пристало ей даже во сне такое увидеть. Одному дивилась: было то во сне, а указ наяву написан. Как такое могло случиться, ума не приложить! Сколько-то времени солдат и вправду палками не били. Да недолго — генералы указ тот спрятали. Опять загуляли палки по солдатским спинам.

КОЛДУН-ВЕДУН

Русская сказка

или-были мужик да баба. Сломала как-то баба рукоять у ухвата и говорит мужику:

— Сходи-ка в лес, сделай новую рукоять.

Мужику сегодня недосуг, завтра неохота. А баба всё пилит и пилит. Надоело мужику.

Наточил он топор и пошёл в лес. Облюбовал дерево поразвешенней, сук потолще. Залез. Сел на сук верхом и давай его у самого ствола подрубать.

А мимо цыган проходил. Видит — мужик сук под собой рубит. Сук под ним уже скрипит, прогибается. Засмеялся цыган и говорит:

— Эй, мужик, упадёшь!

— Чего это я падать буду? — отвечает мужик. — Сижу твёрдо, топор держу крепко.

— Ну, как знаешь! — пожал плечами цыган и зашагал своей дорогой.

А мужик знай себе топором тюк да тюк! Тюкнул в третий раз, сук под ним треснул и подломился. Упал мужик. Рукой бока потирает, а сам думает: «Откуда цыган всё наперёд угадал? Не иначе, как он колдун-ведун! Спрошу-ка я у него про то, что я знаю, а он не знает».

И пустился догонять цыгана. Завидел его издали, на бегу кричит:

— Цыган, а цыган! Скажи, как мою жену Матрёнушку зовут?

— И думать нечего, — отвечает цыган. — При рождении Матрёной нарекли.

«А ведь точно колдун! — говорит себе мужик. — Вот ещё раз попытаю, тогда уж ошибки не будет».

— Угадай, цыган, сколько у меня коров?

— А они у тебя дойные? — спрашивает цыган.

— Бурёнка да Рыжанька — дойные. А Пеструха скоро телиться будет. Не доится.

— Три у тебя коровы, — как отрезал цыган.

Страшно стало мужику.

«Ох и сильный колдун! Могучий ведун! — думает. — Теперь главное спрошу!»

— Открой мне, цыган, когда я помру?

Усмехнулся цыган и ответил:

— А вот чихнёшь разок и помрёшь.

Цыган дальше пошёл. Мужик вернулся к тому месту, где срубленный сук да топор оставил.

«Ну, — радуется, — долго я проживу! С чего мне чихать?!»

Тут у него в носу засвербело. Уж он и нос зажимал, и головой мотал, да не удержался — чихнул.

Лёг на землю и скрестил руки.

— Всё! Помер я! . .

Вдруг откуда-то прилетел комар. Вьётся над мужиком, пищит, зудит. Лежит мужик, не шелохнётся. Кружил-кружил над ним комар, потом сел ему на лоб и укусил.

Подпрыгнул мужик, хлопнул себя по лбу и убил комара.

— Э, да я, оказывается, живой! Обманул проклятый ведун! Придётся теперь бабе рукоять для ухвата делать.

СЕСТРА- ИЗМЕНЩИЦА

Украинская сказка

Ехал-возвращался царь домой. Куда, зачем ездил — нам не сказано, и мы вам врать не будем. А только дома долго не бывал.

Уже и до родных мест недалеко, да задержался в пути царь — в большое село свернул, где в тот день ярмарка была. Походил по торгу, поприценялся, поторговался, а купил всего три солёных рыбины. Страсть он любил солёную рыбу! Не удержался, сразу все три и съел.

Едет дальше, а жажда ему грудь огнём печёт, да где в голой степи воды сыскать! Как на грех, и день жаркий выдался, солнце так и палит, на небе ни облачка...

Но вот пошла дорога вверх, на крутой холм. До вершины добрался, глядит — глазам не верит. У самой дороги криница чистой воды полна, прохладой от неё так и веет. Никогда на этом холме в безводной степи криницы не бывало!

Царь долго не раздумывал, спешился, наклонился, студёную воду пьёт — не напьётся. Вдруг неведомо что, неведомо кто — хватъ его за бороду! Держит, не отпускает.

Испугался царь, закричал:

— Эй, ты там, отпусти!

— Не отпущу, — голос из криницы отвечает. — Тогда отпущу, когда пообещаешь отдать самое дорогое, что у тебя есть.

Принялся царь гадать:

— Есть у меня восьмёрка коней, таких, что сам не езжу, бе-

регу. Только выведу из конюшни, полюбуюсь да обратно в стойло ставлю. Не их ли ты захотел?

— Не коней хочу, — говорит голос.

— Есть у меня восьмёрка волов круторогих...

— Не надо мне твоих волов!

— Ну, возьми овец отборных, шерсть у них длинная и мягкая, не хуже шелков заморских.

— Нет и нет... — твердит тот неведомый.

— Уж не до жены ли моей ты добираешься?! — ужаснулся царь. — Красавица она у меня, каких свет не видывал. Только не отдам я её ни за какие сокровища, за неё и жизни не пожалею.

— Да зачем мне жена твоя! — засмеялся тот, что в кринице сидел. — Обещайся то отдать, чего сам не знаешь.

Тут и царь засмеялся.

— Коли я не знаю, так чего оно стоит!.. Бери, не жалко.

Отпустил неведомо кто царскую бороду. Царь на коня вскочил и хлестнул его плёткой. Домой спешит.

Не знал царь, не ведал своей радости, что бедой обернулась. Пока он в отлучке был, родились у него двойнята — сын да дочка. И росли они не по дням, а по часам, не по часам, а по минутам.

Царица мужа поджидала, издалека завидела, выбежала встречать. А дети впереди бегут, охота им на родного отца поглядеть.

Подскакал царь поближе, да как понял, что тому, в кринице, отдать должен, так без памяти с коня на землю и пал.

Царица над ним убивается, приговаривает:

— Или с дороги притомился, муж мой милый, или беда какая случилась?! А может, деткам так обрадовался?!

Открыл царь глаза. Заплакал и всё жене рассказал.

Жена говорит:

— Что ж, муженёк, надо детей спасать. Давай их в подпол спрячем да пол глиной замажем. А сами в поле, в стогу соломы схоронимся. Если и найдёт нас тот окаянный, неведомый, мы и ответ держать станем. Только бы деток уберечь!

Как задумали, так и сделали. Оставили детям припасу разного, питья побольше, крышку подпола вровень с полом глиной покрыли — ни следа, ни щёлочки не сыщешь. И ушли.

Через недолгое время пожаловал змей крылатый, тот, что в кринице сидел.

— Эй, царь, — кричит страшным голосом, — отдавай обещанное!

А в ответ ни отзыва, ни словечка, только эхо раздаётся... Вошёл змей в хату...

А надо вам сказать, что в те поры цари ещё себе дворцов не строили. У всех хаты были простые, мужицкие, разве что у царей размером побольше.

Осмотрелся змей — никого нет и спросить некого. Да на то змей змеем и прозывается, хитрости у него на весь свет хватит.

Подполз к кочерге, что в углу стояла, и спрашивает:

— Кочерга, кочерга железная, куда царь своих детей подевал?

Кочерга отвечает:

— У меня царь — хозяин добрый, возьмёт меня, загребёт жар в печи и назад в угол поставит. Я себе там стою, знать ничего не знаю. . .

Змей у помела спрашивает:

— Помело, помело любезное, куда царица своих детей подевала?

— У меня царица — хозяйка добрая, возьмёт меня, золу горячую в печи разметёт под хлебы и назад под припечек положит. Я себе там лежу, знать ничего не знаю.

Всех в хате змей повыспрашивал, ухваты-рогачи, топор-колун, что дрова колет, миски, горшки, ложки допрашивал — ни у кого правды не дознался. Под конец у долота стал допытываться. Долото отвечает:

— У меня царь — хозяин добрый, возьмёт меня, дырку, где надо, продолбит и на место положит. Я там лежу, знать ничего не знаю.

Заохотал змей:

— Да ты на себя посмотри. Добрый-то твой хозяин так по тебе молотком колотит, что всю голову тебе расплющил!

Всполошилось долото:

— А ведь и правда! Ну, так скажу тебе: возьми меня, брось через плечо. Где я в пол глиняный воткнушь, там и ищи царских детей.

Добрался-таки змей окаянный до бедных деток, как ни просили, как ни плакали, схватил и унёс их. А перед тем дохнул огненным дыхом и дотла хату спалил.

Прибежали царь с царицей, пожар завидев, да поздно — ни детей, ни жилища нет. Разорвалось у царя сердце от горя, и пал он мёртвым. Застонала-закричала царица, как чаечка, что птенцов вывела при торной дороге да разом под колёсами обоза чумацкого и деток и гнездо потеряла. Побилась она, поголосила и тоже померла.

Вот змей нёс-нёс детей, притомился, лёг отдохнуть. Один глаз закрыл, другим смотрит, царевича с царевной сторожит. Да сморил змея сон, оба глаза у него закрылись.

Вдруг, откуда-ниоткуда взялся, конь златогривый перед царскими детьми остановился, копытом о землю ударил.

— Вы — спрашивает, — тут по воле или по неволе?

— По неволе, — отвечает царевич, — да по горькой доле.

— Ну, садитесь ко мне на спину, ускачем от змея.

Несутся по степи, ветер за ними поднимается, ковыль гнет, перекаати-поле гонит.

Далеко ускакали. Да проснулся змей, детей хватился и кинулся вслед беглецам. Летит, огнём пышет, на пять вёрст впереди себя траву поджигает.

— Ой, коник-братик, — царевич кричит, — жжёт-припекает, пропадём мы, и ты с нами ни за что пропадёшь... Бросай нас!

— Не брошу! — конь отвечает, а у самого уже хвост дымится.

Обхватил царевич сестру крепче, с ней вместе с коня прыгнул. Ускакал конь без седоков, а пламя разом сгасло. Вот-вот змей опять их поймает, уже и лапы растопырил...

Вдруг, откуда-ниоткуда взялся, шмель прилетел, загудел громко и ужалил змея в правый глаз. Завопил змей дурным голосом, по земле катается от боли, а шмель подхватил царевича с царевной и крыльями замахал.

Опомнился змей, глаз протёр и опять в погоню. На десять вёрст впереди себя огнём всё палит. Да со шмелем справиться не просто. Змей траву подожжёт, шмель повыше поднимется, змей поверху пламенем дохнёт, шмель ниже опустится. А всё же настигает их змей.

— Брось нас, шмель-братик, — царевич кричит, — вон у тебя уже нижние крылышки задымились!

— Не брошу! — шмель отвечает, а сам из последних сил летит.

Вдруг, откуда-ниоткуда взялся, вол бредёт, не торопясь клешнятые копыта переставляет. Повернул рогатую голову и говорит:

— Ну, шмель своё дело сделал, садитесь теперь ко мне на спину.

Обхватил царевич сестру крепче и на землю соскочил. Улетел шмель, а царевич вола говорит:

— Конь от змея с нами не ускакал, шмель не смог унести, как же тебе, неторопкому, с ним тягаться?

— А коли будешь на пустые слова время тратить — и впрямь к змею в пасть угодишь, — отвечает вол. — Садитесь-ка мне на спину, там видно будет.

Посадил царевич сестру на воловью спину, сам сел, за рога крепко держится. Вот диво-то: ступит вол шагок — позади верста,

а не вершок, ступит второй — нет версты под ногой, а как споткнётся — три версты пронесётся. Брели, брели, змея далеко позади оставили и добрались до синего моря.

«Тут нам и пропасть, — думает царевич, — по воде-то волу не пройти. А змей — вон он, догоняет уже!»

Вол царевичу говорит:

— Вынь из-за рукава платочек, что мать тебе вышила, да махни им перед собой.

Махнул царевич платочком, мигом через море мост построился. Пошёл вол по мосту, а змей уже на берегу огнём пышет.

— Махни-ка скорее платочком назад через плечо, — вол приказывает.

Послушался царевич, мост позади них с громом-треском рассыпался, в воду рухнул. Завопил змей, заметался по берегу, видит свою добычу, а достать не может. Вол рогами качает, по целому мосту ступает, а как пройдёт вперёд, мост позади упадёт. Так и перебрались на тот берег моря.

На том берегу лес растёт дремучий, а на опушке хата стоит. Убрана, прибрана, белой глиной побелена, камышом крыта.

— Вот тут и живите, — вол брату и сестре говорит. — Я, что обещал, выполнил. Прощевайте, то ли свидимся, то ли не свидимся.

Живут брат с сестрой. Царевич лук смастерил, на охоту ходит, царевна по хозяйству хлопочет. Уже ведь не дети они — царевич юноша статный, сильный да ловкий, а царевна в мать пошла — хороша собой, хоть весь свет обойди, другой такой не сыщешь. Так бы и жили, если б не враг лютой, змей окаянный.

Вышла раз царевна на берег бельё постирать. А змей с того берега моря её завидел и кричит:

— Эй, девица-красавица, давно я на тебя гляжу, всё одна ты да одна, не с кем бедняжке и словом перемолвиться.

— У меня брат есть, — царевна отвечает.

— Что брат?! Он целыми днями по лесу рыщет, молодецкое сердце охотой тешит, а твоя краса вянет-пропадает, никто её не видит. Вот кабы я рядом был, любовался бы на твоё белое личико, на чёрные брови, ласковые бы речи тебе говорил.

— Что ж делать, — вздохнула царевна, — такая моя доля. Ты на том берегу, я на этом, а меж двумя берегами море лежит.

— А ты вымани-выпроси у брата материнский платочек, махни им, я и переберусь.

Ох, глупое сердце девичье, от лстивых речей тает, зла не чувствует! Как вернулся брат домой, царевна ему говорит:

— Ничего-то у нас от отца с матушкой не осталось, никакой

памяти, только платочек вышитый. Гляди, в лесу потеряешь — и того не будет. Лучше мне отдай, я его спрячу.

— И то правда, — царевич сказал.

Вынул платочек из-за рукава и сестре отдал.

На другой день с утра, едва брат на промысел отправился, царевна к морю побежала. Махнула платочком, мигом мост с берега на берег перебросился. А змею того и надо. Вот он уже перед красавицей стоит. Да не змеем поганым перед ней предстал, а напустил ей туману в очи, и увидала она его добрым молодцем, краше брата он ей показался. Принялся змей ей нашёптывать, брата её оговаривать. Помешает-де он их счастью, сестре позавидует. Так не лучше ли его извести, сжить со свету белого.

Царевна сперва не соглашалась, плакала, а потом к обманным словам склонилась. Всё исполнила, что змей наказывал.

Брат с охоты возвращается с богатой добычей, а сестра спрятала змея, сама легла и охает, стонет.

— Ох, братик-любчик, всю меня ломит, занедужила крепко. А сон мне снился, будто есть от болезни снадобье. Одно оно от неминуемой смерти меня избавит. Надо вырвать у живой лисицы, у живой волчицы да у живой медведицы по три волоска. Те волоски сжечь, в воде пепел размешать и выпить. Да где же такое достать-сыскать!

— Достану. Для любимой сестры и жизни не пожалею!

Не пил, не ел царевич, отдыхать не стал, лук за плечо закинул, опять в лес отправился. Только к опушке подошёл, слышит — гудит шмель, гудит, над головой вьётся. То в сторону полетит, то опять вернётся, будто зовёт куда-то. Смотрит царевич, у шмеля нижние крылышки вроде бы подпалены.

«Эге, — думает, — да ведь это знакомец давний, приятель верный. Пойду за ним».

Идёт царевич за крылатым проводником, ручей перешёл, болото перебрёл, гарь пересёк, оглядывается вокруг, удивляется: сколько по лесу исходил, охотясь, а в этих местах бывать не доводилось! Вдруг видит, в лесной глуши, в зелёной тиши стоит хатка-невеличка, а с порога девица-красавица улыбается ему приветно.

— Здравствуй, царевич, знаю, знаю, куда идёшь, чего ищешь, а ты не знаешь. Зло за тобой по пятам ходит, а ты к добру придёшь. Нелёгкое дело затеяно, да я тебе помогу.

Повернулась, вошла в хату и вынесла царевичу бандуру с золотыми и серебряными струнами.

— Добрая бандура, — говорит царевич, — да я на ней играть не умею.

— А ты попробуй! — девица в ответ.

Тронул царевич струны, и зазвенели они, запели так дивно, что всё в лесу замерло, птицы замолкли, ветерок затих.

— Теперь иди, — сначала налево, потом прямо, потом направо, потом прямо. А как выйдешь на полянку, заиграй — сам увидишь, что будет.

Разыскал царевич ту полянку, стал посредине, заиграл на бандуре. И вышли из пуши-чащи лесной лисица с лисенятами, волчица с волчатами и медведица с медвежатами. Уселись все перед царевичем, уши развесили, слушают. А как кончил царевич играть, вздохнули и сказали разом:

— Ладно-складно играешь, проси, чего пожелаешь. Не зря же ты сюда пришёл.

— Ни много, ни мало у вас прошу, по три волоска со шкуры дадите, спасибочко вам скажу.

Подошли лисица, волчица и медведица, загровки подставили. Царевич вырвал у каждой по три волоска и спасибо сказал. Тут медведица говорит:

— Чуем, чуем, зло за тобой гонится, не спастись тебе одному. Так отдадим мы тебе своих старших сыновей, чтобы верно служили, добрыми помощниками были.

А сестра со змеем пируют в хате, думают — нет уже на свете царевича, растерзали его хищные звери. Глянули в оконце, видят, царевич идёт, несёт сестре-изменщице девять волосков, а за ним бегут три помощника. Испугался змей, иголкой обернулся, в стену воткнулся. Сестрица на лавку легла, стонет.

Вошёл царевич, к сестре кинулся, утешает её, а у зверей шерсть дыбом стоит, рычат они, на стенку кидаются. Прикрикнул на них царевич. Сжёг волоски, сестру напоил водой с пеплом.

Поднялась она с лавки, по хате походила, а к вечеру пуще того разохалась.

— Ой, неможется, не жить мне на белом свете! . .

— Чем же тебе помочь? — спрашивает сестру царевич.

— Есть, есть помощь, да за горами она далёкими, не достать. Растёт там в саду яблоня, а на яблоне яблочки целебные. Только не ходи туда, пропадёшь-сгинешь, назад не вернёшься. Лучше уж я умру!

— Сестричка моя любимая, одни мы с тобой остались. Или оба живы будем, или погибать обоим!

Ночь переночевал царевич, раным-рано встал, верных слуг-зверей кликнул, бандуру прихватил и в путь пустился.

Идёт и думает — где те горы, где сад, что сестра говорила?

Может, та девица-красавица знает дорогу? И не заметил, как принесли его ноги ко вчерашней хатке-невеличке.

А девица уже на пороге его поджидает, улыбается приветно. У крыльца конь стоит осёдланный. Узнал царевич того коня — хвост у него чуть-чуть подпалён и грива золотая.

— Садись на коня, — девица говорит, — он дорогу знает, туда принесёт, куда тебе надобно.

Скачет конь с царевичем, за ними лисица, за лисицей волк стелится, за волком медведь переваливается, еле поспевает. Долго ли, коротко ли, а заслышали шум и гром, увидели огненное зарево. Две горы меж собой бьются. То раздвинутся, то опять сшибутся — пламя вздымается к небу, камни во все стороны с грохотом летят. Лисица затыкала, волк завыл, медведь зарычал. Конь попятился, на задние ноги осел.

Взял царевич в руки бандуру, пальцы на струны положил и заиграл. Рассеялся дым, в ясное небо ушёл, пламя улеглось, горы раздались и стали недвижно. Открылся вглубь каменный проход. Царевич тронул поводья, конь птицей вперёд полетел. Распахнулось ущелье, долина перед ними лежит. Вся зелёная, от цветов земля пестра, от плодов деревья гнутся. А ближе всех яблоня растёт, и висят на её ветках всего три яблока.

Подъехал царевич к дереву, хотел все три яблочка сорвать, а сорвал одно. Ну как, думает, ещё кому понадобятся!

Только назад из ущелья выехали, опять горы сшиблись, сильнее прежнего бой между ними кипит. И чего они не поделили — кто знает!..

У опушки леса, у берега моря соскочил царевич с коня, погладил его по золотой гриве и сказал: «Скачи сам куда знаешь, своей хозяйке милой от меня низкий поклон передай!» Заржал конь и ускакал. А царевич домой отправился.

Вошёл в хату, глядит — сестра его любимая лежит совсем хвора. А на столе еды понаставлено, будто пировали тут недавно. Удивился царевич, однако ничего не спросил, подал сестре яблочко.

— Спасибо тебе, — сестра говорит, — только выгони зверей диких из хаты, а то покою не дадут!

И вправду, медведь, волк и лисица ровно бешеные рычат, воют, на стену кидаются, будто лютого врага чувят, разорвать хотят. А в стену воткнута всего-навсего иголочка тонкая. Рассердился царевич на своих помощников, прикрикнул, выгнал их вон из хаты.

Надкусила сестра яблоко — улыбнулась, половину съела — ноги с лавки спустила, а как догрызла его до конца — встала, принялась, изменщица, брата яствами угощать.

— Ешь, братик любимый, через силу тебе наварила, напекла...

Лёг царевич усталый спать, крепко заснул. Иголка из стены выскочила, змеем поганым обернулась. А царевна не змея видит — парубка статного, чернобрового. И держат они совет, что делать, как царевича верней извести.

— С ним с одним я бы справился, — змей толкует, — прост он сердцем, доверчив, да звери меня чувят, их не обманешь. Давай вот как сделаем... — И стал ей на ухо нашёптывать злые слова впере-мешку с ласковыми.

— Не согласишься, — говорит, — брошу тебя навсегда, никогда меня не увидишь!

Просыпается утром царевич — сестра совсем плоха, жалобно брата просит-молит:

— Братик любимый, смерть моя не за горами, а за плечами. Только одно спасение и есть: стоит на холме над морем мельница-чудесница. Само там зерно насыпается, само мелется, само отбивается, сама мука месится, на сковородку само тесто наливается, сам блин со сковороды сваливается. Съела бы я того блинка, сразу бы от хвори избавилась.

Вздыхнул царевич.

— Ох, сестричка, себя ты жалеешь, а меня нисколечко, — отвечает. — Ну, да будь по-твоему.

В этот раз девица-красавица из знакомой хатки-невелички в лесу не коня в помощники царевичу дала, а вола ему вывела, того самого, что его с сестрой когда-то от змея спас.

Отправились они в путь. Вол не торопится, еле копыта представляет. Ступит ногой, переступит другой — семь вёрст долой, а споткнётся — так и все десять пронесётся. Верные слуги — лисица, волк да медведь — во всю прыть вдогонку бегут, поспевать едва успевают. Путь долгий, а сказка коротко сказывается — добрались они до того холма, где мельница-чудесница стоит. Заперта дверь дубовая на засов железный, на замок кованый. А ключ неведомо где.

Не стал царевич долго раздумывать, струны на бандуре перебирает, а они отзываются, то жаворонком звенят, то как горлинка стонут. Спал замок, засов отодвинулся, дверь распахнулась. Да что толку! За первой дверью вторая дверь наглухо заперта. Открылась от звона струн и эта — а там третья дверь, и опять крепко замкнута. Двенадцать дверей оказалось на мельнице, а все царевич открыл своей песней, внутрь вошёл со своими верными слугами.

Как сестра царевичу говорила, так всё и есть — само зерно мелется, жерновами перетирается, сама мука месится, само тесто на

сковородку льётся, сам блин со сковороды сваливается. Схватил царевич один блин — и назад. Как из двери выбежит, она за ним разом захлопнется, на засов задвинется, на замок заперётся. Все двери пробежал, оглянулся, а зверей-то, помощников верных, и нет! Один вол его поджидает, головой рогатой качает и мычит:

— На блины польстились твои помощники, за тобой не поспе-ли, теперь не скоро выберутся.

— Что же делать! — царевич отвечает. — Мне время дорого, у меня сестра больна! Вылечу её, вернусь за ними!

Пустились они обратно.

А сестрица-изменщица со змеем за столом сидят-пируют, нет-нет да в окошко поглядывают. Увидели, как царевич домой возвра-щается, сестрица ахнула, змей засвистел-зашипел:

— Нет на него погибели! Звери его не растерзали, горы не зашибли, огнём не спалили, мельница дверьми не защемила! Хорошо хоть то, что один идёт, без своих верных помощников.

Подошёл царевич к дверям своей хаты, а навстречу ему давний враг выполз — змей окаянный. Разинул огненную пасть, лапы рас-топырил, хвостом по земле бьёт.

Испугался царевич, не за себя испугался — за сестру люби-мую. Закричал громким голосом:

— Берегись, поганище, коли сестру обидел, я с тебя три шкуры спущу!

Тут и кинулись они друг на друга, схватились врукопашную. Смертная битва меж ними идёт — всю траву кругом истоптали, де-ревья поломали. То бьют оба наотмашь, то один другого мёртвой хваткой душит... Никто одолеть не может...

Однако стал уставать царевич. Одежда на нём дымится, кровь ручьями течёт, и в руках силы убыло. Вдруг видит — на крыльцо сестра его выбежала, живая, невредимая. Попро-сил он её:

— Родимая сестрица, подай воды напиться!

Принесла сестра ковшик, да подала воду не брату, а змею лю-тому. Понял тут царевич измену — и вовсе силы его покинули.

Откуда-ниоткуда взялся — прилетел шмель, над царевичевой головой вьётся-гудит:

— Съешь блин, царевич, съешь блин! Держись крепче, рази метче, твои верные слуги все двенадцать дверей прогрызли, на волю вышли, к тебе на помощь спешат!

Змей напился, а царевич блин проглотил — опять у обоих си-лы равные. Пуще прежнего бой закипел! Землю ноги их топчут — холмы взрыли, кровь течёт — овраги-буераки промывает.

У царевича кулаки, а у змея лапы когтистые, у царевича дыхание чистое, а у змея дых огненный. . .

Снова у царевича силы на исходе, вот-вот змей победит. Да слышно уже, как не遠далеке лисица тявкает, волк воет, медведь рычит. Дрогнул змей, оглянулся. . . Изловчился царевич и мигом схватил змея за глотку. Тут и верные помощники подоспели — кто за хвост, кто за лапы — растерзали змея! И не заметили они, как сестра-изменщица змеев зуб острый подобрала и спрятала.

Отёр царевич с лица кровь и пот, лисицу погладил, волка по загривку потрепал, медведю лапу пожал. Потом вздохнул тяжело и сказал сестре:

— Не хочу я гнев копить, на тебя глядя. Лучше уйду! Тогда вернусь, когда твоё зло забуду.

Взял он два цебера — два ведра деревянных, около сестры поставил.

— Вот посмотрю, — говорит, — по ком ты больше слёз прольёшь! Будешь по мне плакать — слёзы лей в правое ведёрко, по змею своему окаянному — в левое.

Повернулся и ушёл.

И звери, слуги верные, с ним. Да не позади царевича, а впереди несутся, будто сами знают, куда его сердце зовёт.

Девица-красавица, что в хатке-невеличке жила, встретила его приветливо, раны обмыла, накормила, напоила, отдохнуть уложила. Что долго рассказывать! Скоро они свадьбу сыграли. Гостями на той свадьбе были лисица, волк да медведь. Думаете — и всё тут? Так нет же! Ещё вы помощников позабыли — шмель, конь и вол тоже с ними пировали.

Веселились они, всякий на свой лад, как мог, песни пел. А когда царевич в руки бандуру взял, пляс пошёл, так что земля загудела, деревья закачались.

Отгуляли, отпировали и зажили мирком да ладком. Сколько-то прошло времени, и сказала молодая жена мужу:

— Одна у нас родня — тебе сестра, мне золовка. Как ни суди, ни ряди, а навестить надобно.

Долго раздумывать не стали, сели вдвоём на златогривого скакуна и отправились. Ну, и слуги верные за ними.

Входят в хату, смотрят — сидит сестра на лавке, льёт слёзы, да все в левое ведёрко, змеево. С краями оно уже полно. А братнино ведро до того пересохло, что обручи лыковые с него спали и всё оно по досочке рассыпалось. Видать, ни одной слезинки туда не уронила. Покачал головой царевич горестно, хотел было назад повернуть. . .

Тут сестра-изменщица встрепенулась, стала просить-уговаривать хоть недолго погостевать, в хате ночку переночевать. Голос-то ласковый, да на сердце злорадия лютая!.. Поверил ей спроста царевич, и молодая жена-красавица поверила. Звери правду чуяли, рычали, да их не послушал никто. Вечер скоротали за беседой, а к ночи, как стала им сестра постель стелить, положила царевичу под подушку змеин зуб, тот, что до поры хранила.

Едва лёг царевич, выскочил зуб из-под подушки и пронзил царевичу сердце. Только вскрикнул он, приподнялся и упал мёртвый. Сестра-злодейка глянула — усмехнулась, звери завывали, заголосила молодая жена:

— На кого меня покинул одинокую!.. Открой ясные глаза, улыбнись приветно, голубь мой сизокрылый!..

Обняла его и поцеловала. Мигом ожил царевич, мигом на резвые ноги встал. А жена его красавица побелела вся и упала бездыханная. Спасла мужа — на себя его смерть приняла.

Тут бросился вперёд медведь, верный слуга. Лизнул свою молодую хозяйку в уста и сам дух испустил. А она глаза открыла.

— Не бывать медведю отважнее волка! — волк зарычал. И лизнул медведя. Медведь ожил, волк с жизнью расстался.

Стоит лисица над мёртвым волком и сама с собой говорит:

— Лизнуть-то его недолго, да меня лизнуть некому! Неохота с ясным солнцем прощаться! И волка жаль!..

Недаром говорится, что хитра лисица, весь свет насквозь пройдёт, кого хочешь вокруг пальца обведёт. Вскочила она на лавку, легла, голову свесила и лизнула волка. Змеин-то зуб из волчьего сердца выскочил, а в лису не попал: лисица на лавке была, вот зуб и воткнулся в доску.

Теперь все целы, все живы!

— Ну, сестра, — сказал царевич, — за такое злодейство лютой смерти предадут. Да не могу на тебя руку поднять — одной мы с тобой крови, от одного отца, одной матери. Живи, как знаешь, а мы тебя навек покидаем!

Взял жену за белую руку, слуг своих кликнул и ушёл.

А сестра им вслед кричит:

— Жива не буду, а отомщу! Схороню зуб до нужного часа, ты не придёшь, так я тебя найду!

Подбежала к лавке, принялась зуб тереть, из доски выдёргивать. Выдернула, вырвался он у неё из пальцев и проткнул её чёрное сердце насквозь. Пришёл ей конец!

И сказке конец пришёл!

НОСАТЫЙ ПАРУБОК

Украинская сказка

Жил в нашем селе парубок. По имени, по имени... Нет, не вспомню. Да чего и голову ломать! Как в селе того парубка кликали, так и мы будем звать. А кликали его попросту Нос. Потому что, говоря по правде, был у Носа нос-таки здоровенный. Посмотришь, сперва нос увидишь, а уж потом парубка разглядишь.

Вот как-то зимой поехал он в лес по дрова. Навалил полные сани и домой отправился. Вдруг навстречу ему какой-то панок на лёгких саночках катит. Не наш пан — чужой.

Увидел панок парубка и решил над ним посмеяться. Остановил коня, и парубок на свою лошадёнку тпрукнул.

— Эй, куда нос везёшь? — спрашивает пан.

— Да разве я нос везу? — отвечает парубок.

— А что же?

— Неужто ваша милость не видит? Грибы.

— Какие же это грибы, когда дрова.

— А говорили — нос. Вас, панов, не разберёшь.

— Ну, хватит болтать, — рассердился пан. — Повороти-ка, Нос, в сторону.

Парубок и поворотил нос.

— Ты что, дурень, не понимаешь, что тебе говорят?!

— Чего ж тут не понимать? Пан велел нос поворотить. Я и поворотил.

— Так к носу ещё и кобылу поверни!

Парубок кобылу дёрнул, совсем её поперёк дороги поставил. Ни проезду, ни проходу.

Тут пан просто взбеленился.

— Ну, погоди! Я на тебя жаловаться буду. У вас кто в селе старший?

— Старший? Прокопова бабка. До того стара, что уж и из ума выжила.

— А у тебя того ума и не бывало! Я тебя спрашиваю, кого вы слушаете?

— Больше всех слепого Пилипа слушаем. Как запиликает на своей скрипочке, хоть кто заслушается. Сладко играет, то запляшешь, то заплачешь. . .

Пан от злости чуть не разорвался.

— Да не про то я, не про то! Вы кого в селе больше всех боитесь?

— Микитова пса. Сущий сатана! И ведь не гавкнет, как, к примеру, ваша милость, а прямо зубами ухватит и рвёт. Не верите, попробуйте сами подойти к Микитовой хате.

Тут пан наконец сообразил, что не он с дураком встретился, а его самого дураком выставляют. Плюнул да как огреет своего коня кнутом! Прыгнул панский конь — сам по брюхо в снегу увяз и санки в сугробе застряли.

А парубок свою лошадёнку с места стронул. Проехал, обернулся и говорит:

— Ну, насилу пан догадался дорогу мне уступить!

Панок от гнева чуть не задохнулся. Не может и придумать, что бы такое сказать.

— А ты, носатый, — кричит парубку вслед, — со своим носом оставайся!

Парубок ему спокойно отвечает:

— Когда пан в сугробе поостынет, сам разберёт, кто из нас с носом остался.

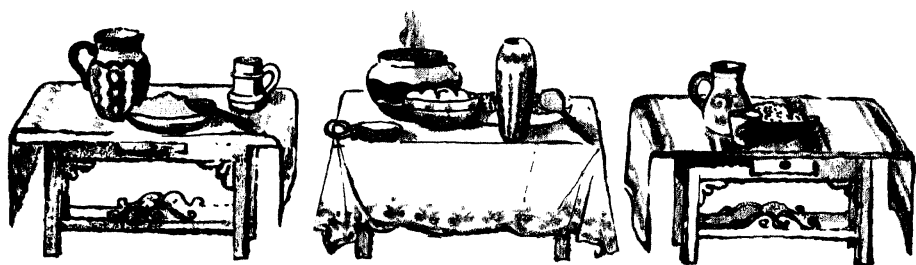
И поехал своим путём.

А как пан со своим конём и санками из снега выбирался, — его дело.

ВСЕМУ СВОЁ ВРЕМЯ

Белорусская сказка

ил в нашем селе поп-батюшка. Жадный-прежадный. Всё думал, где бы на чём выгадать.

Вот пришла пора урожай собирать, хлеб жать. Земли много, самому не справиться. Нанял он трёх батраков.

Чуть свет сажает хозяин батраков завтракать. Батраки едят, поп стоит да думает:

— Это что ж выходит, сейчас поедят, а в обед опять их корми. И то неладно получается: сюда с поля придут — сколько времени у работы украдут! В поле обед везти — лошадей гонять жалко. Пускай уж лучше разом и пообедают.

И велел попадье обед подавать.

Батракам что!

Поднатужились и съели.

А поп ещё надумал.

— Раз так, пускай заодно и повечеряют.

Поставили ужин на стол.

Батраки уже и есть не могут.

— И то хорошо! — хозяин радуется. — Этот ужин завтра с утра подадим. Зато им теперь работать без роздыха весь день до ночи.

А батраки иначе рассудили. Смекнули, что к чему.

Поужинали — не поужинали, отвалились от стола.

— Спасибо, батюшка, за хлеб-соль, — говорят. — На сытое брюхо хорошо спится.

Один разувается, другой на лавку рядом стелет, третий на пол кожушок бросил.

— Вы что ж делаете?!

— Как что? Спать собираемся.

— Какой сон после завтрака?

— Так ведь мы поужинали. А после ужина спать положено.

Попу и сказать нечего.

Сам себя перехитрил, сам и расплачивайся.

ПРО БЕДНЯЦКОГО ВОЖАКА — ОТВАЖНОГО КАРМЕЛЮКА

Украинская сказка

Славно прожил свою жизнь Устин Кармелюк. Тем славно, что ни разу неправде не поклонился, силе да богатству не покорился. В тюрьмах его паны гноили, калёным железом клеймили, батогами били, да сломить не могли. За простой люд Кармелюк стоял, себе ничего не хотел. Что у богачей отбирал, всё беднякам раздавал. И хоть сгубили его паны, но и по сей день живёт он в людской памяти. Песни про него поют, сказки складывают.

Всех песен не перепеть, всех сказок не пересказать, а всё же послушайте. Надо, чтобы и вы знали, каков Кармелюк был.

ВОЛЧЬИ ПОБЕГИ

Вот зашёл однажды Устин Кармелюк на мельницу. Молод он ещё тогда был, и слава его была негромкая.

Видит — весь двор возами уставлен, на мельнице людно да тесно. Время к пасхе шло, всяк спешил свежей муки намолоть, чтоб куличи попышнее поднялись.

У кого мешки под завязку полны, тот и у жерновов первый. Мельник его с поклоном пропускает. А в тёмном уголке сидит бедная вдова, на коленях тощий заплатанный мешок держит и плачет горькими слезами. Раным-ранёхонько она сюда пришла, малых де-

ток одних дома оставила. Уже и день проходит, а ей всё к жерновам не пробраться.

Нахмурился Кармелюк, сказал:

— Не плачь, бедолага! Не лей слёз понапрасну. Легче камень разжалобить, чем сердце богатея тронуть.

Взял у неё мешок, всех растолкал да сам вдовье зерно на помол и засыпал.

Один дядька в новой свитке, в ладных чоботах отозвался:

— Молодой ещё людей богатством корить!

Другой в смушковой шапке подхватил:

— Достаток трудом добывают. А у лодыря ветер в кармане свищет.

Кто молчит, кто на те слова кивать начинает, видно, соглашается.

Кармелюк и говорит:

— А выйдем-ка во двор.

Вышли все.

Перед мельницей яблонька стояла, и почки на ней уже набухли — весной ведь дело было. На молоденьких ветках — почки, и на стволе побеги проклюнулись.

Смотрят люди, плечами пожимают — яблонька как яблонька.

Кармелюк говорит:

— Вот, честные сельчане, начата притча, да не кончена. Ровно через девять недель, день в день, час в час, приходите сюда. Яблонька сама притчу доскажет.

Ну, ясное дело, любопытно людям. Пришли через девять недель. И Устин Кармелюк явился.

— Поглядите, — сказал, — что с яблонькой случилось.

Видят все: ветки на яблоньке еле живы, листочки слабенкие, цвет хилый. А на стволе толстые прутья выросли — бесплодные ветви, что в народе волчьими побегами прозывают.

— Почему дерево хиреет? — Кармелюк спрашивает.

— Да это всяк знает. Стоило ли звать нас на этакое диво? — отвечают люди. — Волчьи побеги соки у плодовых веток выпили.

— Вот и притче конец. Сами вы её досказали, — Кармелюк говорит. — Богачи, что волчьи побеги на дереве, соки из народа пьют, а ни цветов, ни плодов не приносят. Не срежь вовремя, пропадёт всё дерево.

И пошёл себе.

Кто побогаче — на Кармелюка обиделся, зло затаил. Кто победней — призадумался.

ДРАННАЯ СВИТКА

Сколько горя, сколько беды Кармелюк хлебнул — не измерить, не сосчитать. Да ни разу злой судьбе не сдался.

В солдатскую лямку на двадцать пять лет хотели его запрячь, он из солдатчины убежал. Поймали его, били палками-шпицрутенами, в тюрьму упрятали. Снова вырвался Устин. Ненавидели его паны, разбойником называли. Не однажды и не дважды его ловили. В кандалы закованного в Сибирь гнали, в крепостной башне за толстыми каменными стенами стерегли. Да всегда Кармелюк на волю выходил, в родные края, словно перелётная птица, возвращался. Снова и снова со своими славными хлопцами-сподвижниками против богачей бился.

И говорили в народе: нет такой силы, чтобы нашего Кармаля в темнице удержала. Подует он на цепи, скажет заговор — и рассыплется жёлтой ржой железо. Нарисует на стене крепости чёлн-долблёнку, вёсла нарисует, сядет в ту лодку и уплывёт, как по воде, ни следа, ни знака не оставит. Или оседлает деревянную скамейку: «Э-гей! — крикнет. — Выноси, вороной!» Разом станет скамья вороним конём, взовьётся, хвост по ветру расстелет и унесёт, куда Кармелюк велит.

А так оно было или не так — кто его знает. . .

Вот однажды послала пани помещица слугу на почту. Дала ему тысячу рублей. У неё, видишь, братец в столице в карты проигрался, надо ему, бедняжке, помочь.

А дорога на почту через лес пролегала. Тут-то слуга с Кармелюком и повстречался.

— Здоров будь, добрый человек! Куда идёшь? — спрашивает Кармелюк.

Узнал ли слуга Устина или так догадался, а бросился бежать. Да разве от Кармелюка убежишь?! Мигом он его догнал.

— Чего утекаешь, ровно заяц от гончей?

Слуга взмолился:

— Бери всё, только не убивай.

И шапку с деньгами подаёт.

Пересчитал их Кармелюк и говорит:

— Деньги немалые. Тысяча рублей да один рубль. Значит, панские деньги несёшь пересылать.

Слуга молчит, только трясётся весь.

А Устин ему:

— Да не бойся ты. Никогда ещё Кармелюк бедного не обидел.

Жалко панское добро из рук выпускать. Да ведь за пропажу твоя спина ответит. Иди своим путём, делай, что велели.

Ступил Кармелюк с дороги на один шаг и будто растаял.

А слуга три шага шагнул, остановился. Сам себе говорит:

— Кармелюк дурень... Да сам ты дурнем не будь!

Разодрал на себе одежду, лицо расцарапал, перепрятал деньги за голенище сапога и побежал обратно к панскому дому.

Помещице в ноги повалился:

— Так и так, отнял злой разбойник Кармелюк деньги, что вы изволили братцу посылать. Отбивался я, словно пёс от волка, да одолел он меня. Еле живой ушёл.

Разгневалась пани:

— До каких пор злодейства терпеть будем! Надо за солдатами посылать!

В тот же вечер является к пани полковник. Усы подкручены, пуговицы на шинели начищены, шпоры так и звенят. Поцеловал, как положено, ручку у пани. А она ему:

— Ах, пан полковник, вовремя вы приехали. Житья нет от злодея. Изловить бы его да повесить.

— А я за тем и приехал, — полковник отвечает. — Прикажете слугу позвать, того, что сегодня ограбили.

Ну, слуга, ясное дело, стал полковнику расписывать, как Кармелюк на него напал, как бил-колотил, как деньги отнимал.

— А можешь его узнать? — полковник спрашивает.

— Как не признать, — слуга говорит. — Страхолюдный такой. Глаза, что у дикого зверя, горят, зубы, что волчьи клыки. И свитка рваная.

Полковник распахнул шинель.

— Эта свитка, что ли?

Побледнел слуга, ровно холст белёный. Достал пачку денег из сапога и не знает, кому отдавать, то ли хозяйке, то ли Кармелюку.

Пани так в деньги и вцепилась. А Кармелюк говорит:

— Не торопитесь, ваша милость. Столько кругом сирот бедняцких да вдов солдатских, что и этой тысячи не хватит. Выходит, с вас кроме этой ещё тысяча причитается.

Делать пани нечего. Побежала она из ларца вторую тысячу доставать. А Кармелюк размахнулся да и отвесил две плюхи слуге.

— Одну — за жадность, — сказал. — А вторую — за то, что хотел опозорить моё честное имя. Хорошо ещё, я про твою брехню прослышал, а то и вправду могли подумать, что Кармелюк бедняка обидел.

Взял Кармелюк две тысячи и ушёл. На прощанье сказал пани:

— За деньги спасибо. Да не вздумайте, ваша милость, немилостивой к слуге быть. Я сам с ним уже рассчитался.

А откуда же Кармелюк про слугу узнал? Да в каждом панском дворе, в каждой бедняцкой хате у него друзья-помощники были.

КАК ПАН В ГРЕХАХ КАЯЛСЯ

Жил один пан, смиренный-пресмиренный, ласковый-преласковый, тихий-претихий. Всё обходительно, да со вздохом, да с поклоном. Но только люди того тихого боялись больше, чем огня немилосердного, больше чумы и мора лютого. Потому что было у него сердце жёстче камня, что слезами не прожжёшь, мольбами не смягчишь.

Не выйдет крестьянин на барщину — то ли сам занеможет, то ли кто из семьи сляжет, — в тот же день панский верный пёс-эконом отберёт четверть хозяйства: овец уведёт, курам головы свернёт. Во второй раз бедолага не выйдет — половины хозяйства лишится. А станет роптать — отберут горшки-плошки, ряднину последнюю — и спать не на чем, и сварить не в чем.

А ругать, розгами сечь, как другие помещики, — этого у пана, упаси бог, в заводе не было.

Вот как-то поехал пан в церковь исповедоваться. Рассказал про все грехи попу, получил от него отпущение и домой отправился.

Выехал за село, вдруг слышит — кричат сзади. Оглянулся — дьяк его догоняет, путается в длинных полах рясы. Придержал пан коней. А дьяк подбежал да и говорит:

— Постойте, ваша вельможность! Послал меня к вам батюшка-поп. В каких вы грехах каялись, запомятовал он. А ведь ему ваши грехи замаливать надо.

— Что ж, — отвечает пан, — грехи мои тяжкие. Как-то в пятницу, в постный день, кусок поросятинки съел. Кошку свою ненароком обидел — на хвост ей наступил. Да бранное словечко вороне сказал: она-то кричала «кра!», а я подумал: «украл!»

— Ага! — сказал дьяк. — И это все грехи?

— Все до единого, — пан говорит.

— Малость подзабыли, ваша вельможность, — тихо так дьяк напоминает. — Забыли, сколько горя люди через вас хлебнули, сколько слёз кровавых пролилось, сколько сирот бездольных осталось, у которых вы отцов да матерей замучили. Тот грех забыли, что богатство нажили на людской беде.

Тут дьяк сорвал с себя дьякову одежду. Громко закричал от ужаса пан — узнал Кармелюка.

А Кармелюк могучей рукой пригнул тополь к земле, пану петлю на шею накинул и отпустил верхушку. Высоко взлетел на верёвке пан, а Кармелюк говорит:

— Поднимайтесь, ваша вельможность, к небу. Там ваши грехи и замолите.

ЗЛАЯ ИЗМЕННИЦА

Собрали как-то паны силу большую — и казаков и полицию — Кармелюка с друзьями-товарищами ловить. К самому лесу подступили, где Кармелюк со своим отрядом скрывался.

Узнал про то Кармаль и велел своим людям уходить в дальнюю пушу.

— Сам я, — сказал, — последним выйду.

Окружили вороги лес, все тропы перекрыли — птица не пролетит, заяц не проскочит.

Подался Кармелюк к одной опушке, слышит — кони казацкие

ржут... В другую сторону побежал — шашки брякают... Неужто пропадать Устину?!

Вдруг навстречу ему идёт молодлица белолица, вязанку хвороста несёт.

— Ой, Кармаль, тебя ловят, а мне лихо. Не выбраться тайком из лесу.

— А ты-то чего боишься? — спрашивает Устин.

— Да я в панском лесу сухие сучья подбирала. А на опушке не одни солдаты, паны съехались, и мой там. Увидит меня, разгневается.

— Рад бы тебе помочь, женщина, да сам я — как зверь в западне. За моей головой охота. Лучше держись от меня подальше, а не то и тебя в разбойницы запишут.

Молодица говорит:

— Коли мне от тебя не помощь, так я тебе помогу. Не побоюсь панского гнева, вперёд пойду, а ты за мной крадись, хоронись за кустами, чтоб раньше времени тебя не приметили.

И пошла прямёхонько к опушке. А там полиция, солдаты... Паньы ждут, когда Кармелюка повяжут.

Как гадала молодлица, так и случилось — её пан к ней подскочил.

— Ты что, такая-сякая, в моём лесу хворост крадёшь! Да я тебя...

Подошёл офицер, пана в сторонку отвёл.

— Не до хвороста сейчас! — И к молодлице: — Скажи, добрая женщина, не видала ли в лесу разбойников, не встречала ли Кармелюка?

— Разбойники навстречу не попадались. Кармелюка сроду не видывала... А что-то страхолюдное мимо протопало, к болоту бежало. Чуть сердце со страху не оборвалось.

— Медведь, что ли? — офицер спрашивает.

— Какой медведь! — молодлица отвечает. — То страхолюдное на двух ногах бежало.

— Он это! — закричал офицер. — Злодей Кармелюк! Веди нас к болоту.

Молодица и повела к болоту.

А болото такое, что за один день не обойдёшь. То вода, то трясина и только посредине кусок сухого леса, ровно остров.

— Ясное дело, — офицер говорит, — там и схоронился Кармелюк. Думает, нам туда не пробраться. Да просчитается. Где с кочки на кочку скоком, где вплавь, где вброд, а до его шкуры доберёмся.

Скинул мундир, чтобы в грязи не перепачкаться, команду подал, и двинулись к острову.

Тут молодница махнула белой рукой. Вышел из-за кустов Кармелюк, скорее свитку сбросил да офицерский мундир надел. Такой бравый вояка! Загляделась молодница.

Вдруг подскакал на коне полковник и спрашивает:

— Поймали Кармелюка?

— Так точно, господин полковник, — отвечает Кармелюк. — Вон на том острове его схватили.

«Эге! — полковник подумал. — Меня там не будет, так и награды мне не видать!» И — к болоту.

А Кармелюк ему вслед:

— Верхом туда не добраться, господин полковник. Коня погубите и сами увязнете.

Полковник бросил поводья Кармелюку и зашагал по кочкам на длинных тонких ногах. Чистый журавль!

Кармелюку только того и надо было. Вскочил в седло, молодцу за собой посадил и рванул коня. Где солдат увидит, где полицию — кричит, командует, распоряжается. Ему все честь отдают, робеют.

Так и ускакали.

Как выехали на безлюдное место, Кармелюк сказал молоднице: — Спасибо тебе, хорошая моя! Спасла ты мне жизнь. Что хочешь, для тебя сделаю.

Женщина отвечает:

— Коли так, женись на мне. Давно ты мне полюбился.

— Проси что другое. Не могу на тебе жениться. У меня жена есть.

А женщина своё:

— Какая она тебе жена?! Ты к ней и раз в год не заглянешь.

— Нет, — говорит Кармелюк. — Я ей верным мужем быть обещался. И дети у меня есть.

Загорелись злобой глаза у молодницы.

«Мне не достанешься — и ей не достанешься!..» Так про себя подумала, а Кармелюку сказала ласково:

— Не можешь женой назвать, хоть сестрой тебе буду. Ты — братом мне наречённым. Приходи ко мне завтра поутру.

Отважен был Кармелюк, силен силой богатырской и хитёр. Да хитрости у него только на врагов хватало, а с друзьями он прост был. Поверил той женщине. Ответил ей:

— Нет, сестрица, утром меня не жди. Утром, когда солнце светит, моя тень на землю ложится. А мне мою тень беречь надо. Вороги меня стерегут, выслеживают, но я их пуль не боюсь — я слово знаю. Только тому меня убить под силу, кто в мою тень вы-

стрелит. Хоть никто про то не ведаёт, не догадывается, да лучше мне ясным днём на люди не показываться. Приду к тебе завтра вечером.

Только они разошлись в разные стороны, злодейка змеей проскользнула в дом начальника и рассказала, когда и где Кармелюк быть обещался.

Вот пришёл к ней Кармелюк, а его засада ждёт: в садочке — солдаты, на сеновале — казаки.

Усадила молодлица гостя за стол, водку-горелку поставила, сало да огурцы подала.

Кармелюк говорит хозяйке:

— Хорошо у тебя! Давненько я в тёплой хате под крышей не бывал, давненько за столом на лавке не сидел.

— Эх, Кармаль, Кармаль, — отвечает женщина, — сам ты себе такую долю выбрал. Скитаешься, как волк по лесам, как волка и убьют тебя. За какую ты правду бьёшься, кто тебя знает!..

Печально Кармаль усмехнулся и говорит:

— Слушай притчу, сестра, тогда всё поймёшь.

И начал:

— За семью морями, за десятью горами... Может, и не так далеко, а у нас поблизости жил-был царь со своим сыном. Рос-подрастал царевич, уже не дитя, да ещё не мужчина. И вздумалось ему посмотреть, что в отцовском царстве-государстве делается, как люди живут. Встал он однажды раным-рано и вышел из дворца. Видит — люди все в одну сторону идут, и он туда направился. И пришёл на торговую площадь. А день-то был ярмарочный. Продавцы и покупцы смешались. Ходит царевич, всё ему любопытно. И дошёл до загона, где коней продают. Смотрит царевич — стоят три коня. Один слепой, слепыми глазами вдаль глядит, будто видит что-то. Другой сытый, гладкий, так с жиру и играет. Грива у него пышная, хвост длинный, ногами перебирает, сено, что перед ним положено, не ест, а по сторонам разбрасывает. Выискивает травинку, которая повкуснее. А третий конь — боже ж мой! — в чём душа держится?! Рёбра выпирают, как обручи на бочке, спина упряжью до ран стёрта. Еле на ногах стоит. Потянулся этот конь к сену, что сытый по земле разбросал, а тот его копытом по рёбрам, — моё, мол, сено, лучше под ноги стопчу, чем тебе хоть стеблинку дам. Заржал жалостно тощий, а слепой конь и ухом не ведёт, ничего не видит. А теперь, сестра, сама скажи, как ты притчу понимаешь?

— Ой, Кармаль, — всплеснула руками женщина, — разгадала ведь я её. Тощий конь — то народ, люд бедный. Сытый конь — паны да богатеи. А вот про слепого коня — не знаю.

— Ну так я тебе скажу,— Кармелюк говорит.— Слепой конь— наш царь, что ничего не видит, ничего и знать не хочет. Что же ты спрашиваешь, за какую я правду бьюсь?!

Тут заплакала женщина.

— Что я наделала, натворила. Врагам тебя предала, тебя загубила. Беги, Кармаль, — может, ещё спасёшься!

Вскочил Кармелюк, бросился к двери, а за дверью казаки с шашками. Метнулся к окну, а там солдаты с ружьями. Стрельба поднялась, сеча.

Сколько пуль в Кармелюка попало — ему ничего. А промахнулся один молодой солдат — в Кармелюкову тень, что на стене чернела, угодил. Тут и рухнул Устин Кармелюк, ровно могучий дуб, что под корень срубили.

А женщине той начальники награду выдали. Только радости-счастья ей не было. Глаз она не осушала, почернела, сохлась вся. И умерла вскоре.

Но и в могиле прощенья не получила. На том месте, где её похоронили, трава не росла, птицы не садились. И имя её забыли.

Про Устина Кармелюка песни поют, сказки складывают, а её имя никто не поминает, будто и не жила она на свете. Потому что нет никого презренней, чем тот, кто дружбе изменил, друга предал.

ЯНЮРЕК И ЯРОШЕК

Польская сказка

Обходил лесной чёрт Ярошек свои лесные владения, смотрел, всё ли в порядке. Хозяйство большое — глаз да глаз нужен. Муравьи к зиме готовятся — летние ходы запечатывают. Медведь в глухом углу берлогу себе облюбовал, пока гуляет, а по первому снегу заляжет. Утки-гуси улетели, вроде бы никто не отстал. Два лося из-за красавицы лосихи подрались. Постучали рогами, покричали друг на друга и разошлись в разные стороны. Опять тихо в лесу. Темнеть стало.

Только слышит Ярошек, будто плачет кто-то. Пошёл на голос, подкрался к полянке, из-за кустов лохматую голову выставил.

Посреди поляны стоит сухое дерево, растопырило корявые сучья, словно цепкие лапы. А под деревом человек. Из глаз слёзы капаят, руки длинную верёвку распутывают, сам приговаривает:

— Ой, лихо мне! Неохота с белым светом прощаться, да, видно, судьба такая.

— Ты что? — испугался Ярошек. — Никак вешаться хочешь?

— Эх, хотеть не хочу, а приходится.

— Так кто ж тебя заставляет?

— Добро, что хозяин мне сделал.

— Как же это добро до петли тебя довело? — удивился Ярошек. — Никогда такого не слыхивал.

— Да очень просто... Такое уж хозяйское добро — сперва сладким показалось, потом горьким обернулось.

— А ты расскажи, — сказал Ярошек, — может, чем помогу.

— Это ты-то поможешь! Небось хозяин не без вашей чёртовой помощи обошёлся.

— Не знаю, — говорит Ярошек, — только чёрт чёрту рознь.

— У одного рога подлиннее, у другого покорооче — вот и вся разница. Ну да расскажу, хуже не будет. Всё едино вешаться.

И начал рассказывать.

— Зовут меня Ян, прозывают Янюрек. . .

— А меня Ярошеком кличут, — вставил лесной чёрт.

— Ярошек так Ярошек, — ведёт своё Янюрек. — Семь лет назад женился я. Землицы у меня было немного, избёнка старая, лошадёнка незавидная, а всё жить да хозяйствовать можно. Вдруг является богатый сосед добро нам делать. Даёт денег на обзаведение. Ясное дело, в долг. Я сдуру и взял. В следующее лето неурожай случился, долг я не отдал. На тот долг проценты выросли. А тут дети; а тут лошадь пала. Так и пошло: что ни год, то новый рот, а каждый третий год — недород. Теперь и изба не моя, и земля не моя. Выходит, он полный надо мной хозяин — всё его. И сам я со всеми потрохами — тоже его. И заметь — это только всё за проценты. Как уж он, окаянный, считает, сам не знаю. А жена и дети холодные, голодные сидят. Вот я и надумал повеситься. Может, тогда их люди пожалеют, помогут, может, смерть долг спишет.

Ярошек слушает да носом шмыгает. Глянул Янюрек, а лесной чёрт в три ручья плачет.

— Ну, того не легче, — говорит Янюрек. — Сам наплакался да ещё чёрта до слёз довёл. Ты-то чего ревьешь?

— Деток твоих жалко, — отвечает Ярошек. — У меня у самого пятеро чертенят, мал-мала меньше.

— Шёл бы ты, куда шёл, только сердце растравляешь, — вздохнул Янюрек, сделал петлю из верёвки и накинул на шею.

Тут чёрт Ярошек прямо козлиным голосом завопил:

— погоди, не вешайся! Не могу я этого видеть. Идём лучше со мной. Я тебе что-то покажу.

Разобрало Янюрёка любопытство: что ему чёрт показать может?

— Ладно, — согласился он, — веди. Ночь велика, ещё успею повеситься.

Завёл Ярошек Янюрёка в глухую лесную чащу. В такие дебри, где птица не пролетит, хорёк не продерётся, только чёрту в пору туда дорогу сыскать.

— Эй, дальше не пойду, — заупрямился Янюрёк. — Надоело мне по лесным чащобам таскаться.

— А мы уже и пришли, — отвечает Ярошек. — Глянь-ка вверх.

Посмотрел Янюрёк — старое грушевое дерево над ним ветки раскинуло, и груш на нём больше, чем листьев.

— Эка невидаль — дикая груша! — рассердился Янюрёк. — Ради этого ты меня от дела оторвал?

И повернул было обратно.

— Стой, стой! — ухватил его за полу Ярошек. — Груша-то непростая. Потряси дерево — увидишь, что будет.

Взялся Янюрёк за корявый ствол, начал трясти.

Ох и звон поднялся! Листья облетают — серебряные талеры на землю валяются, груши падают — золотые дукаты по земле раскатываются.

Тут уж Янюрёк постарался во всю силу, ни одной груши, ни одного листика не оставил на дереве. Набил серебром-золотом карманы, шапку наполнил, верёвкой — той самой, на которой вешаться собирался, — подпоясался потуже и за пазуху ещё насыпал. Сколько было, всё с земли подобрал. Потом обернулся, хотел Ярошеку спасибо сказать, а того будто и не было, сгинул, не попрощался. Только слышно — вдали кто-то вздыхает да бормочет:

— Эх, простота моя, простота! Поддался на жалость, теперь отвечай перед чёртовым начальством. Как бы выволочкой не кончилось!

Совсем уж к полночи выбрался Янюрёк из лесу. Как ни спешил домой, а будто кто его за ноги схватил, когда проходил мимо дома богача хозяина. Застучал он к нему в окно. Выскочил хозяин заспаный, злой.

— Ты что, голодранец, ночью в дом ломишься, спать не даёшь?

— Я из-за тебя больше ночей не спал, — отвечает Янюрёк. — Говори, сколько я тебе должен.

Захохотал хозяин:

— Не иначе тебе во сне золотые горы привиделись. А наяву тебе во всю жизнь не расплатиться. Должен ты мне мерку серебра да кружку золота.

— Это с процентами? — спрашивает Янюрёк.

— С процентами.

— А проценты по ночам растут?

— Нет, только днём, — усмехается хозяин.

— Ну ладно, тогда я утром с тобой расплачусь.

Ушёл Янюрёк, а богач жену будит.

— Вставай скорее, — говорит, — что-то я без тебя не разберусь. Янюрёк тут приходил, долг посулил отдать. Я ему в насмешку велел отмерить мерку серебра да кружку золота. А он и усом не повёл, сказал, утром принесёт. Что бы это значило?

Жена переполошилась.

— Сбегаю, может, подгляжу что.

Побежала. Немного времени прошло, она уже назад вернулась. Платок на сторону сбился, еле дух переводит.

— Ой, муженёк, что я видела! Оконце у Янюрёка завешено, да щёлка осталась. Я и подглядела. Сидят Янюрёк с женой у стола, а на столе горой золото и серебро насыпано. Янюрёк золотые монеты считает, жена — серебряные. И столько там богатства, что он тебе мерку отдаст и убыли не заметит.

— Верно, Янюрёк клад нашёл, — говорит хозяин. — Привалила ему удача.

— Ты что мелешь! — напустилась на него жена. — Наша это удача! Земля не его, а наша, изба не его, а наша, и сам он не свой, а наш. Вот и выходит, что весь клад наш.

— Так-то оно так, — почесал затылок хозяин, — да как этот клад отберёшь?

— Напугать его хорошенько надо, — говорит жена. — Они из дому убегут, а мы тем часом своё добро заберём.

Надел хозяин ослиную шкуру — как раз на той неделе осёл у них околел — и побежал к дому Янюрёка. Стучится в оконце, ногами, будто копытами, топает, ухает филином, волком завывает.

Янюрёкова жена до полусмерти испугалась. Дети проснулись, заплакали.

А сам Янюрёк трубочку покуривает, посмеивается. Чего ему бояться? Чёрта? Так чёрт сам ему помог. Хозяина? Деньги есть — и хозяин не страшен.

А богач под окном бесом беснуется. Такой шум поднял, что воробьишки под стрехой запищали, куры в курятнике закудахтали, собаки залаяли, в лесу медведь заревел спросонок. Ярошек, лесной чёрт, проснулся.

Прислушался, сказал себе:

— Верно, это Янюрёк веселится. Счастье-удачу празднует. Пойду-ка и я с ним повеселюсь.

Прискакал к избе Янюрёка, видит — богач в ослиной шкуре под окном скачет.

— Да он никак вздумал себя за чёрта выдавать! — догадался Ярошек. Тут разобрала его обида. — Ишь, ослиную шкуру напялил! Разве наши парни, черти да бесы, на ослов похожи? Нарядиться не умеют? Уж если они замыслят кого напугать, так такое придумают, что у любого человека волосы на голове зашевелятся, у любого зверя шерсть на загривке дыбом встанет. А этот только и умеет сапожищами топать да надрывать глотку. Сволоку-ка я самозванца в пекло, пускай его там наши черти с самых азов чёртову науку заставят проходить.

И сволок.

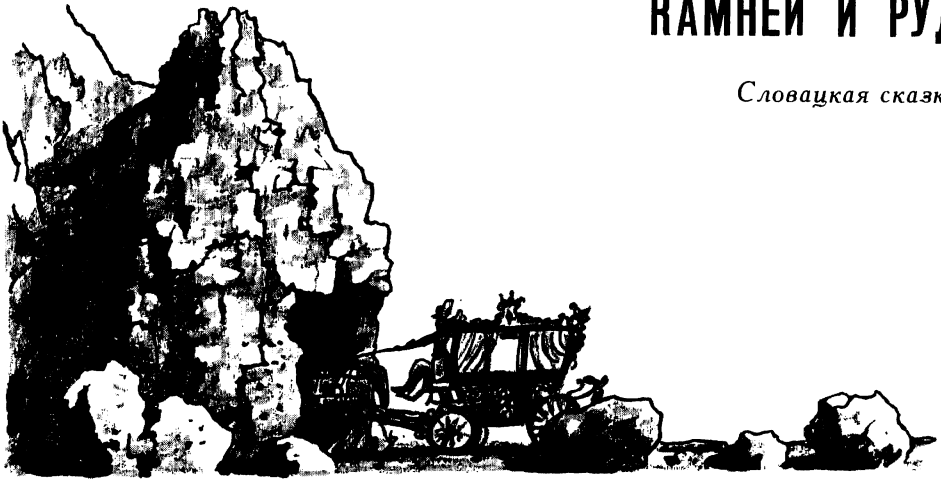
А ослиную шкуру повесил под окнами богача на память его злой жене.

С той поры Янюрек со своей семьёй горюшка не знали. А та верёвка, на которой Янюрек вешаться хотел, послужила ещё. Жена Янюрёка на ней бельё сушила.

ПОВЕЛИТЕЛЬ КАМНЕЙ И РУД

Словацкая сказка

Н е в деревне и не в городе, а в большом селении в долине среди гор жила вдова. С той поры, как умер муж, нужда да горе у её порога стояли, но она их в дом не пускала. Нужду работой отгоняла, а единственная дочка горе скрашивала.

Росла-подрастала дочь и с каждым годом хорошела. И выросла в такую красавицу, что взор не отвести. Станом стройная, коса до пояса, брови дугой, глаза, будто небо, синие. Всем хороша девушка, да только горда очень. С подружками не знаетса, на крестьянских парней глядеть не хочет. Весь день, с утра до вечера, о нарядах думает, в зеркальце глядится. А вдова трудится, во всём ей потакает.

Вот однажды подала ей мать на ужин кружку парного молока да ломоть свежего душистого хлеба. Дочь кружку отодвинула, хлеб отшвырнула.

— Надоел мне хлеб, — сказала, — век бы его не видеть. В городе одни крендели и коврижки едят. Несчастливая я! Всего-то у меня три платья. Ни перстенька, ни убора, чтобы волосы украсить...

И принялась плакать. Глядя на неё и вдова заплакала.

— Что делать, доченька, не богаты мы! Да не в богатстве и счастье. Мы с твоим отцом, моим дорогим мужем, бедно жили, зато в любви и согласии. Потому и хлеб нам был слаще сладкого.

Вот легли они спать. А вдове не спится. Приподнялась она на локте, видит при лунном свете, как дочка во сне улыбнулась. Спокойней стало её сердце, она тоже уснула.

Утром спрашивает:

— Что тебе снилось, доченька? Чему ты ночью улыбнулась?

— Снилось мне, — отвечает дочь, — что приехал меня сватать жених в медной карете. подарил перстенёк с камнями, что горели, как звёздочки на небе. Надела я перстенёк и пошла по улице. Все только на меня и смотрели, моим перстенёком любовались.

— К чему бы такой сон? — подивилась мать и пошла хлопотать по хозяйству.

А дочка села у окна с зеркальцем в руке. •

Вот в полдень подъехала ко двору крестьянская телега. Лошади сытые, телега новая, и парень сидит на ней молодец молодцом — румяный, плечистый. Приехал он сватать красавицу, дочь вдовы.

Вдова обрадовалась, очень ей жених понравился. Видно, добрый, работающий парень. Но дочка на него и не поглядела, так сказала:

— Если б даже ты приехал в медной карете, если б даже подарил перстенёк с камешками, что горят, как звёздочки на небе, и тогда не пошла бы за тебя.

Огорчился крестьянский сын, хлестнул своих коней и уехал.

Мать опечалилась, укорила дочку:

— Что ж ты такому хорошему парню отказала?! Он не бедных родителей сын, знаю я их семью. У них дом исправный, земля урожайная, хлеба всегда вдосталь.

— Ах, матушка, для того ли расцвела моя краса, чтобы в тяжкой крестьянской работе увянуть.

Ничего не ответила мать, головой покачала.

День прошёл. Дочка рано спать легла. Мать ещё долго за шитьём сидела — новое платье своей любимице шила. А когда наконец спать ложилась, увидела, как дивно усмехается дочь во сне.

«Верно, опять моей голубке что-то радостное привиделось!» — подумала.

И правда! Чуть дочка утром глаза раскрыла, принялась рассказывать:

— Мне сегодня, мама, сон снился лучше вчерашнего. Будто приехал меня сватать жених в серебряной карете и подарил серебряный убор на волосы, что мерцал, словно лунный свет. Надела я тот убор, и все на улице на меня смотрели, все завидовали.

— Это, доченька, я ставню неплотно прикрыла, месяц на тебя ярко светил.

Идёт день своим чередом. Едва солнце за полдень перевалило, подкатила к дому коляска. Девушка подбежала к окну, поглядела и отвернулась.

А в дверь вошли сваты из города, с ними молодой купеческий сын. Старушка мать захлопотала, обрадовалась, угощать гостей собралась.

Только сваты рот открыли, чтобы всё, как положено, сказать, жениха повеличать, невесту расхвалить, девушка повернулась к купеческому сыну, сама заговорила:

— Если б даже ты приехал в серебряной карете, если б даже подарил мне серебряный убор на волосы, что мерцает, как лунный свет, я и тогда не стала бы твоей женой.

Обиделся купеческий сын, и сваты обиделись. Сели в коляску и уехали.

Уж как вдова свою дочь любила, лелеяла, а тут не удержалась, побранила:

— Слишком ты горда, дочка, слишком переборчива. А ведь купеческий сын и красив, и богат. В город бы тебя увёз, наряжал... Чего тебе ещё надо?

— Надо мне сама не знаю чего, — отвечает дочь. — Подожду ещё, дождусь своего часа.

— Я тебя не тороплю, — говорит мать. — Хочу только, чтобы ты своё счастье не пропустила. Да ещё хочу, чтобы ты с людьми приветливой была.

На третью ночь проснулась вдова от того, что дочь во сне засмеялась. Звонко так, будто колокольчик прозвенел.

Утром дочь рассказывает:

— Послушай, мама, какой мне сон приснился. Приехал за мной жених в золотой карете, подарил золотое платье, что сияло, как солнечный луч. Я то платье надела, по улице пошла, а оно всем глаза слепит, кто ни глянет — зажмурится и отвернётся.

— Не к добру тебе такой сон приснился, — говорит мать. — С чего бы это людям от твоей красоты отворачиваться.

— К добру, мама, к добру, — смеётся дочь. — Вот увидишь, кто меня сегодня сватать приедет.

— Никто не приедет, — сказала мать. — Двух женихов ты прогнала, остальные сами не захотят обидный отказ слушать.

А ведь вышло не так, как мать боялась, а так, как дочка говорила.

Ровно в полдень стук раздался на улице, гром, звон. Въехали во двор три кареты. Первая карета медная, везут её две тёмно-гнедые лошади. Вторая карета серебряная, и впряжены в неё четыре лошади серебристо-серого цвета. Третья карета золотая, восемь коней золотистой масти с золочёными копытами грызут удила, постромки рвут.

Из медной кареты выскочили мальчишки-пажи в красных штанах, в зелёных камзолчиках, в зелёных шапочках. Подбежали они к серебряной карете, с поклоном открыли дверцы. Вышли оттуда придворные господа в шляпах с перьями, в серых длинных кафтанах. Направились придворные к золотой карете, низко кланяясь, распахнули дверцы. Тут сошёл на землю такой красавец, какого не только в селе, а и в городе, пожалуй, не видали. Одежда на нём из чистого золота, пряжки на башмаках алмазами изукрашены.

Глянула на него дочь, схватила мать за руку.

— Смотри, мама, смотри! Это он три раза ко мне во сне приезжал. Наконец я своего жениха дождалась!

А красавец тот, и правда, приехал свататься.

Девушка радуется, а у матери на сердце тяжело. Красив жених, и богат, и знатен. Да неведомо, откуда прибыл, куда милую дочку увезёт. И ещё заметила мать, что взгляд у жениха теплом не светится, горят глаза не живым блеском, а сверкают, как самоцветные камни.

Девушка выбежала в сад, нарвала букет поярче, поднесла жениху в знак согласия. А жених подарил ей перстенёк с камешками, горевшими, словно звёздочки в небе, серебряный убор в волосы, мерцающий, как лунный свет, и золотое платье.

Взяла невеста подарки, пошла в другую комнату переодеваться. Мать жениху говорит:

— У меня дочка единственная, дитя взлелеянное. Будешь ли её любить, жалеть? Не будешь ли строг с ней?

Жених отвечает:

— Полюбил я твою дочь за гордый нрав и холодное сердце. Чего она хочет, то в моём царстве и получит.

— А далеко ли твоё царство?

— Далекое не далеко, а попасть туда трудно.

— Значит, нельзя будет мне дочку проведать?

— Нельзя. Но если она пожелает, стану отпускать её раз в году на три дня.

Вот вышла невеста в золотом платье, серебряный убор в волосах, перстенёк на пальце самоцветами переливается. Знала мать, что дочь красавица, не раз ею любовалась, а тут и совсем глаз не отвести.

Жених взял невесту за руку и повёл к золотой карете.

Люди выбежали, глазают на диковинную свадьбу. А невеста хоть бы раз на односельчан взглянула, хоть бы раз напоследок улыбнулась!

Вот расселись все по каретам, хлестнул кучер золотистых коней, рванули они с места, понеслись. За ними серебристо-серые кони, а за теми тёмно-гнедые.

Мать долго стояла на пороге, смотрела, как пыль под колёсами завивается. Разрывается её сердце надвое, чувствует, что больше им с дочкой не свидеться.

Сельчане по домам расходятся, меж собой толкуют:

— Неладно сделала невеста. Не соблюла старинный обычай — с подружками на девичнике не попрощалась, не поклонилась соседям, матери перед разлукой в ноги не пала.

А три кареты всё мчатся. Поля миновали, леса миновали, в горы въехали.

Думает-гадает молодая, куда же везёт её муж, но спросить не смеет.

Уже, уже сдвигаются горы, выше становятся. Очутились они в ущелье, таком тесном, что кареты еле проходят. Вот и конец ущелью, упирается оно в тупик. Да нет, не в тупик — зияет перед ними вход в пещеру, словно пасть каменного дракона. Кони, не замедляя бега, так и влетели туда.

Только въехали, сотряслась земля, гул позади них раздался — это сошла с гор лавина, завалила вход в пещеру. Разом стало темно, хоть глаз выколи. Испугалась молодая, прижалась к мужу, защиты ищет. Он её успокаивает:

— Не бойся, жена, всё так, как быть должно. Скоро дома будем.

И правда, посветлело впереди. Выехали они из пещеры снова в горы. По уступам гор лес растёт. И горы диковинные, и лес диковинный. Присмотрелась молодая — всё кругом оловянное. Скалы из олова, на дубах да осинах ветки и листья из олова, на елях и соснах кора оловянная, хвоя оловянная. Высунулась в окошко молодая, посмотрела вверх — и небо над ней оловянное, тусклым светом светится. Всё будто во сне застыло, не шелохнётся, да и откуда под землёй ветру взяться?!

Расступились наконец оловянные горы. Широкая долина перед ними. Всё заблестело кругом. Трава там из зелёного камня, цветы самоцветные, из голубого камня небо над головой. А посреди долины стоит золотой дворец с серебряными окнами.

— Вот мы и домой приехали, дорогая моя жена, — сказал муж. — Всё, что видела, что ещё увидишь — моё, а теперь и твоим будет.

Улыбнулась ему молодая. Вошли они во дворец, всё кругом сверкает, от драгоценных камней без светильников светло. Сбежа-

лись тут слуги — маленькие человечки в красных штанах, в зелёных камзолчиках, в красных колпачках. Поклонились и спрашивают:

— Повелитель камней и руд, не прикажешь ли на стол накрывать?

Махнул тот рукой. Засуетились слуги. Мигом накрыли стол, уставили его всякими кушаньями.

Молодая попробовала, чуть беленький зуб не сломала — все кушанья каменные, ни одно не разгрызёшь. А муж ест и жену угощает: этого отведай, того попробуй!

Жена ему говорит:

— Ах, дорогой муж, не хочу я ничего. Мне бы хлеба кусочек.

Хлопнул повелитель камней и руд в ладони. Принесли горные человечки на медном блюде медный хлебец.

Молодая жена только головой покачала. Бросились со всех ног слуги, принесли на серебряном блюде серебряный хлебец, а потом и золотой на золотом блюде.

Жена к мужу повернулась.

— Не нужен мне ни медный, ни серебряный, ни золотой хлеб, вели подать ломоть простого хлеба.

Муж отвечает:

— А ведь ты не любила простого хлеба и глядеть на него не хотела. Рад бы тебе угодить, да нет в моём царстве того, чего ты просишь.

Так и встала молодая из-за стола, не съев ни крошечки.

Идёт время в подземном царстве, а день от ночи не отличишь. Только песочные часы срок отмеряют — когда светлый песок течёт, день на земле, чёрный песок бежит — там, значит, тёмная ночь сейчас.

Муж с молодой женой приветлив, сурового слова никогда не скажет. И она его любит. А тоска чем дальше, тем сильнее её гложет сердце.

— Что не весела, дорогая моя жена? — спрашивает муж.

Она отвечает:

— Скучаю я по солнечному свету, по лунному сиянию, по чёрной земле. . .

Нахмурился муж.

— А я-то, когда тебя сватал, думал, что всё тебе тут понравится. Но не горюй, скоро минет год, выйдешь ты на три дня, на три ночи из подземного царства на солнечный свет.

Обрадовалась жена.

— Первым делом я с матерью повидаюсь, — сказала.

Тут муж ещё больше нахмурился.

— Боялся я тебя огорчить, утаил правду. Я твоей матери богатые подарки послал, да некому их было взять. Умерла твоя ма-тушка, недолго и прожила после нашей свадьбы.

Всплеснула руками жена, горько заплакала.

Ходит молодая женщина в глубокой печали по подземному царству. Не радуют её ни богатые уборы, ни самоцветные камни. Только на песочные часы она и смотрит. А в часах то светлый песок струится, то чёрный пересыпается.

Вот настал назначенный срок, вышла красавица из горы. А кругом ранняя весна. Солнце ласково светит, птицы в высоком небе летают.

Упала она на чёрную землю, целует её — из земли зелёная трава пробивается. Гладит она голые ветки на деревьях — раскрываются почки, клейкие листочки разворачиваются. Смотрит радостными глазами — цветы расцветают.

А увидела людей — бросилась, обняла, об одном просит:

— Дайте кусочек хлеба!

Удивляются люди — не нищенка, не убогая эта женщина, мо-лода и красива, и платье на ней богатое, а милостыню просит. Удив-ляются, но подают.

Три дня и три ночи пробыла на воле жена повелителя камней и руд. В лесу ночь коротала, смотрела, как на заре птицы гнёзда вьют, зверюшки из нор выходят. Солнце ли, ветер ли, дождь — всё ей сердце радует.

За три дня всё кругом расцвело, зазеленело. Тут и срок её кончился. Подошла она к горе, расступились скалы, впустили её и замкнулись.

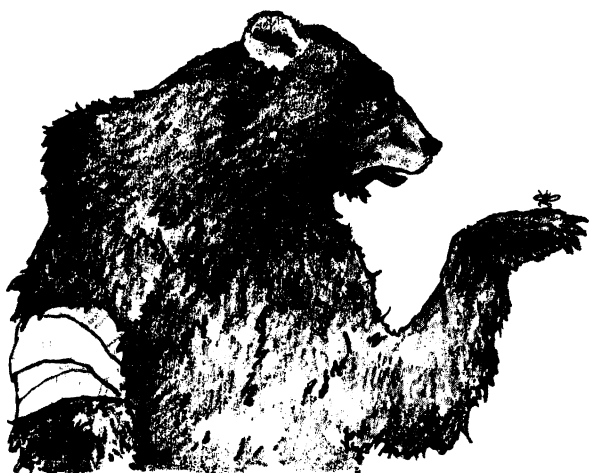
С той поры так и говорят люди, когда весна силу набирает:

— Это вышла из подземного царства жена повелителя камней и руд. Когда-то не знала она цены тёплому хлебу и ясному солнцу. Теперь знает, и так она, бедная, белому свету рада, что всё ей навстречу расцветает.

КОМАР И МЕДВЕДЬ

Словацкая сказка

или два приятеля — комар и медведь.

Вот однажды спрашивает медведь:

— Комарик, дружок, ты повсюду летаешь, у всех тварей кровь перепробовал. Подумай да скажи, у кого кровь всего слаще?

Отвечает ему комар:

— И думать нечего. Слаще всего человечья кровь.

— Надо и мне попробовать, — говорит медведь.

Комар по своим комариным делам улетел, а медведь отправился человека искать.

Шёл, шёл по лесу, никого не встретил. Дошёл до опушки и тут увидел мальчонку, что скакал верхом на палочке.

— Э, стой! — говорит. — Человек ты или нет?

— Ещё только буду, — ответил мальчик и гордо выпрямился, потому что очень хотел поскорее вырасти.

— Ну, скачи себе дальше! — буркнул медведь. — Какой толк в том, что ещё будет.

Идёт медведь, переваливается. Шёл не торопясь, а догнал старичка, что еле ноги переставляет, палкой подпирается.

— Э, стой! — говорит медведь. — Человек ты или не человек?

— Теперь уже нет. А раньше был хоть куда!

— Ну и бреди мимо, — проворчал медведь. — Какой толк в том, что когда-то было.

Так и разошлись каждый своим путём.

Выбрался медведь на дорогу, которая вдоль леса шла. А на встречу ему гусар на коне — красный мундир золотом шит, на медной каске султан из перьев, за плечами короткий плащ развевается.

Удивился медведь и говорит:

— Стой! Ты кто таков?

Подкрутил гусар усы и загремел с седла:

— Или не видишь сам?! Человек с палашом, с ружьём, а главное, с головой.

И тронул коня.

Но медведь как услышал, что это человек, за ним по пятам бросился. Вот-вот догонит.

Тут повернулся гусар к медведю, размахнулся палашом да как рубанёт его по плечу. Шкуру медведю пропорол, потекла у него по лапе кровь.

Понял медведь, что здесь шутки плохи. Гордиться не стал, показал гусару пятки. А гусар не поленился, вскинул ружьё и выпалил медведю вслед.

Прибежал косолапый к своей берлоге, еле отдышался.

Скоро и дружок его прилетел.

Стонет медведь, комара попрекает:

— Уж не знаю, приятель, правду ли ты говорил, что человекья кровь самая вкусная... Хотел я попробовать, да не вышло.

— Ну! — удивился комар. — А почему?

— А потому, что с человеком лучше не связываться. Только я его догнать решил, высунул он язык, длинный-предлинный. Он его даже в руке держал. Да такой острый, что меня чуть не до кости проткнул. Я уже его больше не трогал, а он повернулся и плюнул мне вслед. Плюнул и попал мне прямо в бок — ровно огнём прижгло, и сейчас ещё под шкурой свербит.

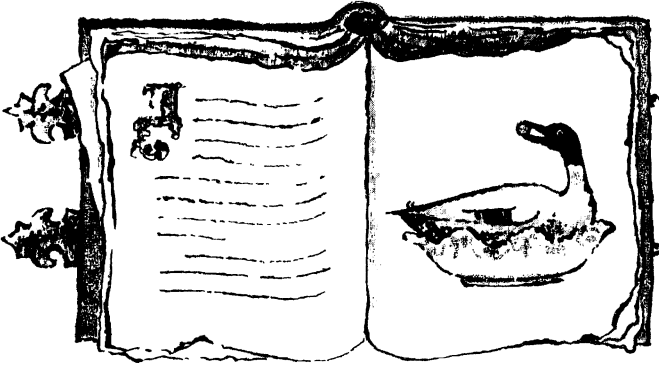
Тут комар как захохочет. Трясся, надувался, до того смеялся, что наконец лопнул.

Но это, верно, враки, потому что и по сей день комары из каждой твари кровь сосут и людям докучают.

РАЧОК- ГАДАЛЬЩИК

Моравская сказка

Жил парень по имени Ян, по прозвищу Рачок. Пора бы ему жениться, да как женишься, когда ни коровы в хлеву, ни курицы на насесте. Самому не каждый день досыта поесть удаётся. Кто ж за такого пойдёт? Вот и решил парень в чужих местах удачи поискать.

Собрал кое-что в дорогу, а сложить некуда. Не завалаясь ли на чердаке какая-нибудь котомка? — подумал. И полез на чердак. Перерыл весь хлам, котомки не нашёл, зато увидел в самом дальнем углу сундучок.

А в сундучке оказалась толстая старая книга с пожелтевшими листами, в кожаном переплёте.

Чья она, откуда взялась и с каких пор тут лежит, Рачок не знал. Может, дедова, может, прадедова.

Взял Рачок книгу и пошёл к учителю. Учитель полистал страницы и головой покачал.

— Не знаю, что за книга. Не по-нашему написана.

— Ну, так я тебе скажу, — говорит Рачок. — Это мудрая книга, в ней про всё, что было и что будет, сказано.

— Почему ты так думаешь? — спрашивает учитель.

— Очень просто, — отвечает Рачок. — Книга толстая, значит, в ней много что есть. Книга старая, а в старину про пустяки болтать не любили. Да и переплёт у неё из телячьей кожи, разве стали бы кожу на безделицы тратить?! Так что по ней можно всё назад узнать и вперёд угадать.

Учитель пожал плечами, а Рачок сунул под мышку книгу и пошёл, куда ноги повели.

Шёл полем, шёл лесом и услышал вдруг козье бляенье. Да такое жалобное, что Рачок с дороги свернул, посмотреть, какая беда с козой приключилась. А с козой и впрямь беда. Упала она в яму, и никак ей не вылезти. И Рачок ей помочь не может. Тут верёвка нужна, а верёвки у Рачка нет. Набросал он в яму веток да свежей травы, чтоб с голоду коза не пропала, и дальше зашагал.

Скоро пришёл в город и на самой окраине увидел кучку людей. Все кричат и руками размахивают, а одна старушка плачет, платком слёзы утирает.

— Что случилось? — спрашивает Рачок.

— Да вот у старушки коза, её кормилица, пропала.

— Ох, моя любимица круторогая! — заохала старушка. — Растерзали тебя, бедную, волки! Тебя не пожалели зубастые, меня без молочка оставили. . .

— Не горюй раньше времени, матушка, — сказал Рачок. — Сейчас узнаем, где твоя коза.

Раскрыл книгу, поводил по строчкам пальцем и говорит:

— Идите в лес, добрые люди. То ли справа от дороги, то ли слева должна быть яма, а в яме должна быть коза. Жива и здоровёхонька. Поворачивайтесь быстрее, пока её и в самом деле волки не задрали. Да не забудьте верёвку прихватить.

Удивились люди, но пошли.

Часу не минуло, как привели козу старушке.

По всему городу мигом весть разнеслась про гадальщика с его книгой. И до короля эта весть дошла.

Король обрадовался. Как раз в то утро у королевской дочери пропал драгоценный перстень, и как его ни искали, найти не могли. Вот и подумал король: хорошо бы того гадальщика расспросить.

На то и придворные у короля, чтоб любую королевскую прихоть, любое желание на лету подхватить, а ещё лучше — наперёд угадать. Король только бровью шевельнул, а уж слуги по всему городу рыщут, гадальщика ищут. Привели Рачка, поставили перед королём.

Оробел Рачок. Одно дело — старушке в шутку голову поморочить, другое дело — с королём связаться. Тут можно ненароком собственную голову потерять.

Посмотрел король на гадальщика и говорит:

— Больно уж с виду неказист. Надо его сперва испытать.

И зашептал что-то на ухо королевне. А королева — камеристке, а камеристка из зала бросилась. Потом назад вернулась, несёт серебряную миску, накрытую золотой крышкой.

Король спрашивает у Рачка:

— Ты, верно, проголодался?

— Не без того, — отвечает Рачок. — Коли угостишь, не откажусь.

— Угощу. Только сперва угадай, что за угощение в этой миске.

Бедный парень за голову схватился:

— Ох, Рачок, Рачок, неразумный дурачок, польстился на еду, а нарвался на беду. Попал сюда, так красней от стыда.

— Вот это гадалыщик! Без книги гадал, да и то угадал! — закричал король в восхищение и своей королевской рукой приподнял золотую крышку.

Тут все и увидели — в миске лежал варёный красный рак.

Король велел поварам приготовить хороший обед из трёх перемен и чтобы каждое блюдо приносил гадалыщику тот повар, который его приготовит. Потом сам отвёл Рачка в дальнюю комнату и сказал:

— Не выйдешь отсюда, пока не найдёшь перстень. Да запомни — лучше королевская милость, чем королевский гнев.

«Ладно, — подумал Рачок, — хоть наемся досыта, а там будь что будет!»

Кивнул важно королю, будто ему ровня, и раскрыл свою книгу на середине. А король заглянул в книгу — известно, королей всему обучают, он и не по-нашему читать умел, — заглянул и воскликнул:

— Да ведь ты книгу держишь вверх ногами и к тому же задом наперёд.

Но Рачок и тут не растерялся:

— Эх, учат королей сызмала, да не тому, что надо. Дело ясное: ежели хочешь вещь назад получить, так и книгу следует задом наперёд держать.

— Вон оно что! — удивился король. — Ну, гадай, а я пойду, мешать не буду.

Сидит Рачок, горюет:

«Зачем только я с этой книгой связался. Жил бы себе дома, хоть репу испёк бы!»

И так ему есть захотелось, что он и думать ни о чём больше не мог.

Для того, кто ждёт, время медленно тянется, для того, кто рас-

сказывает, — словно на крыльях летит. Ну, а поварам ровно столько времени надо, чтобы обед успел свариться.

Раскрылась дверь, и вошёл повар с суповой миской.

— Наконец-то первого увидел! — воскликнул Рачок.

Повар побледнел, зашатался, но на ногах устоял. Поставил на стол суповую миску и скорей за дверь.

Пока Рачок ел, повар двум другим поварам шептал:

— Плохо наше дело, братцы! Этот гадальщик насквозь видит. Я ещё в комнату не вошёл, а он уже всё про меня знал.

Несёт второй повар жаркое на блюде, руки у него от страха трясутся.

— Вот и второй явился! — сказал Рачок.

Этот повар не помнил, как из комнаты выскочил. Прибежал на кухню и говорит:

— Твоя правда! Ведь он и меня угадал!

Третий повар рад бы сквозь землю провалиться, а делать нечего — понёс гадальщику пирожное.

— Ну вот, третий пришёл. Втроём дело начали, втроём и кончили. А я один с ним управился.

И давай пирожное уплетать.

А третий повар еле приполз на кухню и говорит:

— Всё пропало! Давайте думать, что делать.

И Рачок думает:

«Хороши у короля обеды. И за вчера и на завтра наелся. А вот

каковы на вкус королевские палки — и пробовать неохота. Надо бы ноги в руки и бежать отсюда, да подальше!»

Только он так решил, открылась дверь и вошли трое поваров. Все трое держат одно маленькое блюдце, а на блюдце... Рачок своим глазам не поверил — на блюдце три столбика золотых монет и посредине перстень.

С плачем повара на колени пали, просят их не губить, малых деток не сиротить.

— Не так уж мы виноваты, — говорят. — Королевна сама на кухню пришла, сама перстень обронила. Ей, видишь ли, суп попробовать захотелось. Только и вины на нас, что мы тот перстень нашли да утаили.

Уж как Рачок обрадовался, и сказать невозможно. Вскочил со стула, зашагал по комнате. А окно той комнаты как раз на птичий двор выходило.

— Так и быть, — сказал Рачок, — пожалею ваших деток. Видите вон того селезня? Закатайте в тесто перстень и дайте ему проглотить. А мы с королём всё меж собой уладим.

Отдал перстень поварам, сгрёб с блюда три столбика золотых монет и задремал в кресле. Задремать задремал, а уснуть не успел. Пришёл король и спрашивает:

— Ну что, гадалщик, разгадал загадку?

— А как же! — Рачок отвечает.

— Так где же перстень? Говори скорей.

— Перстень у вора, что изловим скоро. Вор на двух ногах да о двух глазах...

— Что ты мне голову морочишь! — рассердился король. — Ясное дело, что у вора две ноги да два глаза — это я и сам знаю.

Усмехнулся Рачок.

— Не спеши, король. Тот вор про кражу не ведаёт, а будет разгадка, когда король пообедает. Вели зажарить вон того селезня.

— Надоели мне твои шутки! Но так уж и быть — послушаюсь! Хлопнул в ладоши и велел подать на обед селезня.

Мигом бедняге селезню голову отрубили, потрошить начали и нашли перстень.

Король и смеялся и удивлялся. Королевна плясала, а больше всех радовались три повара.

Король богато наградил Рачка, уговаривал во дворце остаться придворным гадалщиком, но Рачок не согласился. Сунул свою книгу под мышку и отправился домой.

А когда пришёл в родное селение, завернул сперва к учителю.

— Спасибо тебе за советы, — говорит. — Да вот что я тебе скажу: если бы не удача да не смекалка, не сносить бы мне головы. А ты говорил, в книге всё про прошлое и про будущее написано.

— Ведь это ты говорил! — удивился учитель.

— Разве? — сказал Рачок. — Ну, может, и так. Пойду-ка я на свой чердак, положу книгу в сундучок да запру покрепче. Кто в петле побывал и живым остался, второй раз в петлю не ползет.

Ничего не понял учитель и опять плечами пожал.

А Рачок вскоре женился. Жёну выбрал себе по нраву, весёлую и покладистую. Хорошо зажили!

МОЛЧАЛИВАЯ КОРОЛЕВНА

Чешская сказка

ежит ручеёк. Через него мостик перекинут. Узенький мостик — двоим никак не разойтись.

А случилось так, что с одного бережка ступило на мостик Счастье, а с другого — Ум на мостик взошёл. Каждый сделал один шаг — и остановились оба.

Счастье говорит:

— Дай мне пройти!

Ум отвечает:

— Почему это я должен тебе дорогу уступать?

— Потому что я для человека важнее. Передо мной, Счастьем, даже Горе-злосчастье голову склоняет.

— Не хочу про тебя плохое говорить. Может, с тобой человеку и правда лучше живётся. А только без Ума ему никак не обойтись! Со мной человек все загадки отгадает, все петли распутает. И ты ему не понадобишься.

Засмеялось Счастье и сказало:

— Ум-то ты Ум, да слишком прост. Давай наш спор на деле проверим. Оглянись! Видишь, в поле парень пашет. Он только-только в возраст входит, только мужчиной становится. Ни своего ума, ни своего счастья ещё не нажил. Родительским жил. Вот и принимайся за работу. Потом и рассудим, кто из нас прав.

— Будь по-твоему! — согласился Ум и сошёл с мостика.

Другой бы, может, заупрямился, но Ум на то и Ум, чтобы по пустякам не спорить.

С утра парень пахал — ни о чём не думал. Как велел отец вести борозду поровнее, так и вёл. А тут задумался.

К вечеру вспахал поле, вернулся домой и говорит отцу:

— Семнадцать лет прожил, а кроме поля да села ничего не знаю. Отпусти меня свет повидать, попытать — чего могу, чего не могу.

Переночевал парень последнюю ночь в родительском доме. А чуть заря занялась, пошёл по широкой дороге, сам не зная куда.

Сколько шёл, кого в пути встречал, про то сказка не рассказывает и мы спрашивать не будем.

А пришёл наконец в главный город, где сам король жил.

Парень подумал:

«За долгую дорогу многих я повидал — и крестьян, и купцов, и ремесленников... Хорошо бы и на короля посмотреть. Да так просто к королю ведь не заявишься! Наймусь-ка в королевский дворец работником. Хоть на кухню, хоть на конюшню...»

С королевской кухни его повар прогнал, на конюшне он не понадобился, а вот садовнику как раз подручный нужен был. Садовник парня и взял.

Парень умел хлеб выращивать, за огородом присматривать... А вот как кусты да деревья стричь, ровнять их, словно солдат на параде, как лилии из луковиц выгонять — это ему и не снилось. Ну, да теперь парень с Умом подружился, стал присматриваться, как садовник работает, смекать, что к чему, и пошло у него дело.

Год миновал, как не бывал. Садовник весь сад ему доверил. Никогда он такого помощника не имел. Цветёт сад, глаз радует.

Сам король каждый день по саду гуляет со своей любимой дочерью. А королевна хороша на диво! У лилии остановится, так лицо её белее лилии, розой залюбуется, так румянец на её щеках ярче розового лепестка. Волосы золотистые, словно луч утреннего солнца, а глаза синие, будто небо, что сквозит меж ветвей.

Только голоса её подручный садовника ни разу не слышал. Король, бывало, с ним заговорит, работу его похвалит или спросит что... А королевна словно в рот воды набрала.

Слух такой идёт, что до шестнадцати лет она и с подружками поболтать любила, и песенки пела, и смеялась звонче колокольчика. А как исполнилось ей шестнадцать лет, так и замолчала. Со всех держав-государств к ней царевичи-королевичи свататься приезжали, а она их выслушает молча и головой покачает. Король уговаривал её хоть слово вымолвить, и лекарей звал, и чернокнижников выпрашивал. Наконец объявил такой указ: кто царевну разговорит, тот и мужем ей станет.

Многие тут удачу пытали — и из знатного рода, и из купеческого звания. Да нет: молчит королева, замкнуты её уста, словно запечатаны.

Молодой садовник с первого раза как увидел королеву, так покой и потерял. Всё про неё думал. И надумал:

«Попробую сам королеву разговорить!»

Вот раз королева вышла в сад гулять одна. Взяла с собой только свою любимицу — маленькую собачку.

А молодой садовник в тот час куст розы пересаживал. Засмотрелась королева на его работу, остановилась. Собачка у её ног села. Вот парень и говорит собачке:

— Скажи, собачка, что нашему слуху всего приятнее?

Пёсик одно ухо поднял, голову набок склонил, а отвечать, ясное дело, не отвечает. И королева ни слова, то ли не слышит, то ли не слушает. Однако не уходит.

— Не знаешь? — усмехается молодой садовник. — Так я тебе сам скажу. Всего приятнее нашему слуху разумная, ласковая речь. Теперь вторую загадку послушай. Что с чем в паре ходит? Одно без другого обойтись не может?

Собачка хвостом виляет. А у королевы дрогнули уста, но не открылись.

— Эх, — говорит молодой садовник, — тут и раздумывать нечего! Мысль да слово в паре ходят. Слово без мысли, что пустая погремушка. А мысль без слова, что жемчужина в закрытой раковине на дне моря.

Сдвинула брови королева, голову гордо вскинула. Но уйти всё-таки не уходит.

Молодой садовник собачку по шёлковой шёрстке погладил и дальше ей говорит:

— На эти загадки отгадки не хитры. Вот сейчас расскажу тебе сказку не сказку, притчу не притчу, а то, что недавно приключилось. Похоже, что чистая правда, а ты сама о том суди. Шли три товарища, куда не знаю, зачем не ведаю. Один — ученик резчика, второй — портновский подмастерье, а третий, скажу тебе, собачка, по совести, — подручный королевского садовника. Шагали они, спешили, да припозднились. Пришлось им в лесу ночевать. А в том лесу волки да рыси водились. Решили три приятеля костёр разложить и по очереди караулить. Первый черёд выпал ученику резчика. Двое заснули, он сидит, хворост в огонь подбрасывает. Скучно ему да и страшновато. Взял он кусок дерева и, чтобы время скоротать, принялся вырезать-обстругивать. И сам не заметил, как вырезал красавицу девушку. Полюбовался на свою работу и разбудил това-

рища. «Вставай, — говорит, — твой черёд за костром приглядывать. А чтоб ты не задремал ненароком, вот тебе дело. — И показал ему деревянную девушку. — Лоскутки у тебя в сумке найдутся, иголка с ниткой в шапку воткнута, знай не ленись!» Лёг ученик резчика спать, а портновский подмастерье принялся кроить да смётывать. Красивое платье сшил, богатое, сама королевна не постыдилась бы такое надеть. Тут и время его вышло. Растолкал портновский подмастерье третьего товарища и говорит: «Смотри, резчик девушку вырезал, я её одел, а что ты для неё сделаешь — сам придумай!» Растянулся на земле и захрапел. А подручный садовника стал с деревянной девушкой разговаривать. Сказки ей рассказывал, песни пел, загадки загадывал. Слушала она сказки — улыбалась, песни слушала — в ладоши прихлопывала, а как дело до загадок дошло, заговорила деревянная девушка, все загадки разгадала. Взошло солнце, проснулись товарищи. И разгорелся между ними спор: чьей эта девушка будет, кому достанется? «Моя она! — твердит резчик. — Я её вырезал!» — «А я её одел! — кричит портной. — Моя она!» — «Не ваша, а моя! — гнёт своё садовник. — Я её говорить научил!» Так они и спорят по сей день. До одного не додумались — девушку спросить!

— Что ж тут спрашивать! — сказала вдруг королевна. — Кто её научил говорить, жизнь в неё вдохнул, тому она и принадлежит по праву.

— Смотри же, не отрекись от своих слов! — вскричал подручный садовника. — Ты сама так рассудила! Никому я тебя не отдам, моя ты теперь по праву!

Заалелась королевна, словно лепестки мака ей на щёки пали. Хотела ответить, да увидела, что за кустом стоит слушает её отец король, а с ним первый министр. Встрепенулась она, будто испуганная птица, и убежала.

И подручный садовника короля увидел. Король от радости весь сияет. Подошёл к молодому садовнику, за плечи обнял и сказал:

— Всё я слышал с самого начала. Умён ты не по летам, хитёр не по чину. Дело сделано — разговорил ты королеву. Проси, какую хочешь, награду.

— А ведь награду ты сам назначил, король, — отвечает парень. — Отдай мне в жёны, как обещано, свою дочь.

Нахмурился король. Молчит.

Тут подскочил королевский министр.

— Эх, парень, — говорит. — Да ты, видно, заносчив не по летам, дерзок не по чину. Сам смекни, какого ты роду-племени, как тебе с королевской дочерью равняться!

— Но ведь король-то королевское слово дал! — стоит на своём молодой садовник.

— Да ты, дурень, подумал бы, когда то слово давалось! Тогда королева молчала, словно в рот воды набрала.

— Про то и речь, — говорит парень. — Это я её уста разомкнул.

— Кто ж с этим спорит? — кивнул головой министр. — Заговорила королева. Теперь её любой королевич или, к примеру, первый министр счастлив будет в жёны взять. Да что его слушать! Прогоните его, ваше королевское величество!

— Да нет, не хорошо это выйдет, — сказал король. — Надо его наградить, чем захочет. Пусть хоть денег попросит, или землю ему пожалуем. . .

— Не надо мне денег, не надо земли, — отвечает парень. — Должен король держать своё слово твёрдо, королевское слово — закон. На том и царство стоит.

Первый министр даже уши себе заткнул, закричал:

— Не могу и слушать такого поношения его светлости! Кто говорит, что король должен, тот оскорбил короля. А за оскорбление короля — голова с плеч долой! Ваше величество, велите его казнить!

— Что ж, — сказал король запальчиво. — Если так, лучшего он не заслужил.

Призвали стражу, связали молодого садовника и повезли на городскую площадь, где всегда на помосте плаха стояла.

Тут подоспело Счастье и говорит Уму:

— Видишь, брат, до чего ты довёл парня?!

Ум в затылке почесал.

— А ведь так всё хорошо шло! Да сейчас не до споров. Я ему больше помочь не могу. Помоги ты, Счастье, если сумеешь.

— Дело непростое, — сказала Счастье. — Однако попробую.

Только промолвило — у телеги колесо отскочило. Пока чинили, сколько-то времени прошло. Но рано ли, поздно ли, привезли молодого садовника на место казни.

Стал он всходить на помост — ступенька под ним подломилась. Принялись плотники новую ступеньку сколачивать.

А король уже и думать о молодом садовнике забыл. Побежал в покои своей дочки. Хочется ему поскорее её голос услышать, с ней разговор повести.

— Почему ты, дочь моя, целый год молчала? — спрашивает её.

Королева отвечает:

— Глупые женихи ко мне сватались. Все мою красу восхва-

ляют, а свою знатность да богатство ещё того больше. Скучные их речи и слушать не хотелось, не то что отвечать. Вот я и зареклась: буду молчать до тех пор, пока острое слово не услышу, пока не заведут со мной такую беседу, чтобы ум и сердце трогала. И дождалась. Готовь, отец, свадебный пир! Выдавай дочь замуж за молодого садовника!

Отец за голову схватился:

— Он же простого роду, не пара тебе. . .

— Зато умнее всех королевичей да царевичей и всех твоих министров, — говорит королева. — Да и обещание ты дал, должен исполнить.

— Вот и тот дерзкий парень так сказал! — вскричал король. — И за это мы с первым министром велели его казнить.

Зарыдала-заплакала королева.

— Если так, ни за кого замуж не пойду! Наложу на себя опять обет молчания, никто до самой моей смерти моего голоса не услышит.

Король испугался. Знал он: что дочь сказала, то и сделает.

— Да ведь я не виноват, — вскричал. — Это первый министр меня уговорил.

А дочь ни словечка в ответ. Только плачет.

— Как быть?! — всплеснул руками король. — Может, ещё не поздно! Отправлю гонца на площадь.

Гонец во весь опор скачет. Молодой садовник уже на плаху голову приклонил. Не успеть гонцу в срок!

Занёс палач меч, да Счастье в последний раз помогло. Подтолкнуло палачу руку, меч ударился о плаху и переломился.

Тут и гонец до площади доскакал. Издали машет белым платком и кричит:

— Остановите казнь! Везите парня, да не в сырую темницу, а во дворец с почётом.

Что тут долго рассказывать! Стал молодой садовник королевским зятем, мужем прекрасной королевы.

Министра прочь прогнали, чтобы с глупыми советами не совался. Советы королю теперь давал молодой королевский зять, бывший подручный садовника. И все те советы до единого мудрыми были.

А как же спор между Умом и Счастьем? Всё они между собой обсудили. Так решили: надобны человеку и Ум и Счастье. С одним Умом без Счастья с бедами не справиться. И Счастьем без Ума плохо. Глупость всё на свете испортить может.

КАК ГОРНЯК ПРОМЕНИЛ РАЙ НА ШАХТУ

Польская сказка

Ровно полвека трудился старый шахтёр в своей шахте. В шахту спускался, когда ещё темно было, из шахты поднимался, когда уже темно становилось. Так день за днём, год за годом. . . Вот и смерть за ним пришла.

— Идём, — говорит, — пора!

«Хорошо! — думает шахтёр. — Наконец-то отдохну!»

И не стал со смертью спорить. Быстренько собрался, взял свою трубочку, кiset с табаком и пустился в последнюю дальнюю дорогу.

Шагает по Млечному Пути. Кругом звёзды сверкают. Да не только над головой — и с боков, и снизу светят. А Млечный Путь всё в гору и в гору ведёт. Иному, непривычному, может, тяжело бы показалось. Но шахтёру — что? Он каждый день по ходкам с самого дна шахты на-гора выбирался. Если все разы сложить, куда выше неба получится.

Шагал, шагал шахтёр, трубочку на ходу покуривал. . . Так и добрался до райских ворот.

Ворота в рай крепко заперты. Но наш шахтёр не заробел, постучал в них трубочкой раз, другой. Залязгали ключи, заскрипели засовы, растворились ворота.

Встретил шахтёра седобородый старик — святой Пётр, райский ключник. Шахтёр его сразу признал.

— Пришёл, значит? — спросил Пётр.

— Выходит, пришёл, — отвечает шахтёр. — Пора и мне

отоспаться под райскими яблонями. Вот и ксендз на моей панихиде говорил, что за столько лет труда заслужил я вечный покой.

Сказал так, переступил порог и очутился в райских сених. Хотел было дальше идти, да Пётр ему дорогу заступил.

— Постой, куда лезешь с трубкой? В раю курить нельзя.

— Это что ж такое делается?! — возмутился шахтёр. — В шахте, всякому понятно, курить нельзя — как бы газ не взорвался. А тут с чего запрещают?

— Сам не знаю, — говорит Пётр, — а только не положено.

Поворчал шахтёр ещё для порядку малость, потом положил трубку у дверного косяка, кисетом прикрыл и отправился в рай.

Первым делом осмотрел всё кругом. Место хорошее. Всё тут какое-то голубое, ровно небо в ясный день, да розовое, будто ранняя зорька. Всюду цветы цветут, груши и яблони под тяжестью плодов так и гнутся — ешь не хочу! Ну, шахтёр с каждого дерева попробовал — вкусно! Потом улёгся на мягком облачке, поспал как следует.

Встал, погулял. Снова яблоко съел, грушей закусил. И опять спать улёгся — делать-то нечего, от безделья почему бы не поспать!

Сколько так времени прошло, не знает наш шахтёр. В вечности-то дни не считаны, часы не меряны!

И вот заскучал он. И голубое ему не в радость, и розовое опротивело. На груши да яблоки и смотреть не хочет.

А больше всего стосковались его руки по обушку, глаза — по тёмному штреку да блестящему угольку. И трубку отобрали, будь они все неладны!

Поскучал он ещё какое-то время и отправился к Петру-ключнику.

— Эй, Пётр, отвори-ка ворота! Домой, на землю хочу.

— Совсем ты спятил! — Пётр ему отвечает. — Слыханное ли это дело — из рая на землю проситься. И не выдумывай!

Что ты со святым упрямым сделаешь? .. Не пускает, да и всё! Плюнул шахтёр с досады, отошёл в сторонку.

Только не таков он был, чтобы так просто от своего отступить. Открывает же когда-нибудь Пётр ворота! Сторожил, сторожил и дождался.

Решил святой Пётр петли на райских воротах смазать, а то что-то слишком громко скрипеть стали, райскую тишину нарушают. Распахнул он ворота, тут наш шахтёр и выскочил из рая.

Пётр ему кричит:

— Вернись, пока не поздно! Потом не пущу.

— Мне и не надо! — шахтёр отвечает. — Мне в шахту охота.

— Ну, если так, будешь сидеть в своей шахте до скончания веков! Ни тебе на землю, ни тебе на небеса!

— Да уж лучше, чем в вашем раю. В шахте штреки да забои, в один сходишь, в другой... Крепёж проверишь, угольный пласт разведает. Всё при деле...

Повернулся и пошёл. Тут что-то шмякнуло его по затылку, а потом по уху стукнуло. Это святой Пётр-ключник ему вслед с досады запустил кисет и трубочку.

— Смотри-ка, — обрадовался шахтёр, — ведь чуть не забыл. Правда, в шахте курить не придётся, так хоть пустую пососёшь.

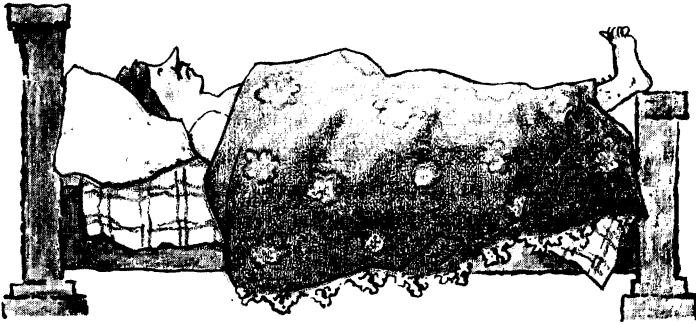
С тех пор живёт старый шахтёр в шахте. Бродит по заброшенным штрекам, смотрит — не просочился ли где газ, а перед обвалом сыплет мелкую породу, чтобы шахтёры услышали и вовремя ушли из забоя. Если разыщет новый богатый пласт, старается навести на него горняков.

А вот увидеть его редко кому удаётся. Не любит он людям показываться.

ПОДАРОК СТАРОГО ШТЕЙГЕРА

Польская сказка

Прозвище — не имя. Имя дают мать с отцом, когда ещё ничего про своего ненаглядного сыночка не знают, что за человек из него вырастет. А уж прозвищем люди награждают, когда видно, кто чего стоит. Как прилипнет меткое словечко, так его и не отдерёшь.

Вот, скажем, Ферду Маслока из Жабкова прозвали Пропадиработкой. И оказалось ему это прозвище впору, словно по мерке сшитое.

Жил Пропадиработка в шахтёрском посёлке и, как все мужчины этого посёлка, что ни день спускался в клетки глубоко под землю, где только и свету, что от шахтёрской лампы.

Спускаться-то он спускался. А вот чтобы кайлом долбить, уголёк в забое вырубать — этого он, сказать по правде, не любил. Бывало, у других забойщиков ещё только плечо разойдётся, рука размахнётся, а Пропадиработка уже присел на кучку угля отдохнуть.

— Эй, — окликают его товарищ — ты что дремлешь, работа стоит!

— Пропади работа, — отвечает Пропадиработка. — пропади она вся пропадом, хоть бы её и не бывало!

— Так зачем же ты за кайло держишься? — спрашивают его товарищи.

— Да жена ругается, когда на хлеб не заработаю, — говорит Пропадиработка. — Вот кабы на меня богатство свалилось, я бы, ясное дело, работать не стал. Лежал бы весь день на перине да под

периной и жевал рогалики с маслом, закусывал бы окороком, запивал бы сливянкой. Только нет у меня счастья!

Услыхал как-то его слова седоусый Сембол, самый старый шахтёр на шахте, и засмеялся.

— А ведь я тебе, Ферда Маслок, могу посоветовать, как такого счастья добиться.

Пропадиработка не поверил. Сембол дальше говорит:

— Надо тебе с хозяином горы, Старым Штейгером, повидаться.

— Со Старым Штейгером? А если он мне голову оторвёт?

— Ну, будешь без головы жить. Всё равно она тебе, вроде бы, ни к чему. Да шучу я, не оторвёт тебе Старый Штейгер голову.

И седоусый Сембол научил Пропадиработку, куда пойти и что сделать, чтобы со Старым Штейгером повидаться.

Пропадиработка не стал откладывать дело в долгий ящик. Навдвинул шахтёрскую шапку поглубже, чтобы породой не зашибло по дороге, и пошёл выработанными штреками, дальними горизонтами искать Старого Штейгера.

Где согнувшись в три погибели, где и вовсе ползком, добрался до завала. Давний завал — тут уж, верно, лет пятьдесят как весь уголь выбрали. Темно кругом. А тихо как! Только и слышно — старая крепь потрескивает. Треснет, и долго потом мелкие камушки осыпаются, тяжело ей, видно, такую толщу земли на себе держать. Страх берёт от такой тишины, будто один ты на свете. Сгинешь, и не узнает никто.

Однако зачем пришёл, то и делай. Собрался с духом Пропадиработка и свистнул. Прокатился свист, отдался эхом в дальних коридорах.

Тут — вот вы не поверите, а так оно и вправду было — расступилась стена, и вышел навстречу Пропадиработке сам Старый Штейгер. Весь в точности такой, как про него шахтёры рассказывают. Борода длинная, брови кустистые, мундир на нём штейгерский, на голове шахтёрская шапка, как положено. Словом, штейгер как штейгер, только глаза, будто каменный уголь на изломе. Блестят да лампа в руке красным огнём горит.

Подогнулись у Пропадиработки от страху ноги, он и сам не заметил, что уже на коленях стоит.

— Па-па-пан Старый Штейгер, — еле выговорил. — Не я это свистел — Сембол. Убежал он. Я, пан Старый Штейгер, побегу его догонять. . .

— Цыц! — гаркнул Старый Штейгер. — Не ври, а то так

кайлом огрею, что ты отсюда, из-под земли, небо увидишь и все звёзды пересчитаешь! Говори, зачем пришёл?

— Ох, ясный пан Старый Штейгер, мне бы денюжат. Самую малость.

— Хе, а для чего?

— Так ведь деньги... Можно не работать...

Усмехнулся Старый Штейгер.

— Хочешь на перине лежать, периной укрываться, рогаликами с маслом лакомиться?

— Так, пан Старый Штейгер. Истинная правда, всё угадали как есть.

— Значит, не хочешь работать?

— Не хочу, пан Штейгер.

— Ну, будь по-твоему! Дам я тебе, чего просишь. Только и ты держи слово. Не работать так не работать! Чтобы не смел и пальцем шевельнуть. Ни почесаться, ни муху прихлопнуть.

— Неужто и в носу поковырять нельзя? — ужаснулся Пропадиработка.

— Ладно уж. В носу ковыряй, — смилостивился Старый Штейгер. — А больше чтоб — ни-ни. Не то всё богатство разом пропадёт. Да, вот что, не найдётся ли у тебя табачку?

Пропадиработка заюлил:

— Как не найтись! Угощайтесь, ясный пан Старый Штейгер. — И вытащил из кармана большой кисет.

Известное дело, в шахте курить нельзя, взрыв может случиться. Так шахтёры жуют табачное зелье.

Старый Штейгер залез всей пятернёй в кисет да такую щепоть захватил — чуть не половину табака. Заложил за щёку и говорит Пропадиработке:

— Теперь убирайся, надоел ты мне.

И исчез, как не бывало.

«А деньги?» — хотел крикнуть Пропадиработка, но не посмел. Да и кому крикнешь? Один он у завала. Побрёл Пропадиработка назад. Бредёт, спотыкается и клянёт на все лады Старого Штейгера, Сембола, а заодно и себя самого.

— Обманщик этот Сембол! И я дурак, что послушался. А Штейгер-то, Штейгер! И не стыдно ему сквозь стены проходить, глазами, словно волку, светить, табак у добрых людей выманивать. Да хорошо бы немножко, а то вон сколько! На десяток бы жвачек хватило!

Пока Пропадиработка сам с собой бранился, донесли его ноги до своего штрека.

Смотрит — там уже смена кончилась. Шахтёры в клеть садятся. Поднялся с ними и Пропадиработка.

Чем ближе к дому, тем больше его досада разбирает. С досады и потянуло его табачку пожевать. Достал кисет, сунул туда руку не глядя и вытащил вместо табака золотой. Пальцам не поверил, глазам не поверил, себе не поверил. Встряхнул кисет — вправду бренчит золотым звоном. Не обманул ясный пан Старый Штейгер!

Бросился Пропадиработка к дому. Ещё с порога закричал:

— Эй, жёнка! Стазыйка! Теперь заживём! Смотри-ка: золото!

— О, Йезус Христе! — взвизгнула жена. — Сколько ж тут золотых монет?

— А я не считал.

— Так пересчитай скорей.

— Э, нет, деньги считать — это работа. А пан Старый Штейгер говорил...

И Пропадиработка рассказал жене, как всё было.

Стала жена сама считать деньги. Да только скоро бросила, потому что сколько вынет из кисета, столько в нём и прибавляется.

— Ах ты мой золотой Фердик! — захлопотала Стазыйка. — Уложу я тебя на взбитую перинку, перинкой укрою, а сама побегу в лавку. Что тебе купить, драгоценный ты мой муженёк? Может, хочешь рогаликов с маслом?

— Рогаликов! — закричал Пропадиработка из-под перины. — Да чтоб свеженьких, чтоб корочка хрустела.

Лежит Пропадиработка на перине целый день. Жуёт рогалики с маслом, запивает сливянкой. Жуёт окорок, запивает горелкой. Хорошо! Никогда ему так хорошо не бывало!

Жена вокруг него на цыпочках ходит, всё золотым Фердиком называет. А раньше у неё других слов для него не находилось, как лодырь да бездельник.

Вот и второй день лежит Ферда Маслок, в носу ковыряет. Всё бы ничего, только мухи досаждают стали. Да в животе бурчит. Не от голода — от сытости. Жена над ним чуть не плачет, она ему рогалики с маслом, она ему окорок, а он на них и глядеть не может. Обьелся вчера. Еле-еле уговорила его Стазыйка кусочек медовой коврижки съесть.

На третий день совсем заскучал Ферда. Вздыхает, ворочается в кровати. То ему жарко, то перья колют, то перина набок собьётся. Словом, не человек лежит, а куча бед.

Стазыйка по дому так и мечется. Прибралась, обед вариться поставила и затеяла полы мыть.

А Ферда Маслок глаз с неё не спускает, и такая разбирает его зависть, сил нет.

Сбросил он перину, вскочил.

— Давай, — просит, — я тебе хоть воды наношу.

Тут Стазыйка и показала, что она старые слова не насовсем из головы выкинула. Откашлялась и давай честить!

— Лодырь — он лодырь и есть. Работать ему, бездельнику, понадобилось! А того не соображает, что самая его главная работа — лежать, богатство беречь.

Хотел Ферда с досады в затылке поскрести. Но жена на него так грозно посмотрела, что он поскорей руку опустил. Насилу дождался, пока Стазыйка все дела справила и побежала в лавку приглядеть, чем бы мужа побаловать.

Мигом Пропадиработка сбросил перину, вскочил на ноги и вышел во двор свежим воздухом подышать.

«Дышать-то, — думает, — это не работа!»

А в соседнем дворе седоусый Сембол колот дрова. Подошёл Пропадиработка к заборчику, опёрся о него, смотрит.

Сембол взмахнёт топором, трахнет по полену, полено так надвое и рассядется. А Ферда в лад топору гекает:

— Гек! Гек!

«Гекать-то, — думает, — не работа. А всё душу отведёшь».

А тут вдруг заколодило у седоусого Сембола. Такая коряга сучковатая попалась! Уж он и по обуху другим поленом колотил, и со второго конца за неё принимался. Никак с ней не справиться.

Не вытерпел Пропадиработка. Перескочил через забор, отодвинул плечом старого Сембола.

— Дай-ка, — говорит, — я!

— Что ты, что ты, — уговаривает его Сембол, а сам усмеяется. — Богатство своё пожалей!

— Пропади оно пропадом, это богатство, — отвечает Пропадиработка.

Поплевал на ладони и взялся за топор. Вогнал топор в корягу поглубже, поднатужился, поднял её над головой, да как ухнет об землю: — Гек! — так и расселась коряга надвое.

— Ах ты окаянный! Ах ты дармоед! Ах ты дурень безголовый! Я тут ног не жалею, рук не покладая его обихаживаю, а он, лентяй, за топор схватился!

Надо же такому случиться — жена не вовремя вернулась.

Побежала Стазыйка в дом, схватила кисет — лёгкий! Она и заглядывать в него не стала. Опять во двор выскочила, ткнула под нос мужу кисет.

— Гляди, проклятый, что ты наделал!

Развязал Ферда Маслок кисет, заглянул в него и обрадовался.

— Табачок! Вот хорошо-то! — И заложил добрую щепоть за щёку. — Шахтёр без табака не шахтёр. Я ведь, Стазыйка, завтра на смену выхожу.

Заплакала Стазыйка, а потом подумала:

«А может, оно и к лучшему! У всех кругом мужья как мужья — шахтёры. У одной меня богач, на смех добрым людям».

С того дня Ферду Маслока не узнать. С утра до обеда уголь рубит — не остановится, не передохнёт. Перекусит наскоро — первым за кайло берётся. А своё потерянное богатство если и помянет, так только недобрым словом: пропади это богатство, пропади оно пропадом, хоть бы его и не было!

Получил теперь Ферда в посёлке новое прозвище: Пропади-богатка. И пришлось оно ему впору, словно по мерке сшитое.

ЗАГАДКИ ЗЕМЛЕКОПА

Словацкая сказка

Н анялся один бедняк канавы при дороге копать. День копает, два копает. А на третий случилось ли, нет ли, а только, верно, случилось.

Шёл по той дороге сам король. Может, просто гулял, может, спешил куда по своим королевским делам. Увидел король землекопа, остановился. Смотрит, любуется. Лопата будто сама в сильных руках ходит, канава с каждым взмахом будто сама собой глубже становится.

— Ловко же ты работаешь! — сказал король.

Тут землекоп распрямился и увидел короля.

— А это, твоё королевское величество, с какой стороны смотреть. С твоей ловко, с моей тяжко.

— Твоя правда, — согласился король. — И много ли тебе за такую работу платят?

— Опять с какой стороны смотреть. С твоей, верно, мало покажется, с моей, как ни крутись, а больше взять неоткуда. Получаю я в день три гроша. Это бы ещё ничего! Да я один грош трачу — долг плачу. Другой грош трачу — в долг даю. А уж третий мне достаётся.

— Да как же ты жить ухитряешься? — удивился король.

— А вот уж тут, как ни глянь — хоть с твоей стороны, хоть с моей, — один ответ выходит: плохо, твоё королевское величество!

— Зачем же ты тогда долги платишь и в долг даёшь?

— А как же иначе? Отец меня вырастил, я его, старенького,

кормлю — долг плачу. Сын у меня ещё невелик, ращу я его — в долг даю. А в старости я с него этот долг получу.

— Всё понял, — сказал король.

И хотел было дальше идти, да опять остановился.

— Слушай, добрый человек, есть у меня двенадцать министров-советников. Сколько я им плачу, ты меня не спрашивай, ты про такие деньги и не слыхивал. А они всё недовольны, прибавки просят. Так вот, загадаю я им твои загадки. Отгадают — прибавлю. Не отгадают — я их прибавку тебе отдам.

— Ладно, твоя королевская милость! — сказал землекоп.

— Только ты смотри помалкивай, пока меня самого в лицо не увидишь.

— Будь по-твоему, — ответил землекоп и взялся за лопату.

А король зашагал своей дорогой.

В тот же день созвал король своих министров-советников и так сказал:

— Вот что, господа советники, советов ваших я давно не слушаю, а денег вам плачу немало. Охота мне узнать, чего вы стóите. Дам я вам три загадки, что мне сегодня один достойный человек загадал. Зарабатывает тот человек в день три гроша. Один грош у него на уплату долга идёт. Ответьте мне: кому он тот долг платит? Вторая загадка: кому он второй грош в долг даёт? А третья загадка: как тот человек живёт? Есть у вас на всё про всё день да ночь. А завтра утром, умники мои, с ответом явитесь!

Переполошились министры-советники, однако виду не показали. Отправились в дальний зал королевские загадки разгадывать. Думали, думали, ничего не придумали. Вдруг один советник сказал:

— Видно, не всегда женщины пустое мелют. Нет-нет и дело скажут. Сегодня пилила меня жена. «Называешься ты советником, а скажи, когда в последний раз король у тебя совета спрашивал? А? Молчишь? Сам припомнить не можешь. Так вот знай, рано утром король с простым землекопом, что канавы вдоль дороги копает, битый час разговаривал. Видела это огородница, а сестра той огородницы моя служанка...» Ну, я вполуха слушал. Теперь прикидываю: не тот ли человек королю загадки загадывал?

Советники обрадовались: надо того землекопа расспросить. Пошли все двенадцать к землекопу.

— Ты с королём говорил?

— Говорил.

— Загадки ему загадывал?

— Загадывал.

— Ну, так говори скорей отгадки.

— Э, нет, господа хорошие! Это дело не пойдёт! — Отвернулся от советников и принялся лопатой махать. — Вы уж не сердитесь, — сказал, — мне свои три гроша зарабатывать надо.

Начали советники его уговаривать. И грозили ему, и сулили. Принесли ему мешок медных денег да мешок серебряных. Землекоп посмотрел на медные монеты, посмотрел на серебряные, головой покачал. Тогда один советник вытащил кошелек с золотыми монетами и протянул землекопу. Землекоп взял золотую монету, повертел в руках, остальные пересчитал да всё советникам и выложил, в точности повторил, что королю рассказывал.

Крепко спали всю ночь советники. Утром весёлые перед королём предстали.

— Думали мы, советовались и вот что надумали: долг платить — отца кормить, в долг давать — сына растить, так что велите казначею нам прибавку выдать.

— Ах вы бездельники! — закричал король. — Где вам самим додуматься! Видно, подкупили моего землекопа. Да и он хорош! Позвать его сюда! Я ему покажу!

Привели землекопа. А он стоит перед королём как ни в чём не бывало, будто и вины на нём нет.

Король на него напустился:

— Как ты смел наш уговор нарушить?!

— А я не нарушал, — землекоп отвечает. И вытащил из кошелька золотой. — Сам скажи, твоё королевское величество, чьё лицо на этой монете отчеканено?

— Моё, разумеется, — сказал король.

— Так чего ж ты сердисься? Пока твои советники мне двадцать пять раз твоё лицо не показали, я молчал. А увидел твоё лицо в двадцать пятый раз, всё им и рассказал.

Засмеялся король и говорит:

— Твоя взяла! Одно обидно, что из-за тебя я должен этим лодырям прибавку платить.

— Не беспокойся, твоя королевская милость, — отвечает землекоп. — Ничего ты им не должен платить. Хватило у них хитрости ко мне подъехать, да не хватило ума сообразить, что на третью загадку теперь ответ другой. Ведь я сейчас с их деньгами не плохо, а хорошо живу. А коли ты, твоё величество, мне ещё добавишь, я и вовсе как сыр в масле буду кататься.

Король и землекоп поглядели друг на друга и принялись хохотать. И чем больше они смеялись, тем больше у советников лица вытягивались.

Ж

ил на свете король: король как король — в золочёном кресле сидел, на голове корона. И было у него три дочери.

Все три красивы, да не одинаковой красой. Старшая пышна, как роза. Средняя горда и стройна, словно лилия. А младшая... Младшую только с фиалкой лесной и сравнишь. С фиалкой, что прячется в траве под листиком, свою красу от всех таит. Не всякий её приметит, а кто разглядит — вовек не забудет, станет она тому милее самых ярких садовых цветов.

Король, ясное дело, всех трёх дочерей любил. Двух старших — королевской любовью, а младшую — отцовской. Как взглянет на неё, так и тает у него сердце в груди, словно воск перед огнём.

Вот однажды гулял король с дочерьми по саду и спросил их:

— Скажите мне, каждая в свой черёд, как вы нас, своего отца, любите.

— Государь, — ответила старшая, — если на одну чашу весов положить мою любовь, а на другую — всё золото, что на свете есть, ни одна не перетянет. Люблю вас, как золото.

— Ну, что ж, — сказал король, — коли золото не перетянет, значит, крепко ты нас любишь.

— Государь, — заговорила средняя, — если собрать в одну грудку все драгоценные камни, блеск их сравнится с сиянием любви к вам в моём сердце. Люблю вас, как драгоценные камни.

— Вижу, дочь, что и ты нас дорого ценишь. А ты, моя маленькая голубка, что ответишь?

Помолчала младшая королева и так сказала:

— Как соль, я люблю вас, государь мой отец.

Нахмурился король.

— Подумай, дочка, опомнись! Что ты говоришь? Нас, короля, с простой солью равняешь...

Склонила королева голову и повторила:

— Люблю вас, государь мой отец, как соль. Потому что соль дороже золота и драгоценных камней.

Тут король сделался словно грозовая туча, что сейчас загремит громом. Так и случилось: заблестела в королевских очах молния, прогремел гневный голос:

— Вот тебе наше слово! Тогда тебя прощу, когда соль и вправду станет дороже золота и драгоценных камней. А такого никогда не будет! Иди прочь с моих глаз! Видеть тебя не хочу, знать тебя не желаю!

Тихонько заплакала королева и пошла из сада.

В коморке под лестницей разыскала она бедную служанку, что вечно золу выгребала да кастрюли чистила, и выпросила у неё старое платье. Не хотела, чтобы её по дорогому наряду узнали. Боялась опозорить отца, что родную дочь из дому выгнал.

Ушла королева из дворца, куда глаза глядят, куда ноги ведут.

А король велел отныне забыть, что была у него когда-то третья дочь, велел никогда её не помянуть ни словом, ни помыслом.

Королевский указ — приказ. Если кто и вспоминал о младшей королеве, то втихомолку, от людей таясь.

Скоро сосватал заморский королевич старшую дочь, что была пышна, как роза. И отдал король за неё в приданое почти всё золото из королевских кладовых. Так сказал:

— Любит она нас, словно золото, сама говорила. Пускай же в чужом королевстве ей золото о нас напоминает.

Забрала золото старшая дочь, уехала и думать об отце забыла.

Каждому цветку свой черёд. Не засиделась и средняя дочь, стройная и гордая, как лилия. За неё король дал в приданое почти все драгоценные камни из королевских кладовых.

— Пусть их блеск, — сказал, — напоминает ей о сиянии нашего лица.

Уехала и эта дочь в далёкое царство и до конца своих дней ни разу об отце не вспомнила.

Живёт король один в большом дворце. Нет при нём дочерей...

Да ведь была у него когда-то младшая, любимая дочка. Где она теперь? Что с ней?

А с младшей королевной вот что случилось. Обида и горе гонят её всё дальше и дальше. День идёт, ночь под стогом ночует. На рассвете опять в путь пускается. Так и забрела в густой лес на границе королевства, где ни тропок, ни дорожек нет. Совсем заблудилась, куда идти, не знает.

Вдруг из тёмной пуши, из лесной гущи вышла ей навстречу старушка. Вся сгорбленная, посохом подпирается, за спиной вязанка хвороста. Как ни устала королевна, сняла с её плеч вязанку, на свои плечи перекинула.

— Вижу, вижу, доброе у тебя сердце, девушка, — сказала старушка. — Да нет твоей доброты приюта. Идём ко мне.

Привела королевну в свою избушку. Стали вместе жить. Королевна ей ничего не рассказывает. Старушка девушку ни о чём не спрашивает. А дружно, ладно живут. Всея домашней работе королевна научилась: и очаг топит, и воду носит из ручья, и хлеб в жаркой печи печёт.

Вот однажды полоскала она бельё в озере. Тут послышался топот коня, и выехал из леса молодой охотник. На шапочке перо, в руке лук, у пояса в колчане стрелы, к седлу два зайца приторочены. А на кафтане королевские знаки нашиты.

Увидел охотник девушку, остановил коня. Смотрит, словно зачарованный, глаз с неё не сводит. Острые стрелы в его колчане любую дичь сразят, да сейчас ему не до охоты. Самого пронзила стрела, что острее всех стрел на свете. Любовью та стрела зовётся.

И девичье сердце та стрела пронзила. Зарделись стыдливым румянцем щёки у королевны, подхватила она бельё и бросилась бежать.

Прибежала к старушке, плачет и смеётся, слова не вымолвит.

— Знаю, знаю, — говорит старушка, — он в лесу часто охотится, в озере коня поит.

— Ну, так я больше к озеру не пойду, — отвечает королевна. — Ведь он королевич, а я бедная девушка.

Старушка головой покачала.

— Ничего ты мне не рассказывала, да мне слов и не нужно. Всё я ведаю, все твои тайны мне открыты. И ты, как он, королевского рода. Настанет пора вернуться тебе к отцу. Вернёшься, тогда и королевич твоим будет.

— Нельзя мне! Государь мой отец сказал, что меня дочерью признает, если соль станет дороже золота и драгоценных камней.

— Как он сказал, так и исполнится, — старушка ответила.

На следующее утро на ранней зорьке открыла королева глаза, смотрит — нет старушки, и посоха её нет. Значит, ушла куда-то. Ждёт, ждёт королева с утренней зари до вечерней, с вечерней до утренней, да опять до вечера, да опять до утра. . .

Не раз, не два приезжал королевич на берег озера и к избушке подъезжал. Только пряталась от него королева. За куст схоронится либо под елью притаится. Он уедет — она слёзы льёт.

А тем временем в королевстве её отца чудные дела творятся стали.

Прибежал к королю повар, докладывает:

— Ваше королевское величество, беда у нас случилась: растаяла вся соль, солить нечем.

— Что за беда! — пожал плечами король. — Соль растаяла — соли чем-нибудь другим.

— Эх, ваше королевское величество, её ничем не заменишь.

— Ну, не соли совсем!

Так и ушёл бедный повар на кухню.

Подали королевский обед. Король попробовал одно блюдо — есть не стал, попробовал второе — в сторону отодвинул.

Призвал повара и говорит:

— Где хочешь, соль достань! Хоть купи, хоть отними.

Повар отвечает:

— Ах, ваше королевское величество, во всём королевстве соли не осталось.

Делать нечего! День король поголодал, на второй без соли поел, на третий — на еду смотреть не хочет.

Созывает совет. Советуется, где соли раздобыть.

Советники головами качают. Плохи дела в королевстве, люди болеть начали, коровы молока не дают, у овец шерсть повылезла. Сулили за соль золото и драгоценные каменья, да никто не продаёт. Надо бы к морю обозы послать, где солевары соль варят. Да высадились там на берег войска, тьма-тьмушая — соседние короли меж собой войну затеяли. Ни пройти, ни проехать.

Скоро и сам король занемог. И вспомнил он свою младшую дочь.

«Дурень я, старый дурень! — сокрушается. — Ведь младшая дочка меня и впрямь больше всех любила. А я ничего не понял! Да как её вернуть? Где-то она теперь?»

А королева в лесной избушке тоже одна горюет, об отце вспоминает.

Просыпается как-то утром, видит — вернулась старушка. Хлопочет, что-то в мешочек насыпает.

— Здравствуй, бабушка, — обрадовалась королева.

Старушка отвечает:

— Здравствуй, моя красавица, и прощай! Иди к отцу. Всё как по писанному, как по сказанному сделалось. Дам я тебе соль в мешочке, дороже она теперь золота и самоцветов. И ещё возьми вот этот прутик. Когда повеет тебе в лицо тёплый ветер, пойдёшь ему навстречу. Пройдёшь три долины, три вершины, ударишь прутиком о землю, и расступится перед тобой земля. Там ты найдёшь своё приданое.

Жалко было королевне со старушкой расставаться. Однако заплакала, попрощалась и пошла.

Шла, шла и пришла ко дворцу своего отца, где она родилась, где выросла. Хотела во дворец войти, а стража её не пускает.

— Иди, — говорят, — прочь, девушка! Король болен, никого видеть не хочет.

Королева отвечает:

— Несу я королю такой подарок, что его сразу вылечит.

То ли поверила стража, то ли не поверила, а пропустила девушку.

Знакомыми лестницами, знакомыми переходами поднялась девушка в королевскую опочивальню и низко поклонилась королю. Хочется ей обнять отца, поцеловать ему руку, да не смеет.

Не узнал отец своей дочери.

— О чём пришла просить, девушка? — спрашивает.

— Прикажите принести кусок хлеба, ваше величество.

Хлопнул в ладони король, приказал принести ломоть хлеба.

Взяла девушка хлеб, круто посолила из своего мешочка и поднесла к устам. Король увидел соль, даже затрясся весь.

— Дай и мне кусочек, — просит.

Съел хлеб, круто посоленный, и на ноги вскочил.

— Вот теперь я здоров! До чего же вкусно! Чем тебя отблагодарить, девушка? Чего ты в дар хочешь?

— Хочу вашей любви, государь мой отец! Любите меня, как соль! Больше мне ничего не надо.

Тут король и узнал свою дочь, к груди прижал. Народовались они, наговорились.

А уж люди прослышали, что вернулась под отчий кров младшая королева, да ещё мешочек соли с собой принесла.

Потянулись люди ко дворцу. Королева никому не отказывает, хоть немножко соли, да даст.

Стал пустеть мешочек. Король чуть не плачет, дочку уговаривает:

— Что ты делаешь, неразумная! Как же мы сами без соли жить будем?!

— Как ваши подданные, так и мы проживём, — отвечает королева.

Только отдала королевская дочь последнюю шепотку, подул ей в лицо сильный тёплый ветер. Взяла королева прутик и пошла навстречу ветру за приданым, что старушка сулила.

Прошла три долины, взошла на три вершины и ударила прутиком о землю. С грохотом земля расступилась, скалы раздвинулись, и открылся перед ней ход в пещеру.

Смело королева туда вступила и тотчас зажмурилась. Блестят и искрятся стены пещеры, чертог за чертогом вглубь уходят. Ни в каком дворце такой красоты не увидишь! Дивные травы радугой переливаются, звенят тихонько. Цветы что драгоценные камни сверкают. Озирается королева и думает: то ли из стекла тут всё, то ли изо льда?

Вдруг слышит голос:

— Не изо льда, не из стекла всё тут, королева! Это соляное царство. Соль — твоё приданое!

Голос знакомый. Будто старушка с ней в бедной хижине разговаривает. А самой старушки не видать нигде.

— Рада я такому приданому, — вымолвила королева, — да жаль эту красу рушить.

Отвечает ей старушкин голос:

— Не бойся, королева, много чертогов в соляном дворце, вновь та краса возродится. Не иссякнет соль в подземном царстве.

Смолк голос. А королева сняла с головы платок, набрала в него соли и домой пустилась за три вершины, через три долины. Кого ни встретит, делится доброй вестью, рассказывает, как пройти к соляной пещере.

Ох, как обрадовался король! Позвал повара и велел закатить пир, какого никто не видывал.

Уж каких только яств повар не наготовил — и жареное, и пареное, и печёное, и варёное! Только на радостях пересолил малость все блюда, но гости не жаловались, каждый ел, сколько мог, да похваливал.

Гостей съехалось превеликое множество. И среди них — кто бы вы думали?! — тот самый молодой охотник, королевич из соседнего королевства.

Опустила королева ресницы, из-под ресниц лишь на него и

глядит. А он, как увидел королеву, словно окаменел. Весь вечер храбрости набирался и, когда начались танцы, подошёл к ней, сказал:

— Не бывает такой красоты дважды. А я поклясться готов, что не во сне вас в первый раз увидел. Откройте мне эту загадку, королева.

Королева лукаво усмехнулась.

— И я молодого охотника у озера не во сне видела!

Дальше и рассказывать нечего. Это про беды да горе долог рассказ. А про счастье что долго говорить! Счастье — оно счастье и есть. Всякому понятно.

Вышла королева замуж за королевича, как старушка обещала.

Отшумела свадьба. Говорит королева молодому мужу:

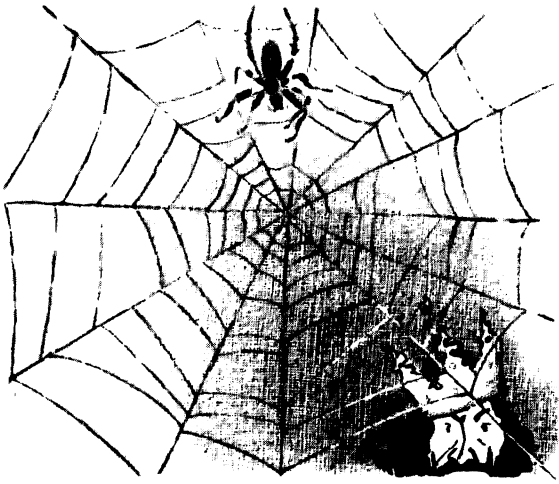
— Надо старушку навестить, что мне второй матерью стала. Если б не она, не встретились бы мы с тобой.

Поехали в дальний лес. Королева хорошо дорогу знала, да не нашла лесной избушки. Вдоль и поперёк весь лес обыскали — и следа избушки нет. И старушка куда-то пропала.

Верно, сделала волшебница своё доброе дело и навсегда ушла из этого леса.

РАЗБЕРИСЬ-КА, ЧТО К ЧЕМУ

Польская сказка

от послушайте, какая история приключилась. Когда — не знаем, в каких краях — не ведаем, а только так в точности и было, как мы вам расскажем. А вы уж сами прикиньте, что к чему.

Так вот, жил в своём княжестве вельможный князь. Не велико было его княжество, да и сам он росточком не вышел. Зато гордости в нём да спеси на десятерых бы хватило.

И всё он старался перехитрить самого себя и другим пыль в глаза пустить. Туфли носил на высоких золочёных каблуках, чтобы повыше казаться. Чтобы выглядеть поважнее, пышную длинную мантию с плеч не снимал. С княжеской короной расставался, только когда спать уляжется да свечу задует.

Нрава князь был крутого: чуть что не по нём — уже и разгневается. Придворные — те, ясное дело, угождать ему старались, да не всё на свете у него в подчинении находилось. Ну, он и сердился с утра до ночи и с ночи до утра. То солнце слишком ярко светит, то ночь темна — хоть глаз выколи. А уж тут ни мудрецы, ни придворные помочь не могли.

Вот надел он однажды новую мантию и отправился на прогулку в свой дворцовый сад. А княжеская мантия — не простая одежда: вся в складках да сборках, полы по земле волочатся, в ней и сидеть-то неудобно, не то что разгуливать. Зато кто ни взглянет, сразу поймёт: не простолюдин какой-нибудь перед ним — сам князь прохаживаться изволит.

Идёт князь по дорожке, посыпанной песочком, атлас на его мантии так и переливается, самоцветы в короне огнём горят. Доволен князь новым нарядом, а ещё больше — самим собой в новом наряде.

В конце сада стоял старый дуб — могучий ствол впятером не обхватить, подпёрто дерево толстыми корнями, что глубоко в землю вросли, корявые ветви во все стороны раскинулись.

Князь остановился перед дубом и сказал:

— Вот так дерево! Среди всех деревьев князь. Мне под стать.

Тут он разглядел в густой листве дуба золотистые жёлуди.

— Это ещё что такое?! — закричал князь и обернулся к придворным, которые следовали за ним на цыпочках.

Придворные, разумеется, знали, что это такое на дубе растёт, но на всякий случай кликнули старика садовника. Если князь изволит гневаться, пусть гневается на него.

— Чему же на дубе и расти, как не желудям, — сказал садовник, — жёлуди — это жёлуди, твоя ясновельможная светлость.

— Ты меня не учи! — топнул ногой князь. — Сам вижу, что жёлуди. А ты скажи, почему они маленькие? Разве пристало такому огромному дереву рождать такую мелочь? Изменить! Переделать. Пусть будут величиной с тыкву.

— Ничего у нас с тобой, пан князь, не выйдет, — покачал головой старик садовник. — Не в моих силах это сделать. А если бы и удалось такое, сам рассуди, разве удержится тыква на весу на тоненькой ножке? Тыква, ровно поросёнок, любит одним бочком на мягкой земле лежать, другой бочок солнышку подставлять, так что, твоя княжеская светлость, хоть гневайся, хоть не гневайся, а как растёт, так оно всё и будет расти.

— А я приказываю... — начал было князь.

Но тут с ветки дуба заверещала сорока, а с другой ветки ворона каркнула.

Князю показалось, будто они над ним смеются.

— Разогнать сейчас же! — закричал он и, позабыв о своём величии, путаясь в мантии, побежал назад к замку.

И надо же такому случиться, чтоб сверху на тонкой паутинке прямо на щёку князю спустился паучок.

— Истребить! — взвизгнул князь. — Всех до одного! Во всём княжестве! — И побежал дальше.

Но тут кто-то предерзкий схватил его за мантию. Князь даже задохнулся от гнева.

— Кто? Что? Кто смеет?

А это был обыкновенный куст роз. Мантия у князя на бегу так и развевалась, и немудрено, что край её зацепился за острые шипы.

Старик садовник спокойно подошёл к кусту и освободил полу мантии.

Князь, не помня себя от гнева, кричал во весь голос:

— Вырубить! Выкорчевать! Сжечь!

Тут подскочили придворные и вырвали с корнем чудесный куст, весь усеянный цветущими розами.

Красный от злости вернулся князь в свой дворец.

Едва он ступил в зал, как ему доложили: из соседнего княжества прибыл гонец с дружеским приветом и подарками.

— Позвать! — велел князь.

Вошёл гонец, а за ним слуга с большим ларцом.

Князь очень любил подарки. Он сразу успокоился и приказал открыть ларец.

И что бы, вы думали, было в этом ларце? Розы. Да такой невиданной красоты, что все придворные тихо ахнули. Верно, садовник соседа немало потрудился, чтобы вывести такое диво. Только не ко времени пришёлся подарок. А тут ещё, как на грех, из середины букета полез по листочку длинноногий паучишка.

Князь, увидев розы и паучка, весь затрясся.

— Никому не позволю издеваться надо мной! . .

— Ваша светлость, — залепетал растерянный гонец, — эти розы мой ясновельможный князь послал вам с самыми дружескими чувствами. . .

— Какая дружба?! Война! Объявляю твоему князю войну! И немедленно! С сегодняшнего дня, с этой минуты!

Собрал князь войско, какое нашлось под рукой, вскочил на коня и отправился войной на соседа.

Но не было ему счастья в этом походе. В первом же сражении войско его было разбито. Солдаты разбежались, и сам князь должен был спасаться бегством.

Один-одинёшенек, без свиты, без телохранителей, он гнал своего коня по полю. А за ним, звеня саблями, неслась погоня. Негде укрыться, негде спрятаться. Не миновать князю позорного плена!

Но вот впереди завиднелся лес. Князь доскакал до леса, спрыгнул с коня и пустился петлять меж деревьев и кустов, словно заяц, за которым гонятся собаки. Только у зайца ноги бегать привыкли, а наш князь сроду не бегал. Устал он, запыхался.

Добежал князь до ручейка, что журчал у корней дуба, напился студёной воды и прислушался: тихо кругом — видно, отстала погоня.

Прилѣг он передожнуть малость. Хорошо, оказывается, на зелёном мху лежать, мягко, и солнышко славно пригревает. Князь и не заметил, как уснул.

Спал он недолго. Разбудила его сорока. Уселась на сучок, верещит во всю глотку. Вскочил князь. И вовремя! По всему лесу перекликаются голоса вражеских солдат — верно, его ищут.

Опять надо бежать, где-то прятаться. Спасибо, сорока предупредила!

Тут с дуба сорвался жёлудь и стукнул князя по носу. Мотнул князь головой — и досадно ему и смешно.

«Хорош бы я был, если б этот жёлудь оказался с тыкву величиной!»

А голоса всё ближе. Снова бежит князь. Добежал до зарослей шиповника. Колючие ветки переплелись друг с другом, а в самой гущине что-то чернеет. Пригляделся князь — яма. Или брошенная нора какого-то зверя.

«Вот где спрячусь!» — подумал князь и полез на карачках прямо через колючки.

Руки ободрал, всё лицо в царапинах, а добрался-таки до норы. Хорошая нора, глубокая. Тесновато, правда, да это и к лучшему. Затаился князь, лежит, не шелохнётся.

Вдруг вылез откуда-то большой пузатый паук. Князя так и передёрнуло. А паук делом занялся: плетёт и плетёт свою сеть... Весь вход в нору заплёл.

Только кончил работу паук и засел в самой середине паутины в ожидании добычи, как вот она, погоня, тут как тут.

— Да не провалился же он сквозь землю! — говорит один солдат.

— Сквозь землю-то, ясное дело, не провалился, — второй отвечает. — А вот там среди шиповника вроде нора чернеется. Не заполз ли он туда?

— А ты сам слазай да посмотри, если колючек не боишься, — засмеялся первый.

Князь так и похолодел. «Конец мне!» — подумал.

— Чурки вы с пуговицами вместо глаз! — раздался третий голос. — Филины слепые. Не видите, что ли: весь вход в нору паутиной заткан. Сквозь эту паутину муха не пролетит, не то что князь. Пошли дальше!

Посмеялись солдаты, зашагали в другую сторону.

Князь лежит, вздохнуть боится — вдруг передумают, назад по вернут.

Вот и солнце зашло, смеркаться начало.

«Хоть бы ночь потемнее выдалась!» — просит князь.

Дождался ночи, полез из ямы. Осторожно лезет, чтобы не раздавить паука. Ведь тот его спас, от беды уберёг.

Крадётся князь по лесу, засады остерегается. Да, видно, надоело солдатам за ним гоняться. Пусто, тихо в лесу.

Выбрался из лесу, перешёл поле, оказался в своём княжестве.

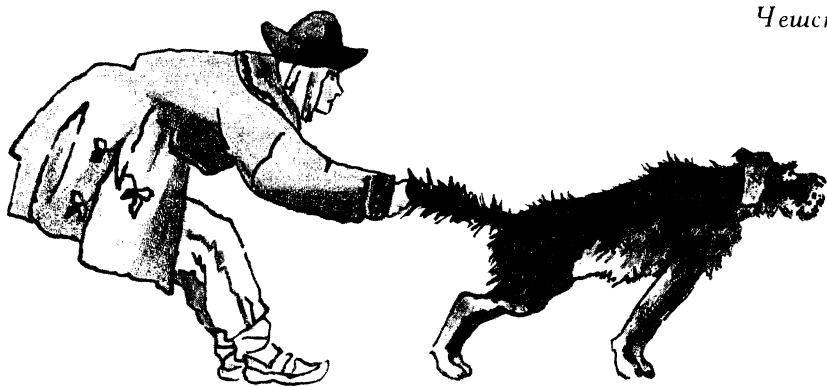
С той поры князя не узнать стало. Всё ему ладно: и солнышко мило, и темень в радость. Даже паутину не велит слугам сметать по углам. И старик садовник доволен. Весь сад розовыми кустами засадил, очень уж он любил розы. Пришлось князю перед прогулками мантию дома оставлять.

Ну, а с войной как же? С соседом? Помирились они. Князя — известное дело — тут тебе и поссорятся, тут тебе и помирятся. Живут по-добрососедски. Друг другу в подарок букеты роз посылают.

КАК КУБА БУРГОМИСТРОМ СТАЛ

Чешская сказка

Глупец он и есть глупец. Что ни скажет, что ни сделает — любовью только руками разведёт да головой покачает: кто умом обделён, с того и взять нечего!

Но бывает и так — прослывет парень среди людей дураком, в дураках и ходит. А на деле-то умней всякого умника. Только не будем вперёд забежать. Лучше послушайте историю про Кубу, историю, что случилась когда-то в нашем городе.

Если с самого начала начинать, звался он ещё не Куба, а Кубичек. Был он сыном бедной вдовы, что жила ни в городе, ни в деревне — в старом домике неподалёку от городской стены. Лет с семи Кубичек пас двух коз и корову, больше у них ничего не было. А мать сбивала масло и носила в город продавать. Пахтанье — упаси бог! — не выливали. Кусок хлеба да кружка пахтанья — вот тебе и завтрак. Того же хлеба в пахтанье крошишь — вот тебе и обед. Еда незатейливая. Да нашему пареньку она впрок шла. Рос он, подрастал. Был Кубичек — стал Куба.

Говорит однажды мать:

— Ты вырос, а я постарела, хвоя сделалась. Тяжело мне масло на продажу носить.

— Ну что ж, мама, давайте я понесу.

— Ох, сынок, никогда ты в городе не бывал, ничего там не знаешь. Обманут тебя!

— Посмотрим, кто кого обманет! — сказал Куба.

Наутро стали Кубу в город снаряжать. Мать нарвала в ого-

родишке листьев хрена, завернула в них масло, чтоб не таяло, и положила в холщовую торбу. Куба вырядился в праздничный отцовский кафтан, вырезал себе еловую палку, повесил на неё торбу и отправился.

Подошёл к городским воротам, смотрит — дома высокие, в три этажа, народу много, и едут, и идут. . . У самых ворот нищий сидит, руку протянул. Плетётся мимо старушка, приостановилась, бросила монетку нищему.

Куба думает:

«Говорила мать на базар идти. Да где он, не знаю и знать не хочу. Если тут даром денежки дают, так уж за масло-то я ох сколько получу!»

Сел недалеко от нищего, расстелил на земле торбу, на торбу положил листья хрена, на них масло.

Проходят горожане, смеются.

— Это что за чучело в длинном кафтане? — один говорит.

— Верно, в огороде надоело торчать, — другой отвечает.

Куба будто не слышит.

Прошли горожане, нищий за насмешки принялся, зубы скалит.

— Смазал бы ты своим маслом городские ворота, чтобы не скрипели. Всё равно покупателей не дождёшься.

Куба всё отмалчивается.

Вдруг, откуда ни возьмись, прибежал тощий пёс. Стал против Кубы и хвостом вертит. А хвост длинный да кривой, что твоя сабля.

Смешно Кубе стало. Целый день почти прождал и вот кого дождался. Он и говорит псу:

— Уж не хотите ли вы, господин, масло купить? Я дорого не прошу и дёшево не отдам.

Пёс как прыгнет! Схватил масло в зубы и был таков.

Куба только в затылке почесал.

Вернулся домой уже совсем к вечеру. Мать спрашивает:

— Ну, сынок, продал масло?

— А как же, мама, продал. Такому хорошему господину — кафтан чёрный, штаны серые, да такая привычка у него чудная — всё саблей вертит.

— Вот и ладно. Давай деньги.

— А деньги, мама, он мне в другой раз отдаст.

Заплакала мать.

— Так и знала, что обманут тебя, Кубичек мой, бедняжка. Поплакала да и успокоилась.

Через сколько-то дней опять снаряжает Кубу в город и наказывает:

— Смотри, никому в долг не верь!

Куба снова только до городских ворот дошёл и там уселся. Едва товар разложил, тот самый покупатель заявился.

— А, — говорит Куба, — верно, должок принёс?!

— Пёс — за масло, Куба — за свою еловую палку. Завизжал пёс, бросил масло — и наутёк. Куба — за ним, палкой его охаживает.

— Я тебе покажу, собачий сын, почём масло!

Забился пёс в густой кустарник. Совсем бы убежал, да Куба успел схватить его за хвост. Пёс вырывается, когтями землю скребёт, Куба его за хвост тащит.

Вдруг зазвенело что-то, одна золотая монета выкатилась, другая. Пёс визжит, скребёт лапами. И что бы вы думали — выгреб из земли под кустами глиняный горшок, полный золота. Сколько он там пролежал, кто его туда закопал — пёс не знал, Куба не знал, и мы не знаем, а врать не хотим.

— Ага, выплатил-таки должок! — сказал Куба псу. — Да ещё с лихвой. Теперь ступай куда хочешь.

И отпустил хвост.

Пёс — дёру, а Куба, конечно, горшок с золотом под кафтан спрятал и повернул к воротам. Смотрит — торба лежит, а масла нет. И нищий куда-то подевался.

«Что ж, — подумал Куба, — пусть и он маслицем полакомится».

Довольный вернулся Куба домой.

— Ну, мама, говорил я вам, что получу долг. Тот господин с саблей ещё раз приходил. Поспорили мы с ним немножко, он со мной честь по чести и расплатился.

Принялись мать с сыном считать деньги. Мать до ста умела считать, а Куба только до десяти. Считали, пересчитывали, совсем запутались.

Куба и говорит:

— Чем считать, давай лучше купим в городе хорошую усадьбу, с садом да с огородом.

Как решили, так и сделали.

Живут припеваючи, едят каждый день досыта.

А по городу сплетни да слухи пошли. Откуда такое богатство? Вдова, мол, обворовала кого-то. Только кого? Нигде ничего не пропало. Видно, не она украла, а Куба ограбил. Только и ограбленного не сыскали. А может... Не к ночи будь сказано...

Дошли те разговоры и до магистрата.

Вот однажды приходит солдат.

— Так и так, вдова Анна, бывшая супруга покойного Яна, требует вас вместе с сыном Якубом наш славный магистрат. Явитесь незамедлительно!

Затряслась от страха вдова Анна. Чего боится, сама не знает. Только и правда, от начальства добра не жди. Поплелись Анна с сыном в ратушу.

В зале заседаний в пышном кресле сидит сам бургомистр, по сторонам — два советника, сбоку пристроился писарь, а солдат у двери на часах стал.

Откашлялся бургомистр и важно заговорил:

— Поскольку нам доверено блюсти порядок и карать зло, и поскольку известно нам, что вы купили усадьбу с садом и огородом, а также дом под черепичной крышей с хлевом, чердаком и подвалом, и поскольку вы расплатились наличными, и не какими-нибудь медяками, а талерами один в один, и поскольку всякий знает, что покойный супруг Ян оставил вам в наследство ломаную ложку да дырявую плошку, а больше ни шиша не оставил, постольку мы спрашиваем вас, вдова Анна, каким путём, честным или нечестным, приобретены вами вышеупомянутые и нижеозначенные талеры.

Ничего Анна из бургомистровой речи не поняла. Только взяла её обида за покойного мужа Яна.

— Как же так, господин бургомистр, ломаную ложку да дырявую плошку?! Две козы он оставил, корову с белой звёздочкой на лбу. Корова даёт полный подойник, а козы хоть и поменьше, да молоко у них жирнее. И масло из того молочка выходит. . .

— Ну, хватит! — махнул рукой бургомистр. — Пускай ваш сын Якуб объяснит.

Наш Куба и глазом не моргнул. Стал рассказывать славному магистрату про господина с саблей, про должок за масло. . .

— Постой, постой, какой господин с саблей? Мы всех у нас в городе наперечёт знаем, в лицо и по имени.

— А такой, — отвечает Куба, — кафтан чёрный, штаны серые, зубы острые да лапы с когтями.

— Лапы с когтями! — вскричал в ужасе бургомистр. — Не иначе как ты с нечистой силой спутался, Якуб, сын Яна и Анны?!

— Да уж чистым его не назовёшь, — отозвался Куба, — вся шерсть у него грязными клочьями свалаялась.

— Позор нашему городу! — закричали разом советники. —
Никогда у нас такого не бывало!

А бургомистр сказал:

— Поскольку Якуб сам сознался, что талеры получены от нечистого, постольку он заслуживает казни. В добрые старые времена мы без дальних слов сожгли бы его на костре, а нечестивое богатство обратили бы на благое дело, разделив его меж собой соответственно положению и чинам. Но поскольку добрые старые времена прошли, и поскольку Куба молод и ещё может раскаяться, постольку мы подвергнем его испытанию водой. Ежели он потонет, будем считать его невиновным; ежели всплывёт, значит, вина его доказана — и придётся отрубить ему голову.

— А нашу усадьбу вы, ясное дело, меж собой поделите?.. — сказал Куба.

— А как бы ты поступил, будь ты бургомистром? — ответил бургомистр.

— И не уговаривайте! — покачал головой Куба. — Нет моего согласия бургомистром быть.

— Ну, это ты врёшь! — воскликнул первый советник. — Бургомистром всякий хочет стать!

На том совет магистрата и кончился. Солдата послали в соседний город за палачом, потому что наш город был невелик и своего палача не держал. А Кубу пока что посадили в большой кожаный мешок, завязали покрепче и отнесли на плотину к омуту. Так вернее будет, из мешка не убежит.

А через ту плотину вела дорога из соседнего города в наш город. И ранним утром из того города в наш город шёл палач. Увидел мешок и спрашивает:

— Тебя, что ли, казнить надо?

— Кого ж ещё? — отзывается Куба из мешка.

— А за что тебя?

— Да не хочу бургомистром быть, — отвечает Куба. — Мне это ни к чему.

У палача глаза разгорелись.

— А ежели б я, к примеру, в мешок залез? Стал бы я бургомистром?

— Стал бы, конечно. Только я тебе место в мешке не уступлю. Неохота вылезать.

— Уступи, — просит палач. — Я тебе кошелёк с золотом дам!

— Эх, — сказал Куба. — Была не была, развязывай мешок.

Залез палач в мешок, Куба завязал его покрепче, кошелёк с золотом за пазуху сунул — и домой.

Скоро собрались на плотине горожане, весь магистрат явился. А палач из мешка кричит:

— Выпускайте скорее! Согласен я бургомистром быть!

Горожане смеются. Бургомистр от гнева, что твоя свёкла, красным сделался.

— Он ещё издевается!.. Не будем ждать палача. Сами столкнём его в воду.

И столкнули.

Булькнула вода, и ушёл мешок на дно.

Стали расходиться горожане. Меж собой толкуют:

— Значит, не виновен был Куба, раз утонул. Жалко парня.

Один бургомистр да советники не жалели Кубу, а довольные отправились в ратушу заседать. Только к ратуше подошли, видят — идёт по улице Куба, во весь рот улыбается.

У бургомистра так ноги и подкосились, ведь он сам его в воду столкнул.

А Куба поклонился магистрату и сказал:

— Спасибо, господа славный магистрат. Сам бы я нипочём не догадался в омут нырнуть. А нырять, право слово, стоило. Вот, смотрите!

Тут Куба вытащил из-за пазухи кошель с монетами, что палач ему дал, и подбросил на ладони. По всей улице золотой звон раздался.

— Где, где, ты говоришь, это золото раздобыл? — воскликнул бургомистр.

— Да на дне же, ваша милость. Там его ещё много осталось. Думаю завтра с утра опять нырнуть.

Позвенел золотыми и дальше зашагал.

Бургомистр заседать в этот день не стал, вернулся домой мрачнее тучи. Жена к нему с расспросами, а он её только буркнул:

— Отстань, женщина, государственная тайна!..

А сам об одном думает, как Кубу опередить. Ведь перетаскает, проклятый, весь клад. Надо бы самому нырнуть, да боязно: вода холодная.

До полуночи промаялся бургомистр, потом решился, пошёл на плотину. Подходит, слышит голоса:

— Отойти! — кричит один. — Я первый советник, мне и прыгать первому.

— С какой это радости? — кричит другой советник. — Я раньше пришёл.

Тут бургомистр всех растолкал и, не раздумывая долго, прыгнул в воду. Плюх, буль — и пошёл на дно.

За ним, словно лягушки, поскакали оба советника. Только круги по воде разбежались. Потом из кустов магистратский писарь вылез. Подумал самую малость и туда же плюхнулся.

В одну ночь не стало у города славного магистрата.

Горожане так и не узнали, куда они все разом подевались. Один Куба догадывался, да помалкивал.

Городу без бургомистра быть не положено. Посоветовались горожане и выбрали бургомистром Кубу.

И правильно сделали. Он ведь если и не умнее всех был, так уж хитрее — наверняка.

КОВАНЫЙ СУНДУК

Чешская сказка

Авным-давно это случилось. Верно, лет триста тому назад. Может, побольше, может, поменьше. Ехал лесом богач, торопился дотемна в Прагу попасть. А откуда ехал, неизвестно. Мало ли у богачей дел. Мы ведь с вами не богачи, нам и любопытствовать ни к чему.

Доехал до развилки, велел кучеру остановить лошадей. Дорогу знают плохо, а спросить не у кого. Кучер говорит: вправо надо сворачивать. Богач говорит — влево. Ну и свернули, куда хозяин сказал.

Едут, едут, а уже темнеет. Из-под елей сумрак ползёт, укрыл все тропки и дороги. Заблудились они, словом.

И вдруг невдалеке меж деревьев синий огонёк мелькнул. Стали кони, храпят, фыркают, ушами прядут. А синий огонёк всё разгорается, красным сделался, потом жёлтым. Такое сияние пошло, что глазам больно. Кони дышло выворачивают, на дыбы поднимаются.

Кучер говорит:

— Не сдержат мне коней!

Богач отвечает:

— Завяжи им глаза. Сам зажмурься. А я пойду посмотрю, что там такое.

Идёт, за кустами, за стволами хоронится. Наконец вышел на полянку.

И что же он увидел?! На той полянке большой камень стоит. У камня — хочешь верь, хочешь не верь! — сундук с откинутой

крышкой. Рядом с сундуком куча золота. От неё на пол-леса сияние разливается. Два карлика с мохнатыми бровями, с седыми бородами золотые монеты считают и кидают в сундук.

Много золота богач имел, а такое богатство только во сне могло присниться.

Богач дыхание затаил. Со звоном падают монеты на дно сундука, а для него тот звон слаще музыки.

Не вытерпел богач, воскликнул:

— Кому же это столько золота?

Карлики вздрогнули. Разом померк золотой блеск, будто растаяла груда монет. А один карлик вскочил в сундук, захлопнул за собой крышку и вместе с сундуком сквозь землю провалился. Только и успел крикнуть:

— Не тебе это золото!

А второй карлик поймал светлячка и стал кругом землю осматривать. Светлячком водит, словно фонариком.

И вот упал лучик на три монеты, что в сторону откатились.

Богач подскочил к ним и руку протянул, чтоб их схватить. Но карлик ударил его по руке:

— Сказано, не тебе золото!

— А кому же?

— Наследнику!

— Кто же такое наследство оставляет?

— Тот, кто нашёл, да не увидел.

Ничего богач не понял, дальше выпытывает:

— А наследник кто?

— Муж твоей дочери.

— Какой муж? Ведь она ещё маленькая.

— Маленькие вырастают, — сказал карлик.

— Назови хоть имя жениха, — просит богач.

Карлик головой покачал:

— Не смею!

— Ну хоть приметы скажи! Вдруг ошибусь, не за того дочку выдам.

В ответ карлик только плечами пожал.

А богач всё торгуется:

— Так отдай мне хоть эти три монеты, что на земле валяются.

— Что ты! Что ты! — замахал руками карлик. — Никак нельзя. Разве вот что... Могу обменяться. Ты мне своих три дуката дашь, а я тебе отдам эти.

Так и сделали.

Пока богач с земли монеты подбирал, исчез и второй карлик.

Вернулся богач к своей коляске. Лошади успокоились, можно бы и дальше ехать. А богач велит до утра ждать. Хочет место вызнать и дорогу запомнить.

Наконец рассвело. Богач осмотрелся кругом, чтобы каждый камешек, каждое деревцо в памяти сберечь. Только тогда они в обратный путь пустились.

Скоро выбрались на широкую дорогу и к полудню в Прагу прибыли.

Идёт время, день за днём, неделя за неделей, месяц за месяцем... Богач всё покоя не знает: невтерпёж ему выведать, кому клад достанется. Вот и надумал. Взял одну из трёх заветных монет и ранним утром выбросил из окна на мостовую. Сел у окошка, ждёт.

Удивительное дело! Шумная улица под окном, ездят и ходят люди, и хоть бы кто-нибудь золотой под ногами увидел.

Целый день прошёл, скоро вечер наступит. Богач уже собрался идти на улицу, свой дукат подобрать. Но тут, откуда ни возьмись, прибежал оборванный мальчишка, схватил монету и удрал. Богач и охнуть не успел.

— Ну, первый раз не в счёт! — сказал он себе. — Жалко дуката, да ведь иначе не узнаешь.

На следующее утро вторую монету бросил.

И снова весь день дукат на улице пролежал, а к вечеру прибежал тот же мальчишка — да прямо к монете. Сунул её себе в карман и был таков.

— Неужели я за такого голодранца дочь отдам? — горюет богач. — Попытаю судьбу в третий раз.

Теперь богач не у окна сел, а под воротами притаившись сторожил.

Только мальчишка показался, богач ему наперерез бросился. Мальчишка за монету, а богач его за руку.

— Стой! — говорит. — Откуда ты узнал про монеты?

Мальчишка отвечает:

— От карлика. Третью ночь во сне ко мне карлик приходит, велит монеты подобрать. Я думал, они ничьи, но, если они ваши, я вам два дуката сразу отдам, а третий потом, когда заработаю. Я на него матери лекарство купил.

«Значит, и правда, он наследник!» — подумал богач и сказал:

— Ну, идём в дом.

Велел слугам еды подать. Мальчишка за обе щёки уплетает, а богач его спрашивает: что, как и откуда?

И вот что мальчишка рассказал.

Жили они раньше хоть и не богато, а в достатке. Был у отца редкий дар да три заветных палочки-развилки — ореховая, берёзовая и дубовая. Умел он угадывать, где под землёй вода струится, где руда прячется. Тем на жизнь и зарабатывал. Возьмёт палочку-развилку и ходит. Наклонится ветка к земле, тут и надо колодезь рыть. И на руду ветки указывали. Только рано отец болеть стал, начал слепнуть. Уже полуслепой, заблудился как-то в лесу, еле назад выбрался. С той поры слёг и больше не поднялся. А перед смертью всё про какой-то клад говорил. Верно, в беспамятстве...

Слушает богач, и дух у него замирает: он это, точно он, жених дочкин! И дальше слушает.

Умер отец, когда мальчику было семь лет. С тех пор обнищали они совсем. Мать по людям бельё стирала, пока не заболела. Тогда мальчик пошёл в ученики к кузнецу. Так подмастерьем и работает.

«Ну, — решил богач, — моей дочери кузнец не нужен».

Пошёл богач к бедной вдове. Так с ней уговорился: он ей помогать будет, а мальчика к себе возьмёт, купеческому делу обучит.

Горько матери с сыном расставаться, но подумала она и согласилась. В материнском сердце больше заботы о сыновьем счастье, чем о своём.

Смышлёным мальчишка оказался. Всякое разумное слово на лету ловил. И в торговле и в науке всё превзошёл. Скоро стал богачу первым помощником.

Вот уже пять лет прошло. Расцвела дочка богача, словно цветок в саду. Семнадцать лет ей исполнилось. И мальчику вот-вот двадцать лет сравняется.

«Пора, — думает богач, — свадьбу играть!»

Зачем дело откладывать? Как решил, так и сделал. Сыграли свадьбу.

На следующий же день приказал богач запрягать лошадей и повёз молодого зятя в тот лес, на ту самую поляну.

Приехали под вечер. Кучеру велели подальше отъехать, сели у корней дуба, ждут. Старик богач знает, чего ждёт, а молодой зять ведать не ведаёт, дивится стариковской причуде.

Темна полянка, тихо кругом, ни звука, ни шороха. Луна из-за туч выглянула, потом опять спряталась. Вот уже и рассвет близко. Птицы в кустах завозились, роса на траву пала. Перемерзли оба, промокли.

«Неужто обманули проклятые карлики?!»

Смотрит богач, уже и солнце встаёт. Ждать больше нечего! Сел вместе с зятем в коляску, и поехали они назад в Прагу.

С той ночи будто подменили богача. На всех злится, всё ему не так. А больше всех зятю достаётся. Совсем ему жизни не стало. С утра до вечера одни попреки слышит. И до того дошло, что придрался богач к какому-то пустяку и выгнал зятя из дому. Да ещё крикнул вслед:

— Чтобы и ноги твоей на моём пороге не было, нищенское отродье!

Тут дочь отцу сказала:

— Ты моего мужа выгнал, и я за ним пойду, как нитка за иголкой. Хороший или плохой, бедный или богатый, но он мой муж любимый. Обещалась я делить с ним горе и радость и своё слово сдержу.

Как ни просил богач, ушла дочка из дому, не бросила мужа. Остался богач со своим богатством один-одинёшенек.

Молодые поселились в ветхой лачуге на окраине города. В старом сарае поставил муж горн да наковальню, стал тем ремеслом на хлеб зарабатывать, которому раньше обучался. Жили в нужде, да в радости, в заботах, да в согласии. И старушку, мать мужа, к себе взяли.

Вот стоит как-то кузнец на пороге своей кузницы, ждёт, поглядывает, не приведёт ли кто лошадь подковать.

Вдруг подъезжает телега, на телеге сундук кованый, на сундуке сидит старичок. Сам маленький, а борода длинная.

Слез старичок, снял сундук с телеги и, ни слова не говоря, в кузницу внёс.

Кузнец смотрит, что дальше будет. А старичок говорит:

— Вот, мастер, покажи своё уменье. Открой этот сундук. Ключ от него потерян, а замок с секретом. Откроешь — не пожалеешь! Я пока в город съезжу, у меня там дела.

— Сам-то ты откуда? — спрашивает кузнец.

— Из селения Круглая Поляна, с улицы Еловой.

— Не знаю я такого селения, — сказал кузнец.

— А тебе до срока и знать не надо, — отвечает старичок.

Сел на телегу и уехал.

Хотел кузнец сундук повернуть передом к свету, чтобы разглядеть замок получше, да куда там — его и с места не стронуть.

— Как же это старичок такую тяжесть, будто пуховую подушку, поднимал?! — удивился кузнец.

Только взялся за крышку, она сама откинулась. А в сундуке-то, в сундуке... Полно золотых монет, и такой от них блеск, что в кузнице светло стало. Кузнец даже испугался. Захлопнул скорей крышку и принялся ждать, пока старичок вернётся.

Прождал до вечера — нет старичка. Неделю прождал, месяц — ни слуху, ни духу.

«Надо самому старичка искать! — думает кузнец. — Он, верно, и не знал, какое в сундуке богатство лежит».

Выпросил у соседа лошадь с телегой и отправился искать Еловую улицу в селении Круглая Поляна. У кого ни спросит, никто про такую улицу не знает, про такое селение не слыхивал.

Все сёла в окрестностях понапрасну объездил, ни одного хутора не миновал — не нашёл улицы Еловой и селения Круглая Поляна не нашёл.

Делать нечего.

Повернул обратно.

Едет лесом. Уже и ночь наступает. Доехал до развилки, надо на Прагу вправо сворачивать. А лошадь влево берёт, вожжей не слушает. Кузнец её уговаривает, а она как повернула, так и тащит телегу по левой дороге.

Уже и дорога кончилась, ели лохматыми лапами за колёса хватаются.

Вдруг встала лошадь, а меж деревьев два огонька замерцали. Слез кузнец с телеги, раз-два шагнул и вышел на круглую поляну.

Посреди поляны лежит большой камень, а у камня стоят два старичка и фонариками-светлячками ему машут, путь к себе указывают.

Присмотрелся кузнец к одному карлику — это тот старичок, что к нему с сундуком приезжал, только вроде бы поменьше ростом. Глянул на второго, подумал: нет, этот старичок сундук привозил. Похожи они, словно две хвоинки на одной ёлке, словно братья-близнецы.

Заулыбались карлики, разом сказали:

— Милости просим на нашу Еловую улицу, в селение Круглая Поляна. Знаем, зачем ты ездил, кого искал. Ничего не спрашивай, садись-ка у камня и нас послушай.

Сел кузнец. Один карлик начал рассказывать:

— Давным-давно, так давно, что в людской памяти и следа не осталось, царствовал в здешних местах король. Всю свою жизнь обирал он подданных да копил богатства. И к старости собрал несметные сокровища. Богатства есть, а оставить некому. Сестёр и братьев судьба не дала, и детками он не обзавёлся. «Так пускай же никому мои сокровища не достанутся!» — решил король. Сложил все драгоценные камни, золото да серебро в сундуки и велел верным слугам закопать их в разных местах. А чтоб никто не узнал, где клады спрятаны, отрубил слугам головы. Так отблагодарил их за то, что царскую службу верно несли. От людей укрыл, да от нас, карликов, не спрятал. Ведь нам подвластны все руды, все металлы, что под землёй лежат.

Замолчал карлик. Второй заговорил:

— И так наш карликовый народ меж собой договорился: пусть лежат клады до поры до времени. Найдёт хороший человек — отдадим. Плохой отыщет — не взять ему клада. Заморочим голову, в глаза тумана напустим, вокруг заветного места обведём — с чем пришёл, с тем и назад уйдёт. Твой отец добрый был человек. . .

— И по ремеслу был он нам братом, — перебил первый карлик. — Столько наших тайн знал, что мы от него не скрывались. И вот однажды беда у нас случилась. Пропал родник, из которого мы воду брали. То ли пересох, то ли завалило его. Совсем худо нам пришлось — ведь нет у нас власти над водой. Ни над стоячей, ни над бегучей, ни над той, что с неба падает. Тут и помог нам твой отец. Взял ореховую палочку-развилку, походил кругом пересох-

шего родника, отыскал нам воду и на землю вывел. А за это открыли мы ему круглую поляну, где ты сидишь, и сундук с золотом отдали. Слепой да хворый был к той поре твой отец, не пришлось ему кладом попользоваться. Сам знаешь, еле он домой добрёл и скоро умер. И поклялись мы отдать сокровище его сыну, когда подрастёт. Давно бы ты отцово наследство получил, если б не богач, твой тесть. Он бы то золото во зло обратил. А ты владей им себе на пользу, людям на радость.

— Спасибо вам, — сказал молодой кузнец. — Всё, что велите, исполню. Сам нужду испытал, не загоржусь, помогу, кому надо.

Прощался с карликами, сел на лошадь и к утру в Прагу приехал.

Прожил он с женой долгую жизнь. Много добра сделал. Оставил по себе добрую память, рассказывают и пересказывают о нём люди. И мы услышали и вам поведали.

ТРИ СВЕТИЛЬНИКА

Польская сказка

Пошёл однажды мальчик в лес по грибы. В самую глушь забрался и вдруг услышал: кричит кто-то, плачет, помощи просит. Побежал мальчик в ту сторону, а там болото глубокое, трясина бездонная. Бьётся в трясине старушонка, вот-вот совсем увязнет.

Мальчик быстро хворосту на кочки набросал, палку выломал, подобрался по настилу к старухе поближе и палку ей подаёт. Старуха ухватилась за палку, да так крепко, что чуть мальчика за собой в трясину не утянула. Пареньку в ту пору как раз пятнадцать лет сравнялось, ещё в полную силу не вошёл, но и слабеньким не был. Кое-как удержался и старуху выволок.

Выбрались они на сушу. Тут мальчик разглядел, кого спас, и страшно ему стало. Глаза у старухи глубоко запали, рот ввалился, седые волосы космами висят, а сама худая-прехудая, одни кости да кожа.

— Ну, спасибо тебе, — сказала старуха скрипучим голосом. — Если б не ты, сидеть бы мне в этом болоте тридцать три года, как один денёк.

Удивился мальчик, но промолчал. Старуха дальше говорит:

— А за это время страшное бедствие на земле бы настало. Звали бы меня люди, призывали бы, как великую милость...

— Кто же ты такая? — спросил мальчик.

— Смерть я, — ответила старуха. — И зло я, и благо. Умирают осенью листья, на землю падают, а по весне новые листья и цветы

распускаются. Всему живому свой срок приходит, старое молодому место уступает. Таков закон, и никто его изменить не может. А ты не бойся меня. Иди со мной, открою тебе тайны всякой болезни, всякой хвори.

— Не могу, меня мать ждёт, — говорит мальчик.

Усмехнулась Смерть и пошла по дороге. И мальчик за ней пошёл. Сами ноги его несут, против воли переступают.

Привела Смерть мальчика в пещеру, где сама жила. И пробыл он у неё три долгих года.

Многому обучила его Смерть. Узнал он, какие болезни на свете бывают и как их распознавать. Всякие целебные травы ему старуха в лесу и на лугах показала. Узнал он, что калган-корень копают по осени, когда трава пожухнет, или весной, пока почки не проклюнулись. Научился из того корня настой делать, что от живота помогает, мази, чтоб ожоги лечить. Сбирал и сушил лиловые соцветия душистого чабреца — эта трава красноту в горле гасит, унимает злой кашель. Белая ветреница — от зубной боли, вероника, что в дубраве синим цветом цветёт, — от лома в костях да от укуса змеи. А в отваре смолевки-хлопушки слабеньких детей купают, и вырастают они сильные и здоровые. Всего и не перечесть, что за три года узнал.

Однажды сказала ему старуха Смерть:

— Сегодня ровно три года, как ты меня из болота вытащил. Отпускаю тебя. Постиг ты науку людей исцелять, но даже самый искусный лекарь не угадает наперед — поможет ли лечение, умрёт больной или выздоровеет. Так вот тебе мой подарок — ты это всегда знать будешь. Увидишь меня у ног недужного — лечи его. А стану я в изголовье — значит, ничто занемогшего не спасёт. Теперь иди куда хочешь, делай что можешь.

Молодой лекарь, ни минуты не медля, к матери поспешил. Все долгие годы он по ней тосковал, за неё тревожился. И недаром. Выплакала она по пропавшему сыну глаза, почернела вся, исхудала. А под конец совсем слегла.

Вошёл он в родную лачугу и сразу увидел — умирает мать и Смерть у неё в головах стоит. Горько заплакал юноша, сказал себе:

— Нет, не отдам её. В нужде и горе мать всю жизнь прожила. Пусть её бедное сердце хоть немного порадуетя.

Взял да и переложил мать головой в другую сторону.

Старуха Смерть погрозила ему костлявым пальцем:

— Что ты делаешь, неразумный! Не для того я тебя учила, чтобы ты мне, Смерти, наперекор шёл.

— Но ведь это же моя мать! — воскликнул юноша.

Покачала Смерть головой и исчезла.

А мать от радости, что сын вернулся, скоро поправилась, и зажили они счастливо вдвоём.

Начал молодой лекарь людей лечить. Многих исцелил от злой хвори. Узнали люди, что зорок его глаз и твёрдо слово: если взялся врачевать — значит, вылечит. А откажется от больного — значит, судьба тому умереть и никакой другой лекарь не спасёт беднягу. Лечил он богатых и бедных и платы никакой не назначал — кто сколько даст, тем и доволен. Слава о лекаре разнеслась по всему краю.

И вот как-то позвали его к больной вдове. Пришёл он в нищую лачугу и увидел измученную женщину. Лежит она на полу, на соломенной подстилке, вокруг неё малые ребятишки копошатся, плачут, голодные, а в изголовье стоит его наставница Смерть.

Переполнилось его сердце жалостью к несчастным детям, что должны осиротеть, и сказал он Смерти:

— Уйди отсюда!..

— Не могу, — сказала Смерть.

— Прошу тебя, сжался над детьми!

— Нет во мне ни злобы, ни жалости, — ответила Смерть. —

Я делаю то, что должна.

— Ну, так и я сделаю, что должен! — воскликнул лекарь и переложил умирающую ногами к Смерти.

Смерть затряслась от гнева.

— Горе тебе! Дважды ты меня ослушался.

Повернулась и ушла.

А лекарь напоил вдову целебным снадобьем, принёс в дом еды, детям одежду купил и денег оставил.

Миновал год, и великое бедствие постигло страну. Могущественный враг напал на родину лекаря, жёг, грабил и убивал всех на своём пути. Под его натиском не устояли войска, и сам король бежал неведомо куда. И тогда храбрец из простых солдат поднял народ на защиту родного края. Собрал разбитое войско, призвал к оружию всех, кто мог его держать в руках, и двинул на врага.

В жестокой сече враг был потеснён, но отважный предводитель получил тяжёлую рану, и ряды защитников дрогнули.

К вечеру утихло сражение. Только двое бродили по полю боя в ночном сумраке — лекарь и Смерть. Когда старуха стояла в головах раненого, лекарь проходил мимо, хоть и рвалось его сердце от горести. Помогал лишь тем, у кого Смерть останавливалась в ногах.

И вот подошли они к предводителю, что лежал окровавленный и недвижимый, сжимая иззубренный меч. Лекарь склонился над ним и услышал, что сердце ещё слабо бьётся в груди. А когда поднял глаза, увидел, что Смерть безмолвно стоит у головы воина.

— Но если он умрёт, — воскликнул лекарь, — погибнет моя родина. Будь что будет! — И переложил раненого.

Отступила Смерть на шаг и сказала:

— Сделал ты по-своему, в третий раз преступил запрет. Этот будет жив. А ты иди за мной, я открою тебе последнюю тайну.

Привела его Смерть в ту самую пещеру, где он три года с нею прожил. Ударила в стену — и раздвинулись скалы. Там тянулся каменный коридор с бесконечными рядами горящих плашек.

— Смотри, — сказала Смерть, — в каждом светильнике горит огонь чьей-нибудь жизни. — И повела его в глубь коридора.

Остановились они перед четырьмя светильниками. В трёх масла было вдоволь и фитили горели ровным ясным пламенем. А в четвёртой плашке уже не было масла, и синий огонёк еле бился на почти сухом фитильке.

— Вот твоя плашка, — сказала Смерть. — А рядом горят жизни тех, кого ты у меня отнял. Но ты меня спас когда-то, и теперь я спасу тебя. Перелей масло из их светильников в свой, и ты будешь жить долго и счастливо.

Подумал лекарь и так ответил Смерти:

— Не могу я отнять жизнь у своей матери. Не могу осиротить маленьких детей вдовы. Не вправе лишить свой родной край защиты. Я не послушаюсь твоего совета!..

В тот же миг вспыхнул в последний раз огонёк в его плашке и погас. И лекарь упал мёртвым.

Смерть пожала плечами и побрела вершить свои дела на земле.

БОЛТУНЯ БАСЯ

Кашубская сказка

Рыбаки неразговорчивы, это всякий знает. В море выйдут — молчат, на берег вернутся усталые — и тут редко от них слова дождётся. И не диво. Рыбак с кем дело имеет? С рыбами. А рыбы народ молчаливый, да и людского голоса они не любят, пугаются. И жёны рыбацкие скупы на речи, и матери попусту слов не тратят.

Только и в сосновом бору не всякое дерево прямо растёт. И в стаде, бывает, уродится корова с кривыми рогами. Так вот, в одном рыбацком селении, что раскинулось у самого моря, жила дочь рыбака по имени Бася, по прозванию Болтуня, а прозвище люди не зря дают.

Сама-то Бася была девушка неплохая, собой красивая и сердцем добрая. Зато язычок у неё — что трещотка, которой воробьёв да ворон в саду распугивают. С утра до вечера мелет — слова, будто зерно из дырявого мешка, сыплются.

Отец её, когда непогода выдавалась и в море выходить нельзя было, уши паклей затыкал, чтобы дочку не слышать. Но нашу Басю так просто не перехитришь: плохо отцу слышно — значит, громче кричать надо. Потеряет старый рыбак терпение, скажет: «Лучше бы пошла погуляла». Ну, она плошки да горшки бросит, нарядится и пойдёт по селению. К одним соседям зайдёт — поговорит, к другим заглянет — опять поговорит. Откуда только у неё слова брались!

Однажды утром проснулась Бася, а отец уже в море собирает-

ся, высокие рыбацьи сапоги обувает. У Баси глаза раскрылись и рот раскрылся.

— Отец, а отец! Послушай, какой мне сон диковинный привиделся. Будто ложка скачет по столу вокруг чугунок и ему свой сон рассказывает. А ложке снилось, что чугунок снилось, будто он ложке колечко подарил. Проснулась ложка, а колечка-то нет. Это ведь ложке снилось, что чугунок снилось... Как ты думаешь, отец, колечко было или нет?

Отец только головой покрутил.

Бася всё не понимает.

— Купил бы ты мне такое колечко.

— Отстань! — рассердился наконец старый рыбак. — Хоть перед ловом помолчала бы. Ну как рыба услышит?! Ни одна ведь в сеть не пойдёт.

— Вот и чугунок ложке говорил: отстань да отстань. А камушек в колечке зелёный, как морская волна.

Отец плюнул, хлопнул дверью и ушёл.

Обиделась Бася, надулась на отца. Надела платье получше, отправилась по соседям сон рассказывать.

Такой уж день у Баси выдался незадачливый — ни одна соседка её слушать не стала. Все от неё отмахиваются, своими делами занимаются.

«Никто меня не любит! — сказала себе Бася. — Уйду отсюда куда глаза глядят. Может, найду людей поприветливей».

Да недалеко её ноги унесли. Вышла за селение, села на камень и заплакала. И возвращаться не хочется, и идти некуда, и поговорить не с кем.

Вдруг видит сквозь слёзы — шагает по тропинке молодой рыбак с вязанкой хвороста.

Жил тот рыбак на самой окраине селения в бедной хижине из дикого камня. Отец у него утонул, когда он ещё мальчишкой был, мать вскорости умерла от тоски по мужу, и остался он один-одинёшенек.

Подошёл молодой рыбак к Басе, спросил, что она тут делает, почему плачет.

У Баси разом слёзы высохли. Затрещала она, как сорока, все свои обиды мигом выложила.

Тут рыбак ей ответил:

— Вот как неладно получается — с тобой говорить не хотят, а мне не с кем словом перемолвиться.

Потом подумал, подумал и сказал:

— А может, и ладно! Уж не пожениться ли нам?

— Пожениться? Тебя как зовут?

— Сташек.

— Меня Бася. А прозвали Болтунья. За что — сама не понимаю. Я ведь больше молчу. Во сне не поговоришь, за едой не поговоришь... Редко-редко когда словечко вымолвить доведётся. А пойти за тебя я согласна. Только у отца спроситься надо. Спросишь?

— Ясное дело, спрошу.

Подождал Сташек вечера, надел чистую рубашку и отправился Басю сватать. Всё как полагается сказал: так и так, окажите мне честь породниться со мной, отдайте мне руку вашей дочери.

Отец отвечает:

— Подумай! Рука-то рука, да ведь язычок в придачу.

— Ничего. Веселее будет, — говорит молодой рыбак.

Отец пожал плечами, сказал:

— Хоть завтра свадьбу играйте. А я предупредил!

Зажили Сташек с Басей вдвоём. Неплохо жили. Бася десять слов проговорит, Сташек на одно ответит, девять мимо ушей пропустит.

Одно плохо — нехватка во всём. Сети старые, лодка дырявая, а на новые никак не расстараться. Теперь двое кормятся, да Бася ещё наряжаться любит.

Вот как-то начался шторм, разбушевалось море. Семь дней свистел ветер, рвал пену с гребней. На лов не выйдешь, из хижины носа не высунешь. Тут уж Сташек не раз вспомнил старого рыбака, Басино отца. В голове у него от болтовни жены так и гудело. Еле дождался, чтобы шторм притих.

К вечеру седьмого дня улёгся ветер. Сташек опрометью из хижины выскочил. Сказал только:

— Схожу посмотрю, не намыло ли песку в лодку.

И правда — полна лодка песку. Сташек песок выгреб, а домой возвращаться неохота.

«Вернись, — думает, — попозже, авось Бася заснёт. Во сне-то она у меня молчит. А вот говорят, есть такие люди, что и спросонок разговаривают. Счастливый я ещё человек!»

Идёт Сташек вдоль берега. Вдруг слышит, будто под скалой застонал кто-то. Остановился — точно, стонет, голос тоненький, жалобный. Подошёл поближе, присмотрелся. И правда — под скалой, меж камней лежит женщина. Женщина не женщина — чудо морское. Волосы зеленоватые, в воде, будто водоросли, колышутся, вместо ног чешуйчатый хвост... Русалка! Провалиться на этом месте — русалка да и только!

— Ты что здесь делаешь? — спрашивает Сташек.

— Ох, человек, — отвечает русалка, — не в добрый час я со дна поднялась. Закрутило меня штормом, по песку волочило, о камнях швыряло. Места на мне живого не осталось. . .

— Что же с тобой делать? — говорит Сташек. — Пойдём со мной, жена тебе раны перевяжет.

— Как же я пойду? У меня ног нет. Я только плавать умею.

— Ну, так я тебя снесу, — сказал Сташек.

Взял русалку на руки и понёс домой.

Бася обрадовалась. Наконец-то у неё подружка будет. Да какая! Ни у кого такой нет. Вот с кем наговориться можно, эта уж никуда не уйдёт.

Принялась Бася за русалкой ухаживать: на синяки — примочку, на ссадины — присыпку. Жарко русалке от очага станет — она её водой поливает, зелёные волосы расчёсывает. Руки у Баси быстрые, ловкие, а язык того быстрее. Так и сыплет словами, так и сыплет. . .

День за днём. . . Поправилась русалка, запросилась обратно в море.

Бася всплакнула — жалко с русалкой расставаться. А Сташек взял морское чудо на руки и понёс на берег. В воду поглубже зашёл и отпустил русалку.

Качается русалка на волне и говорит:

— Спасибо тебе, добрый человек, и жене твоей спасибо. Хорошая она у тебя, только болтает много.

— Вот-вот, — подхватил Сташек, — если б за каждое её слово платили по грошу, мы бы разбогатели в два счёта. Я бы лодку новую купил, сети справил.

— Так за чем дело стало? — отвечает русалка. — Пусть оно так и будет. А я всё думала, чем вас одарить. Теперь прощай!

— Прощай! — сказал Сташек.

Тут русалка плеснула хвостом и ушла в глубину.

Вернулся Сташек домой — в хижине звон и стук стоит. Это его Бася с хворостом да с очагом разговаривает, а изо рта у неё так и сыплются медные грошики, раскатываются по полу.

— Сдержала русалка своё слово! — сказал Сташек.

— Вон оно что! — воскликнула Бася. — А я-то думала, с чего бы это они из меня сыплются.

Стали Сташек с Басей грошики пересчитывать и в корзину собирать. Сташек про себя считает, а Бася успевает наболтать на две горсти медных монет. Всё время мужа со счёта сбивает.

— Не пойдёт у нас так дело! Неужто не можешь помолчать немножко?

— Как так помолчать?! Я для тебя стараюсь побольше грошиков наговорить. А ты меня попрекаешь. Да я теперь и рта не закрою. Пускай сыплются день и ночь.

Тут Сташек перепугался не на шутку. Схватил шапку и побежал опять к морю, к той самой скале.

Выглядывал, выглядывал, вдруг плеснуло что-то под скалой. Это русалка выплыла.

— Не меня ли высматриваешь? Или неладно что?

— Да не совсем ладно, — отвечает Сташек. — Обрадовалась Бася твоему подарку. Теперь её не остановишь, день и ночь, говорит, буду языком молоть.

Засмеялась русалка, будто колокольчик зазвенел.

— Бедный ты, бедный, — сказала. — Ну вот что, давай так переиначим. Теперь за всякий вздор, что она мелет, ничего не будет, а молвит умное слово — тут серебряная монета с губ покатится. Хорошо ли так выйдет?

— Да вроде бы неплохо, — отвечает Сташек, — а только кто его знает.

— Ну, тогда приходи сюда в полнолуние. И я приплыву.

Отправился Сташек домой, всё Басе рассказал.

Она встревожилась.

— А как узнать, какое слово умное, какое глупое?

— Вот выкатится серебряная монета, так и узнаешь, что сказалось у тебя разумное слово.

Настало новолуние, тоненький серп над морем поднялся, а Сташек уже на скале русалку поджидает.

Выплыла она, помахала ему белой рукой и спрашивает:

— Ну что, купил новые сети? Справил новую лодку?

— Куда там, за всё время три серебряные монеты выкатились. Первый раз сказала: «Ох, суп я сегодня пересолила». Второй раз сказала: «Холодает, под куртку тёплую рубашу надень». А в третий раз самое умное слово сказала: «Хватит болтать, пора спать ложиться». И ведь что себе в голову вбила — будто чем она больше говорить станет, тем чаще умные слова попадаться будут. Уж не знаю, что и делать, прямо хоть из дому беги!

Задумалась русалка. Потом говорит:

— Ты вот что жене скажи: если удастся ей день промолчать, к вечеру у неё с уст золотая монета скатится.

Выслушала Бася русалкины слова и замолчала. Спать легли — молчит, встали — молчит. Обед Сташеку подаёт молча. А за ужином вдруг рассмеялась.

— Ты что смеёшься? — муж спрашивает.

— Да сегодня соседская собака за нашей кошкой погналась, а кошка...

Тут Бася хлопнула себя по губам и заплакала.

— А я-то целый день старалась. И зачем ты меня спросил?!

— Ну ничего, — утешает её Сташек. — Может, завтра золотую монету намолчишь.

Только и назавтра ничего не вышло. И всего-то одно словечко сказала Бася, а монета опять пропала.

Стал Сташек замечать, что с женой что-то неладно. Раньше была весёлая, теперь, когда ни приди, сидит в уголке и плачет втихомолку. Раньше была румяная да пухленькая, теперь с лица спала, побледнела. Да и самому ему чего-то вроде не хватает. Тихо в доме, как в те времена, когда он один-одинёшенек жил.

Чем дальше, тем хуже. Совсем слегла Бася. Так ослабела, что ни есть, ни говорить не может.

Еле Сташек новолуния дождался. Поднялся на скалу, бросил в море три монеты серебряных, три золотых и закричал:

— Спасибо тебе, русалка, за подарки. Да не нужны они нам. Как жили, так и жить будем. Я стану рыбу ловить, а милая моя жёнка пускай щебечет, сколько её душе угодно.

Слышно, где-то в волнах засмеялась русалка, а где — не видно. Только и разобрал Сташек:

— Будь по-твоему!

Как узнала Бася, что не надо молчать, сразу выздоровела, повеселела. И Сташек радуется с ней вместе.

С той поры совсем ладно муж с женой зажили. Скоро они и новую сеть завели, и новую лодку купили. Уловы у Сташека были богатые. То ли ему так везло, то ли русалка в его сети рыбу заготовила. Всякое может быть!..

СУД ЧЕРТЕЙ

Мазурская сказка

Так уж повелось: где что неладно, ссора ли какая вышла или другая незадача, тотчас поминают чёрта. А ведь черти не самое плохое, что есть на свете. Чёрта по крайней мере сразу распознаешь — рога у него, два копыта да длинный хвост с кисточкой. А дурного человека не всегда поначалу визнаешь. Он к тебе с улыбкой подойдёт, ясными глазами на тебя посмотрит, приговаривать-ворковать начнёт... Голубь, ну право, голубь, да и только!

Вот, к примеру, как тот опекун, что у вдовы... Э, нет, видно, придётся всё по порядку рассказывать.

Давняя это история, но в Люблине её и сейчас хорошо помнят.

Так вот, жили два брата. Старший — всему отцовскому богатству наследник, у него и дома в Люблине, и лавки, да ещё земляца была в имении. А младшему не много после отца досталось, но и бедняком не считался. Жил с молодой женой и малыми детьми в достатке. Только недолго он прожил, простудился, похворал короткое время и умер.

Осталась его жена с детками беззащитной вдовой. Как дела вести, не знает, в счетах-бумагах разбираться не умеет. Тут старший брат мужа поспешил ей на помощь. Сладким голосом говорит, ласковой улыбкой умасливает: так и так, буду о тебе заботиться, все хлопоты на себя возьму, твой интерес блюсти стану. С радостью доверилась ему вдова, сделала его опекуном над собой, над детьми, надо всем имуществом.

Принялся опекун опекунствовать. Отправил три корабля за море с товарами. Один корабль на скалы напоролся, затонул. Вот чудеса: оказалось, это вдовы корабль. Все товары пропали, и за разбитый корабль платить надо. А два корабля вернулись с богатой прибылью — это опекунские корабли.

Прошёл град полосой. Где прошёл — сады побило, поля, огороды. А с остальной земли хороший урожай собрали. Стал по осени опекун доходы да убытки подсчитывать. Нехитро считал: убытки — на вдову, доходы — себе.

Оглянуться вдова не успела, как истаял её достаток, словно масло на горячей сковородке. Мало того, в долгу она у своего опекуна, а на долг ещё что ни день проценты растут. До того дошло, что стал мужнин брат её из дому выгонять с малыши детьми.

Весь Люблин про его чёрные дела знал. Говорили много, а помочь ничем не могли.

Бросилась вдова в суд справедливости искать, защиты просить.

Пока её жалоба от одного судейского крючка к другому переходила, у вдовы и хлеба не стало. Не помогли бы добрые люди, вся семья пропала бы с голоду.

Вот наконец пришёл день суда. Предстали пред судьями и вдова, и опекун.

Сказывают, суд, словно на весах, правду взвешивает. На свою чашу весов положила бедная женщина правоту, вдовью обиду да слёзы детей.

Вдова плачет, опекун посмеивается да усы крутит. У него все хлопоты позади — кому поклон, кому льстивое слово, кому чарка, кому деньги. На опекунскую чашу легли и мёд, и вино, и сало, и золотые дукаты. Ясно, чья чаша перевесила.

Присудил суд всё имущество опекуну.

Стали после суда горожане по домам расходиться. Кто вдову с детьми жалеет, кто опекуна поносит. Один всеми уважаемый старик к опекуну подошёл и прямо в лицо сказал:

— Неужели в тебе совсем совести не осталось? Хоть и выиграл ты дело, да сам знаешь, что выиграл несправедно.

— Как это несправедно! — возмутился опекун. — Как ты такие слова про судей говорить осмеливаешься?! Да если бы сами черти эту тяжбу решали, в точности так же постановили бы.

— Ох, не поминай чертей, — сказал старик. — Черти чутко спят. Как бы поблизости не оказались.

Вот только стемнело, поднялась метель. Стелет позёмку по пе-

реулкам, ветром с ног сбивает, глаза хлопьями слепит. Добрые люди по домам попрятались, собаки в собачьи будки забились. Закрутился вдруг снежный столб посреди города, да так, крутясь, и понёсся по главной улице. А из столба раздаётся неведомо что — и вой, и крики, и уханье, и гиканье, и свист, и писк. Подлетел к суду столб и рассыпался.

Глядят люди в щёлочки между ставнями, отродясь такого не видели: вся нечисть на площади перед судом собралась. Возок на полозьях в конские скелеты запряжён. Вокруг мелкие черти на плётках гарцуют, сами себя плётками подгоняют да в кости вместо дудок дудят, другие факелами размахивают. Дым, чад стоит. А из возка вылезают три толстых важных чёрта, за ними ещё два тощих в длинных париках выпрыгнули. Как только в таком возке уместились! Покричали, посуетились и повалили все в суд.

На ту пору в судейском присутствии двое писцов оказалось. Перебеливали при свечах решение по вдовьему делу. Увидели они в окошко, какая перед судом чертовщина творится, перетрусил до полусмерти, заметались, хотели спрятаться. Да не тут-то было. Всё, что ни есть в суде, перепугалось. Свечи разом оплыли, стали гаснуть. Половицы затрещали, на дыбы вздымаются, словно обезумевшие кони. Хотели писцы укрыться в чулане, где старые бумаги хранились. Да дверь покорёжилась, а замочная скважина и вовсе пропала. Писцы потом клятвенно уверяли, что она убежала с перепугу. Конечно, может, оно и так, но только скорее всего у писцов попросту руки тряслись, вот и не попали они ключом куда надо. Что им было делать? Забились они под судейский стол, там дрожа и просидели всю ночь.

А черти ввалились в присутствие и чин чином повели свой суд. Толстые сели на судейские кресла, два тощих — на места защитников. Остальные расселись как попало по скамьям в зале.

Начали ходатаи тяжбу. Один за вдову речи говорит, другой сторону опекуна держит.

В настоящем суде сперва вдова свою жалобу выплакивала, потом опекуну слово дали. А у чертей всё наоборот. Тот, что за опекуна стоял, первым выступил.

Принялся он говорить похвальное слово опекуну. Каждую его хитрость, каждую проделку расписывал. Выходило так, что самим чертям у него поучиться не худо бы. Всякий ли чёрт изловчится чёрное за белое выдать, белое — за чёрное?!

Черти смеются, криками ходатая подбадривают, мохнатыми копытами топчут. Судьи их утихомиривают, звонят в колокольчик.

Долго речь держал опекунский ходатай, а закончил так:

— Правильно неправедный суд приговор вынес. И вы, дьявольски вельможные паны судьи, должны тот приговор утвердить.

Черти ему в знак одобрения в ладони плещут.

Потом вышел вперёд второй тощий чёрт, за вдову ходатай. Стал по косточкам разбирать все вдовьи обиды да горести её малых деток. Притихли черти, даже смола в факелах перестала шипеть и пузыриться. Так умильно, так жалостно он разливался, что судьи украдкой не одну слезу лапой утёрли. А в зале сперва один чёрт заскулил тоненько, потом ещё два подвывать начали, потом все хором заныли.

Под конец вдовый ходатай и сам всхлипывать начал, слова больше выговорить не может. Махнул лапой и сел. Тут вскочил опекунский защитник и от своей речи начисто отказался.

Не спорили судьи, не совещались: и без того ясно, чем дело кончить.

— Подать сюда, на чём приговор писать! — велел главный.

Засуетились черти-писцы. Расстелили по столу чёрную бычью шкуру, такую большую, что она весь судейский стол накрыла, а он не мал был. И на той шкуре написали черти своё постановление горячей смолой. Так, мол, и так, мы, черти, признали ваш суд неправильным. Сами дело по справедливости рассмотрели и порешили: все вдовьи долги да убытки опекуну присудить, а всё опекунское имущество отдать вдове с детьми. И как мы присудили, так оно и будет.

В конце приговора на шкуру налили побольше смолы, и главный судья оттиснул на ней свою когтистую лапу вместо печати.

Тут как раз часы на той башне, что стоит у дороги на Краков, начали отзванивать полночь. Подхватились черти, кинулись прочь. Опять снежный столб закрутился, пронёсся по улицам Люблина и пропал в тёмном лесу.

Утром пришли судейские чиновники в присутствие. Смотрят — на столе чёрная шкура, на ней огромные буквы пылают, не погасли за ночь, ещё сильнее разгорелись. Бросились судейские стаскивать шкуру — она к столу накрепко приросла. Ничего сделать не могут, только руки обожгли да смолой перепачкались.

И горожане в суд прибежали. Удивляются, смеются над судьями, во весь голос их позорят. Писцы из-под стола вылезли, между людьми крутятся, рассказывают обо всём, что видели-слышали ночью.

А судейские всё суетятся, всё ещё думают дело замять. Хотели стол вместе со шкурой вынести, да никто его и с места стронуть не смог, словно прикован к полу. Попробовали казённым сукном стол накрыть, а буквы в один миг прожгли сукно, поверх него ясным пламенем горят. Ничего судьям не оставалось, как быстренько сесть в судейские кресла, самим свой вчерашний приговор при всём народе отменить и решить дело по-новому, точь-в-точь как у чертей записано. В тот же миг погасли огненные буквы, скорёжилась шкура и пеплом рассыпалась.

Вот какая история приключилась в старинном городе Люблине. Писцы описали её всю по правде рыжими чернилами на гербовой бумаге. Так она в судейском чулане и по сю пору хранится.

КОНЬ-СОЛНЫШКО

Словацкая сказка

Шёл я однажды, куда — не знаю, зачем — не ведаю. Шёл глубокими долинами, на высокие горы с хрустальной вершиной поднимался, забирался в непролазные чащи, через ручьи перепрыгивал, через реки перебрался. А как вышел на широкую дорогу, встретил старого-престарого старца. Голова седая, борода до пояса, посохом подпирается. Увидел меня старик и спрашивает:

— Куда, сынок, идёшь-бредёшь?

— Не знаю, не ведаю. А вы, дедушка, куда?

— И я не знаю.

— Вот и хорошо — значит, нам по пути!..

Пошли вместе. Старец просит:

— Расскажи что-нибудь. Дорога короче покажется.

— Молод я вам были-небылицы рассказывать. Вы по свету чуть не век бродили, много чего повидали, вы и расскажите.

— И то правда, — согласился старец. — Вспомнил я, что однажды случилось ни далеко, ни близко, ни высоко, ни низко. Слушай да помалкивай, верь — не верь, только не перебивай.

И начал рассказ. Что я от него услышал, то и вы услышите. Ничего я тут не прибавил, не убавил, ничего не придумал.

Так вот, лежало среди гор царство, тёмное, как могила. Ночь там не кончалась, рассвет не наступал, потому что солнце туда не заглядывало, стороною тот край обходило. И жить бы там людям во тьме, как совам в лесу, как летучим мышам в пещере, как кротам

в норе. Да, на счастье, был у короля той страны конь с солнцем во лбу. В тот час, когда пора бы утру наступать, выводили королевские конюхи коня-солнышко из конюшни и шли с ним к вершине горы. С каждым его шагом всё светлее становилось в королевстве, уползала мгла в тесные глубокие ущелья и таилась там, словно хищный зверь в засаде. Светило и грело то солнце и глаза слепило, глянешь — зажмуришься.

Целый день пасся конь на зелёной вершине. Крестьяне пахали и сеяли, ремесленники мастерили свои изделия, купцы торговали, лекари лечили больных, дети резвились, а король правил своей страной, как и положено королю.

Когда все уставали от дневных дел, коня уводили с горы в конюшню, и непроглядная ночь опять воцарялась в королевстве.

Так бы всё и шло людям на радость. Да вот как-то пропал солнечный конь, исчез из стойла неведомо как, неведомо куда. Великая беда обрушилась на королевство. Как жить, если тьма кругом, хоть глаза выколи, хоть ножом её режь.

Король засветил фонари, собрал своё войско, и отправились они на простых конях искать солнечного коня.

Ехали они при свете факелов, из края в край королевство проехали и добрались до границы, где соседнее государство начиналось. Тут блеснул им в глаза огонёк вдали. На тот огонёк и свернул король.

Видит — стоит домик, из толстых брёвен сложенный. В домике свеча горит, перед свечой большая книга раскрыта. И читает ту книгу какой-то человек. Ни молод, ни стар, как раз в такой поре, когда сила ещё не ушла, а мудрость уже пришла.

Спешился король, вошёл в домик и поздоровался. А человек говорит:

— Ничего мне не рассказывай, я и сам всё знаю. Как раз сейчас про тебя в книге читаю. Собирался ты искать коня-солнышко, да только тебе не сыскать его. А если сыскать, то не получить! А если получить, то не удержать! А если удержать, то назад не воротиться!

— Что же делать?! — вскричал в отчаянии король. — Неужели никто помочь беде не может?

— Доверься мне, я помогу. Так в книге написано, так и сбудется.

Кто был тот человек, король не знал и мы не знаем. Если всё наперёд говорил, выходит — чародей-предсказатель. Так король и подумал. Кивнул он головой, а чародей дальше речь ведёт:

— Возвращайся-ка ты домой. Если король в дни радости и

спокойствия правит своими подданными, то в час горести негоже ему покидать их.

— Верно ты говоришь, — сказал король. — Коли сделаешь, что обещал, награжу тебя по-царски.

— Про награду потом потолкуем, — ответил чародей. — Дай мне одного слугу в помощь. В свой час всё исполнится.

— Слуг много, сам выбери, — сказал король.

Оглядел чародей королевских слуг, одного спросил:

— Хочешь со мной идти?

— Только возьми! — воскликнул тот. — Рука у меня тверда, оружие наготове, душа в сражение рвётся.

Спрашивает чародей другого. Он отвечает:

— Только возьми! Пусты мои карманы, охота наполнить их чужеземным золотом.

— Ну, а ты пойти не хочешь ли? — спрашивает чародей третьего.

— Возьмёшь — пойду, не возьмёшь — останусь. На работу не напрашиваюсь, от работы не отказываюсь, в чужие дела без дела не мешаюсь.

— Вот этого я и возьму, — решил чародей.

Король повернул со своим войском туда, откуда пришёл.

А чародей посадил слугу в уголок, велел молчать и опять за книгу. Читал, вычитывал, страницы перелистывал, пока свеча не догорела. Тут он задремавшего слугу в бок толкнул.

— Пора, — сказал, — в путь-дорогу.

Только переступили границу соседнего королевства, посветлело всё кругом — ласковое солнышко в глаза им глянуло.

— Эх, — слуга говорит, — солнце-то, оказывается, не хуже нашего коня светит.

Ничего чародей не ответил, дальше идёт. Слуга за ним еле поспевает.

Шесть государств насквозь прошли, в седьмом у стен королевского замка остановились.

— Вот, — говорит слуге чародей, — и пришли мы, куда надобно. Владычит в этом королевстве король. Да не столько он владычит, сколько его мать — старая ведьма. Это она для своего сынка любимого нашего коня-солнышко украла.

— Ну и жадность ненасытная! Им два солнца, а нам ни одного, — слуга удивляется. — А где наш конь?

— Это ещё узнать-разузнать следует.

Посмотрели вверх — высокая стена у замка, глухая. Одно окошечко высоко прорезано, да и то кованой решёткой забрано.

— Сюда-то мне и надо, — сказал чародей.

Ударился о землю человеком, а взлетел зелёной птахой. Слуга только рот разинул. Птаха вспорхнула к окошку, пробралась сквозь чугунные переплёты, в слюдяное окошко заглянула. Видит, сидит старая ведьма за прялкой, пряжу прядёт. Постучала в оконце зелёная птаха клювиком, лапкой поскребла. Ведьма ей окошко и отворила.

— Вот, — говорит, — гостья крылатая! Красива собой, да только с добром или со злом ко мне залетела?

Протянула костлявые руки, пальцы, как грабли, растопырила, хочет пташу изловить.

А птаха под сводчатым потолком ввётся, в руки ей не даётся. Разозлилась ведьма, вскричала скрипучим голосом:

— Эх, был бы мой сынок дома, он бы тебя поймал, голову бы тебе свернул, чучелку бы набил. Да его только к вечеру ждать можно — куда-покуда он всё наше королевство на солнечном коне не объедет!..

Так всё птаха и вызнала. Пурх — к окошечку, да не тут-то было, ведьма проворнее птахи к окошку подскочила и захлопнула его. А сама хватъ метлу, что у порога горницы стояла, взмахнула и ударила пташку. Вмиг обернулась птаха кем раньше была — вудном-чародеем стала перед ведьмой.

— Чуяло моё сердце обман! — ведьма завопила и на чародея бросилась.

Схватились они, только чародей посильней оказался, живо старуху скрутил, руки и ноги её же пряжей связал и на широкую лавку положил. Билась старая ведьма, билась, да не могла свою пряжу порвать. Ведь пряла она нить не простую, а волшебную, вот её сила против неё и повернулась.

Чародей в дверь выбежал, залами-горницами, ходами-переходами наружу из замка выбрался, слуге сказал:

— Что выведывал, то выведал, что хотел узнать, то узнал. Да четверть дела — не полдела, полдела — не дело, а дело всё впереди. Иди за мной, ни о чём не спрашивай.

Подошли они к мосту, что через реку перекинут, схоронились под мостом в густом кустарнике. А как смеркаться начало, притащили толстое бревно и положили поперёк моста — ни пройти, ни проехать.

Отгорела вечерняя заря, яркие звёзды в небе засверкали. Потом тучи их закрыли, совсем темно стало. Слуга шепчет чародею: — Темень-то, ровно в нашей родимой сторонке...

Только промолвил — посветлело вдали, всё ярче и ярче свет

разгорается. Это скачет король, ведьмин сын, на краденом коне-солнышке домой поспешает. Дорога знакомая, родной замок близко, не чует король беды, скакуна по золотым бокам плёткой охаживает. Разгорячился конь, как гром загрел копытами по дощатому мосту, да со всего маху о бревно запнулся. Сам на ногах удержался, а всадника из седла вышиб.

— Эх, — вскричал король, — знать бы, кто бревно положил! Шкурой да кровью заставил бы того расплатиться.

Тут чародей перед королём предстал. Усмехнулся и говорит: — Не велика ли цена, что ты назначаешь? Твоя шкура в ответе. Твоя кровь прольётся.

Зарычал король в ярости, выхватил меч из ножен. И у чародея неведомо откуда меч в руках оказался.

Тяжко они бились, мечами звенели, сталью о сталь ударяя. Тверда и крепка рука у короля, да и гнев ему силы придаёт. И чародей ни в чём не уступает, то кошкой назад отпрыгнет, то тигром вперёд бросится. До тех пор рубились, пока оба враз мечи не сломали.

— Что ж, — король говорит, — биться больше нечем... Давай, пан ворог, колёсами обернёмся да с той вон кручи вниз покатымся. Посмотрим, чья возьмёт.

Поднялись они на кручу, и превратился король в золочёное колесо от королевской кареты.

— Ну, а мы не знатного рода, — засмеялся чародей и сделался тележным колесом, с толстыми спицами, с железным ободом.

Стремглав ринулось вниз лёгкое золочёное колесо, а тележное, тяжёлое, еле переваливается. Да как раскатилось потом, так на середине склона и догнало. Сшиблись оба. Вылетела спица из каретного колеса, завертелось оно и набок упало, лежит. Тут тележное колесо вновь чародем стало.

— Моя взяла!

— Не спеши, пан ворог, — ответил король и вылез из-под обломков золочёного колеса. — Не победил ты меня, только мизинец мне сломал.

— Ну, давай оба огнём сделаемся, один другого жечь станем, — чародей говорит.

— Будь по-твоему, — согласился король. — Я белым пламенем буду, ты — красным.

Взвились два огня — белый и красный, смешались в смертной битве, то разделятся, то друг друга жаркими языками лижут. То по земле стелются, то к небу вздымаются. Долго бились, ни один одолеть не может.

Тут — тюп-тюп по мосту — идёт-бредёт старый нищий — видно, к рассвету хочет в город поспеть.

— Эй, оборванец, — закричал ведьмин сын, белый огонь, — зачерпни шапкой воды из речки, залей красное пламя, я тебе золотой дам!

Послушался нищий, зачерпнул воды, полную шапку несёт. Только хотел плеснуть на красный огонь, тот вскричал:

— Лей скорее на белый, бабушка, целый грош заработаешь!

Тот нищий сроду золотого не видел, а грош ему часто подавали. Он на грош и польстился, плеснул на белое пламя. Зашипело оно, сникло, пар столбом поднялся. За паром и не видно было, что маленький белый язычок пламени не залитым остался.

Сделался чародей самим собой, подал нищему три гроша, и тот, довольный, своим путём дальше потащился.

А тем временем из белого язычка пламени выскочил мальчишка да за спиной у чародея подобрался к коню-солнышку и взлетел в седло. Сам кричит:

— Хоть и отнял ты у меня половину силы и лет мне поубавил, а пока конь мой — мой и верх. Ещё меня наищешься, за мной набегаешься.

Хлестнул солнечного коня плёткой и умчался вдаль, неведомо куда.

Тут слуга из-под моста и вылез.

— Что ж ты, — укоряет чародея, — дрался-бился, а коня упустил?

— А ты что же не помогал? — чародей отвечает.

— Да борони боже в такую драку соваться! Как вы биться начали, меня от страха скорчило. Глаза я руками закрывал, голову меж ногами держал, коленками уши заткнул.

Захотел чародей, а как отсмеялся, вздохнул и сказал:

— Ну вот что, храбрец, что ни сделано, а до конца не доделано. Путь нам дальний и нелёгкий впереди лежит.

И пошли они по следу кованых копыт, где дорогами, где тропами, где горами, где лесами. А как вышли на каменистую, выжженную равнину, тут и след потерялся. Наугад идут. Солнце палит, на небе ни облачка. Чародей вперёд шагает, слуга позади плетётся, спотыкается, под нос бормочет:

— Кабы ты взаправдашний волшебник был, хоть какую-нибудь еду наколдовал бы. Сколько времени не ели! А пустое брюхо ногам ходу не даёт.

Чуть промолвил, выросла на песке перед ними диво-яблонька. Листочки зелёные, яблочки краснобокие.

— Выходит, — обрадовался слуга, — ты не на шутку колдун-ведун! — И яблоко сорвал.

А чародей яблоко из его руки выбил. Выхватил обломок меча и ударил деревце под корень. Мигом яблонька зашаталась, сухой метлой на землю упала, по прутикам рассыпалась. Усмехнулся чародей:

— Верно, старая ведьма от пут освободилась, нас обогнала да отравленными яблоками угостить хотела. Её эта метла, что меня чуть не сшибла, когда я пташкой был. Теперь у неё треть силы колдовской убыло, а чему дальше быть, то дальше и сбудется.

Долго ли, коротко ли ещё шли, видят — из-под камня ключ пробился, вода в роднике чистая, прохладой от неё веет. Слуга к роднику кинулся, да чародей его оттолкнул.

— Не спеши на тот свет, — говорит, — этому свету ещё порадуешься. — И мечом по воде плашмя ударил.

Вот диво — не плеснулась вода, зазвенела, как хрусталь. Нет никакого родника, лежат на камнях осколки зеркальца.

— Перед этим зеркальцем, верно, старая ведьма свои космы расчёсывала, — сказал чародей. — Теперь она ещё треть злой силы потеряла.

Опять вперёд идут. Глядят, на каменистом откосе куст алыми розами расцвёл.

— Эх, — говорит слуга, — ни поесть, ни попить не удалось, так хоть цветков понюхаю. . .

— Стой на месте! — закричал чародей и ударил мечом по кусту.

Пропал розовый куст, а вместо него старый роговой гребешок валяется. Засмеялся чародей:

— Ну, старая всю свою ведьмовскую силу потеряла, нечем ей уже теперь колдовать. Больше вперёд забегать не будет, далеко за нами не потащится.

Полегче идти стало, повеселее. Вроде и солнце не так печёт, и травка зелёная меж камней пробивается. А как взошли на холм, широкое море увидели. На берегу замок стоит.

Подошли поближе, смотрят — перед замком на замшелом камне сидит король-мальчишка, вдаль глядит. Потом обернулся и закричал:

— Всё-таки нашёл ты меня! Ну да это сейчас к лучшему. На этот раз мы, может, и поладим. Знаешь, как оно бывает: что в руках, то не любо, что далеко, по тому душа томится. Вот и давай меняться.

Слуга слушает, рот разинул, ничего не понимает. А чародей отвечает спокойно:

— Что ж, пожалуй, в цене сойдёмся. Только не лёгкая это затея — княжна-то живёт на таком острове, что вершиной до неба достаёт, и приступу к нему нет, хоть о скалу разбейся.

— Ну, это твоё дело, не моё, — говорит король-мальчишка. — Как сторговались: княжна мне, конь тебе.

Принялся чародей ладью снаряжать. Всякого товару богатого наносили, коврами дорогими палубу устлали, положили на ковры шали да полушалки, ларчики с дорогими уборами на корму поставили. Паруса поднимают, в путь собираются.

Тут слуга скумекал, что к чему, говорит своему хозяину:

— Таскался я за тобой всюду, служил верно, в битвах первый помощник был, по пустыне-равнине впереди шёл, не жаловался... А по морю ходить нет моего согласия!

Махнул рукой чародей:

— Без такого помощника впрямь обойтись нелегко. Да уж попробую. Отправляйся-ка ты домой, скажи нашему королю, что дело делается, к концу идёт. Вот только найдёшь ли дорогу до нашего царства?

— Что ты! — слуга отвечает. — Это я сюда один не дошёл бы, заблудился. А домой сами ноги напрямик понесут...

Так они и расстались. Слуга — от берега моря по суше в одну сторону, а наш чародей по волнам на ладье — в другую сторону.

Паруса крепкие, ветер попутный — доплыли до острова. А княжна, что там жила, уже навстречу ладье служанку послала, узнать — кто такие, послы с дарами или купцы с товарами пожаловали. Чародей служанке говорит:

— И послы, и купцы, и с дарами, и с товаром. Что тут есть — всё продаётся-дарится. Пусть лишь княжна сама придёт, выберет, что приглянется.

Спустилась княжна по крутой тропинке, на ладью взошла. Тут у неё глаза и разбежались. Серьги, кольца да браслеты примеряет, золотом шитые шали на белые плечи накидывает. Обо всём на свете забыла, не заметила, как ладья тихо от берега отчалила. А когда опомнилась, уже и острова почти не видно, далеко отплыли. Всплеснула княжна руками.

— Обманул ты меня! Говорил, выбирай, что любо, а сам ве- зёшь неведомо куда.

— Не обманываю тебя! — чародей отвечает. — Твой выбор ещё впереди. Не век же тебе в девицах на острове сидеть. Есть два жениха, вот тебе и выбирать.

И принялся ей рассказывать всё с самого начала до нынешнего дня. Ну, мы про то всё сами знаем. Княжна слушает, а нам ни к чему.

Говорит чародей, с княжны глаз не сводит. Красавица она, каких земля ещё не рождала. Лицо белое, щёки румяные, глаза, что небо, синие, в золотой косе ясный месяц блестит.

Кончил рассказ чародей, княжна заговорила, ровно ручеек за журчал:

— Что ж тут выбирать. Не хочу я за мальчишку, ведьминого сына, идти, хочу за твоего короля.

— Хорошо ты рассудила, — сказал чародей, — да есть ещё сила у мальчишки. Тут женскую хитрость надо, мне самому его не одолеть. Выведай, где его мощь спрятана, тогда мы и сами уцелеем, и коня-солнышко уведём.

А уж берег близко. На берегу мальчишка-король скачет, от радости руками плещет, хохочет. Как сошла с ладьи княжна, он с ней игры затеял, в прятки, жмурки играл, наперегонки бегал. Устал наконец, прилёг отдохнуть. Княжна подле него села.

— Весело с тобой, — говорит, — да и боязно. А если обидеть меня кто захочет?! Как ты, такой маленький, меня защитить сможешь?

— Ты со мной ничего не бойся. Ту силу, что от матери-ведуньи мне досталась, не потаю, чародей отнял. А ту, что от отца, великого волшебника, осталась, никто не отнимет. Надёжно она спрятана.

Княжна головой качает.

— Не поверю, чтобы сила отдельно от человека хранилась. Обманываешь ты меня.

Вскочил мальчишка, рассердился, глазами сверкнул, ногой топнул.

— Так слушай же! — кричит. — Вон гора, поросшая лесом, стоит. На той горе под вершиной златорогий олень пасётся. В олене — златокрылая утка, в утке — золотое яйцо, в яйце — золотая игла. Та игла и есть моя сила. Веришь ли мне теперь?

— Верю, верю, — княжна ласково говорит. — Поспи, подремли, я тебе песенку спою.

Крепко уснул мальчишка-король, а княжна слово в слово всё чародею пересказала.

Чародей мешкать не стал, отправился к вершине горы. Подкрался к златороговому оленю, мечом ему голову отсёк. Вылетела из оленя златокрылая утка, золотое яйцо на лету выронила. Упало яйцо, разбилось, выпала из него золотая игла. Поднял её чародей,

на ладони подержал, задумался. Как быть? Пополам переломить — тут и смерть королю-мальчишке. Вспомнил он, как мальчишка звонким голосом смеялся, как по песчаному берегу прыгал и бегал, и жалко ему стало молодую жизнь обрывать. И отломил он у иглы только острый кончик.

Спустился чародей вниз, к замку. Глядит — княжна годовалого младенца нянчит, ходить учит. А он гукает, пузыри пускает.

— Что ж нам теперь делать с ним? — спрашивает княжна чародея.

И тут подходит к ним старая женщина. Взяла ребёнка, к сердцу прижала, баюкает, сыночком называет. Смотрит чародей — ведьма это, королевская мать. Да она и не она: раньше злая была, страшная, а теперь с лицом приветливым, с ласковыми руками.

— Ну вот, — говорит чародей княжне, — всё и сладилось. Сама она подобрела — верно, и сына второй раз вырастит добрым человеком. А нам пора в путь-дорогу.

Отпер он конюшню, вывел коня наружу. Княжна так и ахнула — средь солнечного дня второе солнце засияло. А конь-солнышко копытами бьёт, вольной воле радуется. Сел чародей на коня, княжну перед собой посадил, и отправились они через семь государств в своё королевство.

Ехали они долго, а мы скажем коротко: проехали все семь государств и добрались наконец до того места, где свет с мраком мешался.

Тут кто-то коня под уздцы схватил. Смотрит чародей, а это слуга. Он слугу спрашивает:

— Почему к королю не пошёл, что здесь делаешь?

А тот, глазом не моргнув, отвечает:

— Да неохота было с белым светом расставаться, в темноте блуждать, к королю ни с чем возвращаться. Теперь-то я с честью вернусь, коня-солнышко за уздечку приведу.

Усмехнулся чародей.

— Хитёр же ты! Ну да ладно, веди коня!

Так и вступили они все в королевство тьмы, в царство мрака. Разом всё кругом осветилось, травы зазеленели, цветы расцвели, птицы запели. Со всех сторон люди сбегались, славу кричали чародею.

И король на белом коне прискакал. Не знает, на кого первого смотреть, кому больше радоваться, — то ли коню-солнышку, то ли красавице княжне, что на том коне сидит.

А красавица засмеялась звонко и говорит:

— Что же ты мне руку не подашь, с седла сойти не помо- жешь?

Протянул король не одну, а обе руки, бережно княжну снял. Отколола тут княжна свой месяц ясный из косы и королевскому белому коню на лоб прикрепила.

— Пусть теперь, — говорит, — днём солнце сияет, а ночью ме- сяц светит, как во всех других краях водится.

Ну, дальше и рассказывать нечего, радость и веселье в коро- левстве царили. Времени не теряли, сыграли пышную свадьбу. Ко- роль слугу богато наградил за храбрость да верную службу. Слуга чародею подмигнул, монетами позвенел и довольный восвосяси от- правился.

А чародею король сказал:

— Бери что хочешь, хоть полцарства себе возьми.

Но чародей только головой покачал:

— Нет, король, на что мне полцарства. Есть у меня мой до- мик, есть книга. Весь свой век я её читал, а теперь довелось уви- деть, как сбылось написанное. Пойду ещё почитаю — может, и ещё что-нибудь сбудется.

Поклонился королю и молодой его жене и ушёл. Говорят, и по- сию пору ту книгу читает, букву за буквой, слово за словом, лист за листом.

ДОСКА С ЗАГАДКОЙ

Польская сказка

Жил в предгорьях Карпат бедный крестьянин. Стоял его дом на склоне холма, на краю долины. Да и не дом вовсе, а так — маленькая халупа, тёмная и тесная. Зато у пана помещика, что жил на другом холме, на другом краю долины, дом был на сто комнат, потолки высокие, с лепными узорами.

Поле у крестьянина с лоскутное одеяло, камней больше, чем земли. Зато у пана поля еле за день на коне обскачешь. Правда, крестьянин и не пробовал панские поля мерять. Не его же они, да и коня у него не было. Это пан целый табун держал, а у крестьянина одна коровёнка — и то хорошо.

Паслась однажды коровёнка обочь его поля на меже, повернула глупую рогатую морду в сторону панских полей, знай себе траву щиплет.

И надо же, как раз в ту пору пан решил на коне объехать свои владения. Увидел коровёнку, разгневался. Не побрезговал чистыми панскими руками схватить с земли прутик и перегнуть скотинку к своему стаду.

Что делать крестьянину?! Пошёл к помещику свою коровёнку вызволять.

— Так и так, пан помещик, — говорит с поклоном, — корова моя не виновата, и я не виноват. Паслась она на меже, а межа ничья.

— Если межа ничья, значит, наполовину моя, — отвечает

пан. — А твоя корова как раз с моей половины траву щипала. Значит, и корова наполовину моя. Да ведь корову пополам не разделишь, — выходит, и вся корова моя!

— Как же это, — попробовал спорить крестьянин, — межа-то ничья...

— Что ты заладил, — рассердился пан, — ничья, ничья...

— Да я хоть десять раз готов повторить то же самое! — заупрямился крестьянин.

— Ну, и я повторю десять раз свой ответ! — закричал пан. Хлопнул в ладони, кликнул слуг и велел дать крестьянину десять ударов палкой.

И вернулся крестьянин домой без коровы, с битой спиной.

Жена причитает:

— Ох, горе нам, горе!.. Без коровы совсем с голоду пропадём!

— Ничего, жена, не горюй. Я ещё с ним потягаюсь.

— Где беднякам с богатым паном тягаться! — вздыхает жена.

— А я до самого короля дойду. Жалобу ему подам.

— Как ты жалобу напишешь? Ты же грамоте не обучен.

— Вот посмотришь! — сказал крестьянин.

Взял он большую доску, гладко её обстругал и стал острым ножом вырезать свою жалобу.

Три дня трудился. Вырезал панское поле и своё вырезал, а между ними межу. Панский дом на сто комнат и свою халупу. Ясное дело, вырезал корову с рогами и хвостом и свой спор с паном. А сбоку сделал десять зарубок — десять палочных ударов, что его спина вытерпела.

Жена мужа похвалила, потом пригорюнилась.

— Я-то понимаю, — сказала. — А вот поймёт ли король?

Муж ответил:

— Уж не думаешь ли ты, баба, что король глупее тебя?! Чем болтать попусту языком, собери мужа в дорогу.

Напекла жена лепёшек, соли положила в тряпицу и три луковки дала.

— А пить захочешь, — сказала, — напьёшься после сытной еды воды из ручья.

Попрощался крестьянин с женой, взвалил доску на спину и пустился в дальний путь — понёс свою жалобу королю.

Шёл крестьянин тропами нехоженными, шагал дорогами проезжими. Шёл день, шёл два, а на третий вошёл в большой лес. Никого в том лесу нет, только птицы на разные голоса свищут.

Идёт, идёт... Вдруг вдалеке затрубили охотничьи рога, собаки

залаяли. Потом конский топот послышался. Ближе, ближе... А лай собак всё дальше и дальше.

Вышел крестьянин на полянку, а навстречу ему всадник выехал: короткий плащ на плечах, шапочка с пером, жёлтые сапоги со шпорами, у луки седла — кремнёвое ружьё. Под всадником конь вороной ушами прядает.

— Слава Иезусу! — поздоровался крестьянин.

— Во веки веков аминь! — всадник ответил. — Куда идёшь, человеке? Что за диво на спине несёшь?

— Иду к королю. Несу ему жалобу.

— На кого же ты королю жаловаться хочешь?

— На помещика. Вот, гляди, добрый человек...

Свалил крестьянин свою жалобу на землю. Всадник с коня наклонился, смотрит.

А крестьянин корявым пальцем по доске водит, рассказывает.

— Так, — говорит всадник, — это я всё понял. А вот почему тут первая корова как корова, вторая будто пополам разорвана, а третья опять целая?

— Эх! — рассердился крестьянин. — Я-то думал, ты умный. Неужто не разумеешь? Не три это коровы, а одна корова. Моя корова. Вот она. Ну, а помещик сказал, будто корова наполовину его. Так тут и вырезано. Посуди сам, добрый человек, мыслима ли такая несуразица? Видно, и сам помещик это сообразил. Потому что угнал не половину коровы, а всю целиком — с хвостом, с задними копытами и с выменем, что нас с женой молочком поило. Вот он её за рога ведёт.

— Ну что ж! Тащи свою жалобу королю, — сказал всадник. — А мне пора. Поскачу догонять своих. Как бы лисицу не упустить!

— Доброй тебе охоты! — пожелал крестьянин.

— И тебе удачи! — сказал всадник и повернул коня.

Долго ли ещё брёл крестьянин, коротко ли, а на закате пришёл к королевскому замку.

Перед замковыми воротами стража стоит, с блестящими топориками, с острыми пиками. Скрестились перед крестьянином две пики, топорики над его головой поднялись.

— Куда прёшь, деревенщина?

— Своему королю жалобу несу, — отвечает крестьянин.

Тут прибежал какой-то ещё, видно — старшой. Зычным голосом распорядился:

— Того, что с доской, пропустить!

Повели крестьянина ходами-переходами и привели в большой зал.

Что за красота в том зале! Тысяча свечей да сотня факелов. Везде позолота, всё блестит. А одежды на придворных прямо сверкают. Крестьянин даже глаза зажмурил. Потом приоткрыл глаза и увидел короля.

Сидит король на покрытом парчой кресле. Золотая корона на голове, белая мантия, подбитая горностаевым мехом, до самого пола спускается. Настоящий король, ни с кем не спутаешь.

Бухнулся крестьянин на колени, деревянная его жалоба об узорные каменные плиты стукнулась.

Министры, что стояли по сторонам королевского кресла, даже вздрогнули. А король милостиво спросил:

— С чем, братец, к нашему величеству явился?

— Да вот, твоё королевское величество, жалобу принёс.

— Ну, показывай твою жалобу.

Крестьянин свалил доску с плеч, положил на пол.

— Вот, — говорит, — здесь про все мои обиды рассказано.

— Так, так, — сказал король и чуть-чуть привстал, чтобы лучше жалобу рассмотреть.

Тут перед самым носом крестьянина зазвякало что-то. Глянул он и увидел: диво — не диво, чудо — не чудо, а жёлтые сапоги со шпорами.

«Эге! — подумал крестьянин, — эти сапоги я уже сегодня видел».

Король сказал:

— А ну, паны министры, покажите свою смекалку, разгадайте деревянную загадку. Вот хоть с тебя начнём, пан министр вкусных кушаний.

Выкатился вперёд кругленький человечек на коротких ножках. Будто пивной бочонок на низеньких козлах. На толстой шее — цепочка, на цепочке болтаются золотая ложка и серебряный ножик. Глянул на доску и всплеснул руками.

— Ах, ваше королевское величество! Какая же это жалоба? Это прошение к вашей милости. Пусть сам король соблаговолит посмотреть. В этом углу вырезан пирожок. С какой начинкой, неизвестно. А в том углу большой торт, нарезанный на сто кусков. И ещё проситель хвастает, что может из одной коровы изготовить десять блюд. Вон сбоку десять зарубок. И просит он взять его поваром на вашу кухню. Да где ему, тёмному, тягаться с нашим придворным поваром. Наш повар такие блюда готовит, что ешь и не знаешь, что ешь. То ли кислое, то ли солёное, то ли сладкое. А этот разве что в кухонные мужики сгодится. . .

Крестьянин от удивления только рот раскрыл — вон как всё перевернуть можно!

А король улыбается и мужику знак подаёт, чтоб молчал.

— Ясное дело, у министра вкусных кушаний одни кушанья на уме! — закричал другой министр.

— Хорошо, — сказал король, — послушаем тебя, министр удачной охоты.

Министр удачной охоты пошевелил усами, прямыми и длинными, что пики, и шагнул к доске. Одним глазом глянул и вскричал:

— Ваше королевское величество, велите немедля трубить сбор, брать на сворки собак! Рогатый дракон бесчинствует в нашем королевстве. Да не простой, а такой, что хоть пополам его разруби — обе половинки тут же срастутся. Десять человек он уже сожрал. Большой дом разломал на сто кусков. Поспешим, пока дракон ещё бóльших бед не натворил. Вот это будет настоящая королевская охота!

И усатый министр поднёс было к губам охотничий рог, с которым не расставался, даже когда ложился спать.

Крестьянин испугался: «Ну, ещё дракона какого-то придумали! Чего доброго, нагрянут в наши края, моё поле до последнего колоска вытопчут!»

А король засмеялся.

— Погоди, не спеши, — сказал он министру удачной охоты. — Может, ещё кто из моих умников своё веское слово своему королю скажет.

— Умные, ваше королевское величество, до поры до времени молчали, — заговорил высокий и тощий, как жердь, министр.

Глянул на него крестьянин и подивился — надо же так вырядиться: длинный, чуть не до полу, чёрный кафтан с широкими рукавами расшит какими-то белыми знаками, на голове синяя остроязычная шапка, вся утыканная золотыми звёздами.

«Его бы на мой огород, — подумал крестьянин, — то-то вороны перепугались бы!»

А тощий министр вперил глаза в доску, смотрел, смотрел и вдруг воздел руки к потолку.

— О ваше королевское величество! Воля самих небес водила рукой этого тёмного человека. Нет, нет, тут нельзя ошибиться! Светлы звёзды, но тёмен смысл их прорицаний. Десять ночей — десять зарубок. И что толку? Что, я вас спрашиваю, ваша королевская милость, толку?

— Пока и я не вижу толку в твоих словах! — прервал министра король.

— Где дракон? Какие кушанья?! — нёс своё министр. — Три знака Зодиака, вот что мы видим тут — Овен, Козерог, Телец, предвещающие ужасные беды. Но, ваше королевское сияние, я недаром министр благоприятных предсказаний. Стоит обойти доску с другой стороны — и всё получается наоборот! Удача сопутствует королю! Урожай во сто раз богаче посева! Благоденствие! Десять лет без войны!

— Какой овен? Какой козерог? — визгливо закричал толстяк — министр вкусных кушаний. — Коровы это, ваше королевское величество!

— Не коровы, а дракон! — завопил усач.

— Не коровы, не дракон, а созвездия!

И министры чуть не передрались.

— Утихомирьтесь, господа! — прикрикнул на них король. — Приподнимите-ка доску, я сам посмотрю, что там сказано.

Все три министра — вкусных кушаний, удачной охоты и благоприятных предсказаний, — кряхтя, ухватились за края доски и поставили её стоямя перед королём.

Взглянул король на деревянную жалобу, сперва нахмурился, потом улыбнулся и наконец заговорил:

— Да тут целая история. Каждый из вас, господа министры, своё прочитал, да не то, что написано. Теперь меня послушайте. Живёт этот добрый человек в маленькой халупке на краю поля. Вот его поле, а вот и домишко. А напротив живёт помещик — в доме на сто комнат. Так ли я сказал? — спросил король крестьянина.

— Так, так, твоя королевская милость, — закивал крестьянин.

— А много ли твоя корова даёт молока?

— Да ведь как накормишь, — сказал крестьянин.

— Ясно. На меже трава хорошая. Ведь из-за межи-то у тебя спор с помещиком и вышел?

— Из-за неё, из-за неё.

— Говоришь, отобрал он у тебя корову?

— Истинно твоё слово. Отобрал. Да ещё десять палок дал в придачу.

— Вижу, вижу, — сказал король, — вот они, десять зарубок. Те зарубки не только на доске, на твоей спине ещё горят.

— Спервоначально горели, твоя королевская милость, теперь только чешутся.

Король засмеялся:

— А мы своей королевской волей сделаем так, чтобы твой пан себе затылок почесал. Иди домой, а раньше, чем дойдёшь, пан помещик наш указ получит. Даст он тебе вместо одной коровы — десять. Да землицы прирежет от своих угодий десять десятин. Что ты на это скажешь?

— Скажу, что здесь два умных человека — я да ты. А остальные все дурни — простую жалобу толком прочесть не сумели. И зачем только ты их держишь?

— Сам не знаю зачем, — ответил король. — Так уж у нас, королей, положено.

Крестьянин поклонился королю, взвалил свою жалобу на спину и отправился восвояси.

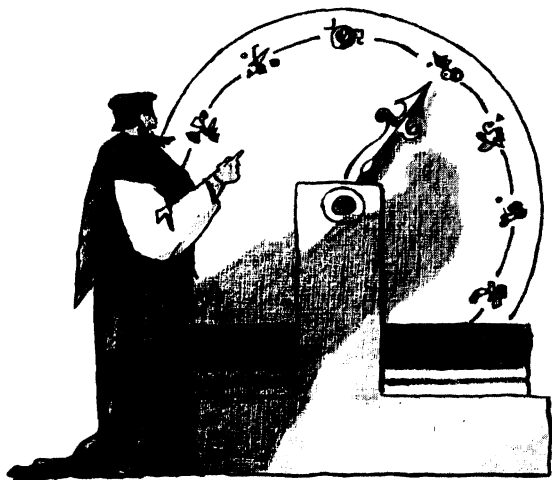
Шёл и радовался. А как дошёл до лесной полянки, где с охотником повстречался, остановился и подумал:

«Одного не понимаю: почему король после охоты сапоги со шпорами не сменил? Верно, у него, бедняги, как и у меня, второй пары нет».

СКАЗАНИЯ О КРАБАТЕ

Лужицкая сказка

МЕЛЬНИЦА У ЧЁРНОГО ХОЛМА

Жил в одном селении в Верхних Лужицах мальчик по имени Крабат. Были у него мать да отчим. Хоть и не родной отец, а не хуже родного, добрый человек попался, ничего не скажешь. Только не везло им, бедно они жили. Вот Крабату и пришлось с малых лет по людям работу искать, а коль работы не находилось, так под чужими окнами кусок хлеба просить.

Как-то раз бродил он, бродил по дорогам, и донесли его ноги до Чёрного Холма, где стояла водяная мельница. Слышал Крабат про эту мельницу, про её хозяина недоброе. Говорили, будто тот мельник колдун и чернокнижник, нечистые дела там творятся. Да ведь голод не тётка! И Крабат — парнишка не из пугливых.

Мельник хорошо его принял, накормил, напоил, расспросил, кто он, откуда да сколько лет. А Крабату как раз четырнадцать сравнялось. Услышал это мельник и говорит:

— Не хочешь ли ко мне в ученики-подмастерья? Есть у меня одиннадцать учеников, двенадцатого не хватает. Сыт будешь, одет, и учить тебя стану тому, чему никто другой не научит.

Крабат за один хлеб готов был работать, а тут ещё и в науку берут. Не раздумывал парнишка, сразу согласился.

Мельник говорит:

— Запомни: я тебя не принуждал, не заставлял. Ты сам по

доброй воле ко мне пришёл. С этого дня, с этого часа ты мне душой и телом предаёшься. И должен ты мне в том расписку дать и своей кровью подписаться.

Вот тут Крабат призадумался. Значит, не даром дурная молва про мельника идёт. Жутко ему стало. Надо, думает, с мельницы убираться, пока цел. Да как раз в ту пору в дверь кошка прокралась, в зубах у неё воробушек. Принялась она его есть, и увидел Крабат, что капелька крови на пол упала. Живо смекнул наш паренёк, что к чему.

— Неси, — говорит мельнику, — свою бумагу. Дам тебе расписку, какую потребуешь.

Пока мельник за бумагой ходил, Крабат обмакнул свой палец в воробьиную кровь. Этой кровью и расписался.

Так он в первый раз колдуна перехитрил.

Зажил Крабат на мельнице, сказать хорошо — не скажешь, сказать плохо — язык не повернётся. Товарищи-подмастерья весёлые, хорошие. Ест Крабат досыта, спит вволю, и ученье ему нравится, хоть и обучали тут не мукомольному да крупорушному делу, а тайному чернокнижному ремеслу. Мельник-чародей нахвалиться новым учеником не мог — так на лету и схватывает, все колдовские штуки мигом перенимает.

Крутятся жернова на мельнице, зерно мелют, и время перемалывается — неделя за неделей, месяц за месяцем. Скоро год Крабатову ученью минет.

Видит Крабат — что-то примолкли его друзья подмастерья, песни не поют, шутки не шутят. Стал Крабат у них выспрашивать-выпытывать, а они будто воды в рот набрали. Да от нашего парнишки так быстро не отвяжешься. Ну, один из них ночью тайком от всех вот что ему рассказал.

Раз в году собирает колдун-чернокнижник своих учеников вокруг большого мельничного колеса, а на том колесе нарисована стрела и тайные колдовские знаки. Раскрутит хозяин колесо, оно покрутит, покрутит и остановится. И на кого стрела укажет, тот наутро куда-то без следа исчезает. Куда девается, что с ним делается — никому неведомо, остаётся одиннадцать подмастерьев, хоть считай, хоть пересчитывай. И тогда мельник-чародей берёт себе нового ученика. Скоро тот страшный срок наступит, потому и невеселы друзья-товарищи.

Услышал это Крабат и подумал:

«Э, видно, пора уносить отсюда ноги!»

Правдой-неправдой отпросился он у хозяина на денёк домой, родных навестить. Отпустил его мельник.

Мать ему обрадовалась, не знает, куда усадить, чем попотчевать. Да недолго радовалась: узнала, где он год пропадал, кто его хозяин, — испугалась, расплакалась. Крабат ей говорит:

— Не плачь, матушка, лучше выслушай меня. Ты одна можешь вызволить меня, от беды спасти.

И научил её, что делать.

Вернулся Крабат на мельницу как ни в чём не бывало, хозяина слушается, во всём ему покорен.

Через три дня залаял на мельнице чёрный пёс, заухала сова на чердаке — почуяли, что Крабатова мать пришла. Просит она мельника сына отпустить.

Мельник отвечает:

— Будь по-твоему. Нет такой силы, чтоб была сильнее материнской любви. Коль узнаешь сына среди других учеников, отпущу его с тобой.

Привёл он её в тёмную комнату, а там сидят на жёрдочке двенадцать воронов — все, как безлунная ночь, черны, у всех двенадцати крылья синим отливают, у всех в левую сторону клювы повернуты.

— Вот, — сказал мельник, — если вправду так велика материнская любовь, найди, угадай, который твой сын.

Смотрит мать во все глаза. Схожи меж собой вороны, словно из одного гнезда вылетели. Где тут угадать?! Вдруг один ворон клювом под правым крылом почесал.

Вспомнила мать, что ей сын наказывал, смело на того ворона показала.

— Вот моё дитя, что я под сердцем носила.

— Верно ли ты говоришь, я и сам не знаю, — отвечает мельник.

Дотронулся до ворона, заклинание выговорил, и стал перед ними не чёрный ворон, а юный Крабат, его любимый ученик.

Заскрипел чародей зубами, но делать нечего. Пришлось отпустить Крабата.

Так Крабат от мельника спасся. Да не только сам невредим ушёл, а ещё главную чародейскую книгу тайком с собой унёс. А какая сила у чародея без той главной чёрной книги? Разве полсилы осталось! И поклялся чародей извести молодого Крабата, сделался его врагом не на жизнь, а на смерть.

Дома застал Крабат старых неотвязных постояльцев — беду с нуждой. Денег ни гроша, хлеба ни крошки, даже соли маловато, а картошка без масла, без соли только горло дерёт. Не к такой еде привык Крабат на мельнице.

Вот и говорит он однажды отчиму:

— Хочешь не хочешь, а придётся мельникову науку в ход пустить. Завтра в Кулеве весенняя ярмарка, скота на продажу нагонят много. Обращусь я в тучного вола, а вы меня на ту ярмарку ведите. Только не продавайте доброму человеку, продайте злomu да хитрому каменецкому купцу. И просите подороже. Одно запомните — постромки себе оставьте, не то не смогу я принять человеческий облик, волом на убой к мяснику попаду.

Сказал так и вышел из хаты. Мать и отчим за ним выбежали. Видят — стоит во дворе вол, красивый, сытый, рога разлогие, копыта клешнятые. Мать плачет, отчим страшится, да делать нечего. Повели вола на торг в Кулево.

Купцы, как увидели того вола, чуть меж собой не передрались, цену друг перед другом набивают. Столько денег отвалили, сколько отчим и в жизни не видывал. Припрятал он деньги получше, постромки через плечо перекинул и домой отправился.

А купцы погнали вола в Каменец. По дороге остановились в корчме, по обычаю добрую покупку обмыть да перекусить малость. Вола поставили в хлев, сами сели за стол угощаться. Пьют, едят, потом и про скотину вспомнили. Велели служанке задать волу корму.

Вот входит служанка в хлев с охалкой сена. А вол нагнул рогатую голову, поклонился. И вдруг сказал человеческим голосом:

— Спасибо тебе, но сена я не люблю. Принеси-ка мне лучше жареного мяса пожирней.

Испугалась девушка, сено рассыпала, бросилась со всех ног вон из хлева.

Вбежала в корчму и заголосила:

— Ой, не пойду я больше в хлев! Не просите, не приказывайте! Там ваш вол по-человечьи говорит, сена не хочет, жареного мяса просит.

Смеются купцы — надо же! Такое девке причудилось!.. А тот, что вола купил, забеспокоился всё же, встал из-за стола, в хлев пошёл.

Едва дверь приоткрыл, взвилась над его головой ласточка. А вола будто и не бывало.

Быстро ласточка острыми крыльями машет — это юный Крабат домой спешит. Раньше отчима поспел. Ударился о землю — сам собой стал.

Хорошо зажили. Только всему конец приходит, кончились и деньги, что за вола получены. Тут как раз осенний торг наступает. Опять говорит Крабат отчиму:

— Теперь поведёшь на торг в Кулево не вола, а ретивого коня. Смотри, однако, уздечку не отдавай.

Как задумал Крабат, так и сделал. Обернулся ретивым конём, копытами бьёт, шея крутая, бока серебром отливают. Не конь, а загляденье!

Добрался отчим до Кулева. Купцы, завидев коня, толпой его окружили. Спорят друг с другом, цену набивают. Пока купцы меж собой бранились, какой-то почтенный старик с седой бородой всех растолкал и кинул хозяину кошель с золотом. Никто и опомниться не успел, как вырвал он из рук отчима уздечку, вскочил на коня и ускакал.

Отчим кричит:

— Отдай уздечку! Без уздечки конь продаётся!

Да куда там! Скрылся из глаз старик, только облако пыли клубится.

А был это не простой старик — смертный Крабатов враг, чернохолмский мельник.

Натерпелся тут Крабат и страху, и боли. Гнал его старик по полям и лесам, по кустарникам и терниям, плетью нещадно крутые бока хлестал.

Наконец прискакали они к закопчённой кузне на краю какого-то села. Спрыгнул чернокнижник с коня, привязал его к коновязи и говорит кузнецу:

— Конь у меня молодой, ни разу не кованный. Подкуй его раскалёнными подковами.

Удивился кузнец, пожалел коня, да смолчал: кто скрипача нанял, тот и музыку заказывает. Пожал плечами и сказал:

— Входи, пан, в кузницу, выбери сам подковы.

А пока чародей с кузнецом подковы выбирали, конь повернул голову и сказал кузнецову парнишке, что рядом крутился:

— Сними с меня узду через левое ухо!

Послушался мальчик, снял узду. Только снял и рот от изумления открыл — исчез конь, будто в воздухе растаял. А над головой парнишки жаворонок звонкую песенку запел.

Вышел из кузницы чернокнижник, глянул на коновязь — нет коня! Услышал жаворонковы переливы — мигом понял, в чём дело. Стал ястребом, взвился выше жаворонка. Но жаворонок сложил крылья и пал камнем вниз, прямо в глубокий колодец. Нырнул в тёмную воду, оборотился серебристой рыбкой. Ястреб в небе кругами ходит, хочет в колодец броситься, да не может: как раз в ту пору молодая девушка над колодцем наклонилась воды набрать. А рыбка подпрыгнула, сделалась золотым колечком, и наделось

то колечко на палец девушке. Девушка обрадовалась, залюбовалась колечком, домой спешит матери похвастаться.

Вдруг, откуда ни возьмись, стал перед ней старик с белой бородой. Просит продать колечко, улещает девушку, серебро и золото ей сулит. Она и слышать не хочет, так ей колечко понравилось. А силой взять чародей не может: как над материнской любовью нет ему власти, так и над девичьим сердцем.

Вошла девушка в дом и скоро назад вышла с фартуком, полным зерна — кур кормить. Незаметно соскользнуло с её пальца колечко и упала на землю зёрнышком. А злодей чернокнижник тут как тут, петухом среди кур красуется, землю гребёт, наставил клюв, чтобы то зёрнышко склевать. Мигом зёрнышко лисом обернулось. Схватил лис петуха острыми зубами и разорвал в клочья. Вот и конец пришёл колдуну с Чёрного Холма.

Потом рассказывали люди, что в тот день, в тот час занялась мельница огнём, костром вспыхнула, дотла сгорела. А мельниковы ученики, все одиннадцать, по белому свету разбежались-рассеялись.

Ну, а Крабат к матери и отчиму вернулся. С той поры в их доме во всём удача была. Землицы прикупили, скотинку завели. Крабат во всём отцу с матерью помогал.

КРАБАТ И КОРОЛЬ

Пас однажды молодой Крабат на лугу стадо свиней. А мимо ехал король Саксонский Август Сильный в золочёной карете. И что тут Крабату на ум пришло, только выстроил он всех свиней в ряд и дал им команду. Стали свињи, как одна, на задние ноги, словно свечки, и все королю честь отдали. Остановил король карету, за бока от смеха схватился. Хохотал, хохотал, а потом велел Крабату стать на запятки кареты и повёз его к себе во дворец. Не долго думая, пристроил он его поварёнком на королевскую кухню, да и забыл про парнишку — мало ли у короля дел?!

Повара, само собой разумеется, не спросили, нужен ли ему поварёнок, да ещё такой, который всюду суёт свой нос. Невзлюбил повар Крабата.

Король Август Саксонский весёлый был человек, любил гостей, любил пиры задавать.

Как-то назвал он к себе разных вельмож на обед. Королю веселье, а повару королевскому хлопоты. Суетится он, цыплят жарит, тесто на клёцки режет. Забот невпроворот. И тут подвернулся ему

под горячую руку парнишка, юный Крабат. Ни в чём тот не провинился, а получил такую затрещину, что искры из глаз посыпались. Ясно, не мог Крабат такое даром спустить.

Вот настал час обеда. На серебряных блюдах под золочёными крышками несут слуги кушанья. Приподняли крышку с блюда с жареными цыплятами, а оттуда поскакали по столу проворные лягушата. Открыли блюдо с клёцками, а там вместо клёцок улитки ползают. А что ещё увидели вельможи в своих тарелках — тьфу! — они не вспоминают, и мы не станем.

Все за столом словно окаменели. Король в гневе хватил кулаком по столу, велел привести повара на расправу. Клялся, божился повар, что нет тут его вины. Да король и слушать ничего не хотел, кричит одно: дать негодюю пятьдесят ударов плетью! А повар своё: ни сном, ни духом не повинен, как такое случилось — не знает, не ведаёт.

Тут вдруг припомнил король деревенского парня-штукаря с его свиньями. Захохотал, отпустил повара с миром и кликнул Крабата. Глянул на лукавую его ухмылку и пуще засмеялся. Куда и гнев пропал! Бросил ему три золотых монеты и велел убираться прочь.

Крабат не печалился, эта беда ему волос не побелила.

Да не долго ему пришлось дома погостить. Однажды ночью, как водилось в нашем отечестве, явились саксонские гвардейцы, оцепили деревню, а когда рассвело, похватали молодых парней и забрали в солдаты. Ну, и Крабат среди тех парней оказался. Надели на него мундир, мушкет в руки сунули и зачислили в дрезденский пехотный полк.

А на ту пору саксонское королевство вело войну с турками. То одни верх берут, то другие, — переменно военное счастье! И случилось так, что сам король Август Сильный попал к туркам в плен. Приставили к нему турки стражу, глаз не спускают ни днём, ни ночью.

Саксонские генералы растерялись, от войска позор скрыли. Засели в шатре, держат совет, как короля выволить, что придумать — не знают.

Вдруг откинулся полог шатра, явился молодой мушкетёр и говорит:

— Как ни судите, как ни рядите, а без меня вам не обойтись.

— Пошёл вон! — кричат генералы.

А Крабат, — вы уж, верно, догадались, что это был наш Крабат! — смело дальше речь ведёт:

— Мы с королём старые знакомцы. Если я его не вызволю, никто не вызволит.

Переглянулись генералы — делать нечего, приходится соглашаться.

— Ладно, дозволяем тебе, поступай как знаешь. А не освободишь короля, не сносить тебе головы на плечах.

— Моя голова крепче вашей к шее привинчена, — дерзко ответил Крабат, повернулся к генералам спиной и вышел из шатра.

— Эй, — закричал он зычным голосом, так что эхо отдалось по всему лагерю, — подать мне самого лучшего коня!

Подали коня. Крабат вскочил на него и поскакал.

Только лагерь из глаз скрылся, взвился конь в воздух, полетел, как копьё, пущенное сильной рукой.

По земле бы скакать да скакать до турецкого обоза, где король Август в плену томился. А тут и часу не прошло, как очутился Крабат на месте.

Туркам он не виден, а королю открылся. Король его сразу признал:

— Не ты ли тот свинарь-штукарь, что повара чуть под плети не подвёл?

— Так точно, ваше королевское величество, я самый.

— Выходит, ты прискакал со мной горький плен делить?

— Никак нет, ваше королевское величество. Хочу с вами сладкую свободу делить. Прыгайте скорее на коня, держитесь покрепче за полы моего мундира да ничему не дивитесь, ни о чём не спрашивайте.

Послушался король простого солдата, ухватился за полы его мундира, как дитя за юбку няньки. Крабат гикнул на коня, и конь взвился в воздух.

Только тут турки спохватились, что знатного пленника не устерегли. Вот сейчас был здесь, сидел пригорюнившись на походной скамеечке... Скамеечка стоит, а пленника нет. И стража ничего не видела, не слышала... Ох, не обошлось это дело без колдовства! Вспомнили турки, что у них при войске свой колдун есть. Призвали его, велели пленника хоть под землёй, хоть над облаками разыскать и обратно доставить.

А король Саксонский, и правда, повыше тучи, пониже облака со своим солдатом летел. Несутся, несутся, вдруг Крабат говорит:

— Оглянитесь, ваше величество, мне оглядываться не положено. Нет ли за нами погони?

Король Август сказал:

— Никого за нами нет. Только какая-то птица чёрной точкой виднеется.

— Ох, ваше королевское величество, это и есть погоня! Не уйти нам, тяжело коню двоих нести. Оглянитесь опять, не наступают ли нас?

Король Август отвечает:

— Уже разглядеть можно! Это большой ворон с железным клювом, с когтистыми лапами. Вот-вот мне в плечи вцепится.

— Оторвите скорей серебряную пуговицу с вашего кафтана.

Король ничего не спрашивает, ведь теперь он как солдат, а Крабат его командир. Оторвал пуговицу, отдал своему спасителю. Крабат зарядил мушкет пуговицей, опёр дуло о плечо своего короля да так, не оглядываясь, и выстрелил.

Жалобно закричал смертельно раненный ворон и стал падать сквозь тучи всё вниз и вниз.

Тут вдруг заплакал Крабат горячими слезами, стонет, всхлипывает.

— Что с тобой? — спрашивает король. — Радоваться надо, ведь мы от погони избавились.

— Ах, ваше королевское величество, я своего друга застрелил. Я его по голосу признал. Вместе мы науку проходили у чернохолмского мельника, и не было среди всех учеников-подмастерьев лучшего товарища. Горе мне, горе! Не ждал, не гадал, что от моей руки он погибнет...

Так сетовал и жаловался Крабат. Король утешал его, как мог, а конь нёсся всё дальше и дальше и опустился прямо перед генералами саксонского войска.

Что тут за ликование началось! Пушки в честь короля палят, солдаты «ура» кричат громче пушек. А Крабат послушал-послушал и пошёл исполнять свою мушкетёрскую службу.

На войне долго не посприрадуешь. Пора опять за ратные дела приниматься! На генералов у короля надежды мало, какой с них толк, если они допустили, чтобы король в плен попал...

Вот и призвал Август того, кому верил, как самому себе.

— Слушай, Крабат, надо бы вызнать, что турки задумали, какие хитрости замыслили.

— За чем же дело стало? — отвечает Крабат. — Пошли меня, я всё разузнаю, выведаю.

— Оно бы хорошо, да не совсем. Ты, Крабат, не обижайся — и хитёр ты, и умён, а в науке военной всё же не разбираешься. Не можешь ли ты так сделать, чтобы я сам невидимкой там побывал?

— И ты, король, не обижайся, — говорит Крабат. — У нас с тобой как получается: ты думаешь, что я в военной науке мало

смыслу, а уж ты моей чернокнижной науки и близко не нюхал. Выходит, что нам с тобой вместе приходится отправляться.

— Тем лучше! Вдвоём веселее будет.

Ну, понеслись на том же коне и опустились на землю не близко и не далеко от турецкого лагеря. Оставили коня пастись, а сами по велению Крабата обернулись мухами. Летят, жужжат — это Крабат королю втолковывает:

— Смотрите, ваше королевское величество, не коснитесь ненароком чего-нибудь серебряного. Серебро любой колдовской силе препона.

Вот влетают две мухи в султанский шатёр. Да как раз вовремя! Султан со своими советниками сидят на коврах, поджав ноги, военный совет держат.

Мухи на потолок вверх лапками, вниз головой уселись. Слушают. Все вражеские замыслы перед королём открылись. От радости зажужжал король и закружился по шатру кругами. И надо же такому случиться! Задел он крылышком пряжку на султанской чалме. Мигом не стало мухи — очутился перед султаном король Август своей персоной. Султан и моргнуть не успел, как вторая муха ударилась о султанову пряжку, и вырос рядом с королём молодой бравый мушкетёр.

Турки от изумления словно окаменели. А Крабат схватил за руку короля — и вон из шатра. Ну и улепётывали они! Не хуже оленей, за которыми свора борзых гонится.

Турки за ними, конечно, вдогон пустились, да поздно! Король с Крабатом успели вскочить на коня и взвиться в воздух.

Тут султан и сказал своим военачальникам:

— Не будет нам удачи в этой войне!

И запросили турки мира.

Так войне и конец пришёл. С торжеством и победой вернулись саксонские войска к себе домой.

Вот призывает король Крабата и говорит:

— Слушай, Крабат! В дни войны был ты мне верным другом, честь мою оберёг и жизнь спас. Так знай же, что в дни мира не будет у тебя лучшего друга, чем король Август Сильный. Сделаю я тебя первым министром, моим главным советником.

— Нет, ваше королевское величество, — отвечает Крабат. — Министры меня всё равно слушать не станут, а король совета спрашивает, когда сам захочет. Под руку ему говорить, так вместо милости, того и гляди, в немилость попадёшь. Уж такой у королей обычай.

Засмеялся король.

— Ну, хочешь генералом стать?

— В войну не был генералом, а теперь-то уж вовсе ни к чему.

— Так возьми из королевской казны золота, сколько унесёшь.

— За золотом пускай купцы гоняются, их это дело.

— Ох, и несговорчивый же ты, Крабат! Скажи тогда сам, какой награды желаешь?

— Подарите мне, ваше величество, землицы немного, чтобы от вас не далеко и от ваших придворных не близко. Вот хоть имение казны королевской в Верхних Лужицах — Большие Эдзяры, что над озером под Войерацами.

— Эх, Крабат, Крабат, — махнул рукой король, — неужели ничего лучшего, чем эта утиная лужа, попросить не мог?! Ну, коли так, будь по-твоему. Дарю тебе её навечно. А от себя награждаю вот чем: когда бы ты ко мне ни пожаловал, всегда садись за столом рядом со мной по правую руку.

Так стал Крабат эдзярским паном.

Поначалу затряслись эдзярские крестьяне. Королевская казна их обирала, а при пане жить ещё хуже, того гляди он и ту шкуру сдерёт, что под содранной наросла.

Но Крабат сам хлебнул крестьянской доли, все беды да горести хорошо помнил. Взаясь хозяйничать — для людей больше, чем для себя, старался. Гнилые болота осушил, а воду с них пустил по канавам на засушливые поля. Умел Крабат своей чудесной черно-книжной наукой, когда надо, дождь призвать, град отвести, бурю унять. Тучные урожаи начали собирать крестьяне, паном не хвалятся.

Крабат в своём имении хозяйничал и короля не забывал. Частенько велит кучеру запрячь коней в карету и мчит по Эдзяре к Дрездену. Путь не близкий — от Эдзяр до Каменца, от Каменца до королевской столицы... Но Крабат так ездил: в одиннадцать выедет, в двенадцать карета перед дрезденским замком останавливается — как раз к обеду поспевал.

Король встречал его как лучшего друга, по правую руку сажал. Когда совета спросит, когда просто так беседует. Министры да придворные на Крабата косятся, а сказать ничего не смеют.

Шли годы. Крабат уже не молод, и король к склону лет близится. Девятнадцать годов так протекло, а на двадцатый вот что случилось.

Сидел Крабат в своём имении, и начала его к вечеру тоска томить, такая тоска, что места себе не находит. С чего бы, думает? В имении всё ладно, в хозяйстве орехов нет, с королём тоже... А вот ладно ли с королём?..

Развернул Крабат свою заветную волшебную книгу, что похитил когда-то у чернохолмского чародея, поставил над ней внаклонку зеркало, смотрит и слушает. Такое увидел, такое услышал, что волосы на голове зашевелились, по спине мороз пробежал.

Двенадцать самых близких королю придворных замыслили чёрное дело — своего короля убить. Сегодня за ужином поднесёт ему виночерпий чашу с отравленным вином.

Глянул Крабат на часы — всего полчаса до королевского ужина остаётся. Не поспеть Крабату! А надо поспеть!

Крабат вскочил, закричал страшным голосом, чтоб скорей карету закладывали. Выбежал на крыльцо, а уж кучер на облучке сидит, натянутые вожжи перебирает.

— Сегодня мы иначе поедем, — приказал Крабат. — Ты на моё место в карете садись, я сам лошадьми править буду.

Кучер в карету пересел.

«Мне ещё лучше, — думает, — подремлю дорогой».

Да не тут-то было. Гикнул Крабат на коней, те как бешеные рванулись, вскачь понеслись.

Вот уже деревня позади осталась. Впереди крутой поворот — на Каменец пойдёт дорога. Глянул кучер в окно кареты — ёкнуло у него сердце: прямо перед ними скала высится. Позабыл он, кто слуга, кто господин.

— Держи вправо, негодник! — закричал Крабату. — Сейчас разобьёмся!.. — И глаза зажмурил.

А когда открыл, неслись они уже по воздуху над тёмными скалами, над быстрыми ручьями.

Вот над Каменцем пролетают. Вдруг трянуло карету — это они зацепились за колокольню каменецкого собора. Говорят, с тех самых пор на этой колокольне крест и покосился.

Крабат не оглядывается, хлопает бичом, коней торопит.

Вот и дрезденский дворец. Спустил Крабат коней с каретой, грянули копыта о каменную мостовую, искры высекали. А Крабат по широкой лестнице бежит. Вбежал в пиршественную залу.

Как раз вовремя! Изменник-подचाший королю в тот миг серебряный кубок с отравленным вином подносит. А злодеи-заговорщики ждут, чтобы король то вино отведал.

— Остановись, король! — громовым голосом закричал Крабат. — Кто вино тебе поднёс, пусть тот и выпьет.

Удивился король, но послушался Крабата. Велел подчашему выпить вино. Побледнел тот, стал белым, словно полотно. Однако делать нечего. Только пригубил — и пал без дыхания.

Повскакивали тут из-за стола заговорщики, бросились бежать.

Король, конечно, снарядил погоню. Да куда там! Нечистая совесть так их гнала, что бежали они, будто у них под ногами земля горела.

Так в третий раз Крабат спас жизнь королю.

Долго ещё жил Крабат, старея понемногу. А как сравнялось ему восемьдесят лет, почувал, что смерть у порога.

Кликнул он слугу, дал ему свою чародейскую книгу и велел бросить её со скалы в глубокий омут.

Пойти-то слуга пошёл. Как хозяина послушаться? Постоял на скале, размахнулся... И тут у него рука будто сама опустилась.

«Рыбам эта книга не нужна, а мне после смерти господина согдится. Будет у меня и власть, и богатство. Я получше, чем Крабат, сумею жизнь прожить. А он без книги про то и не узнает!»

Припрятал слуга книгу и домой вернулся.

— Бросил? — Крабат его спрашивает.

— Всё в точности исполнил, как вы велели, — отвечает слуга.

— И что вода тебе сказала? Как скалы откликнулись?

Молчит слуга.

Покачал Крабат головой.

— Вот послушай меня. Стоял ты на скале и думал, что я плохо жизнь прожил, а ты лучше проживёшь, наколдуешь себе богатство и славу. И сразу первое зло сделал — мне солгал. Волшебство, как любую силу, на две стороны повернуть можно. Пускай лучше та книга никому не достаётся.

Ни слова не говоря, кинулся из дома слуга, побежал на скалу и бросил книгу в глубокий омут.

Загудели, застонали скалы кругом, дрогнул под ним утёс, словно громадным молотом о его подножие ударили. А вода закрутилась, зашипела, как тысяча разъярённых змей, и приняла книгу в свои тёмные глубины.

Теперь слуга с чистой совестью вернулся.

А старый Крабат лежит, умирает. Домочадцы у изголовья толпятся, крестьяне у ног стоят.

Вдруг приподнялся Крабат и сказал слабым голосом:

— Сослужите мне последнюю службу. Пусть выйдет кто-нибудь да на кровлю смотрит. Если сделал я за свою жизнь больше зла, чем добра, будет сидеть на коньке крыши чёрный ворон. А если добра больше — светлая птица.

Выбежали трое, смотрят вверх на высокую кровлю.

В этот миг умер старый Крабат. Запели стоявшие у его смертного одра похоронную песню. А с крыши взлетел белый лебедь. Выше, выше — и растаял в синем небе.

СТРАШНАЯ КОШКА

Лужицкая сказка

Стояла Кузликковская мельница над глубоким омутом. Рыбы там водилось видимо-невидимо. Рыба — это хорошо! Так ведь в том омуте ещё водяной жил. И это бы ничего — водяной так водяной! Да вот повадился он каждое утро на рассвете на мельницу являться. Ему, видишь ли ты, сырая рыба опротивела.

Застучит в дверь, мельника разбудит.

— Здорово, мельник! — кричит.

Мельнику спать охота, да с водяным лучше не ссориться.

— Здорово, гостенёк! — отвечает. — Милости просим!

— Ну, так я пойду на твою крупорушку, рыбу варить.

Надоел — мочи нет! Так бы, может, и по сей день велось. Да однажды вот что случилось.

В старину по нашему краю ходили, бывало, поводыри с медведями. Бродили от ярмарки к ярмарке. Мишка танцевал на задних лапах, всякие штуки выделывал, народ смешил. А у поводыря одна работа — денежки в шапку собирать.

Как-то попросился такой поводырь к мельнику переночевать. Отчего не пустить? Медведя на ночь в крупорушку заперли. Сами за беседой полночи скоротали. Под утро так крепко заснули, что и не слышали, как водяной заявился.

Ввалился он в крупорушку, огонь в очаге развёл и принялся уху варить. Рыбки принёс немало: двух карпов здоровенных, да трёх щурят, да ерша, да окуня, да плотвичек несколько. Дух пошёл

от той ухи по всей крупорушке. Проснулся медведь в своём углу, носом водит, нюхает. . .

Стал водяной уху хлебать, и медведь тут как тут. Запустил лапу в котёл и подцепил когтем самого большого карпа.

— Брысь, проклятая тварь! — закричал водяной.

А медведь уже карпа съел, опять лапу к котлу тянет.

«Этак и совсем без рыбки останешься, — думает водяной, — не для того ловил!»

И треснул медведя по лбу уполовником.

Рассвирипел медведь. Схватил водяного лапищами, мнёт, ломает, рыком рычит. Водяной только кряхтит да стонет. И такой они шум подняли, что мельник с поводырём проснулись, в крупорушку прибежали. С превеликим трудом поводырь своего медведя оттащил.

Водяной нырнул в омут и три месяца на мельницу носа не показывал.

Вот как-то под утро стучит кто-то в дверь, да робко так, осторожно. Выглянул мельник — водяной пожаловал.

— А что, друг, — спрашивает водяной тихонько, — живёт у тебя ещё та страшная кошка?

— Как же, — пошутил мельник, — живёт! Четырёх котят принесла. Вон они за мышами гоняются.

— Ну, тогда прощевай, хозяин! — И опять в воду ушёл.

С тех пор никто его на Кузликовской мельнице не видал. Верно, перебрался жить в другое место. Да вот беда! Не стало рыбы в том омуте. Увёл её водяной за собою.

Мельник не раз в затылке чесал — с водяным хлопотно, а без рыбки того хуже!

АИСТИНЫЙ ОСТРОВ

Болгарская сказка

от что люди сказывают, из рода в род пересказывают.

Жил-был на свете крестьянин по имени Божин. Жил со своей семьёй, не малой и не большой. Он сам да жена, да двое деток — дочка Босилка и сын Силян.

Отец с матерью в сыне души не чаяли. Кусок послаще — ему отдают. Сами на заре поднимаются, сына разбудить жалеют. Совсем забаловали. Стал Силян в школу ходить — учителей не слушается, уроков не учит. Ему бы только на речку бегать, рыбу ловить да купаться.

Отец с матерью между собой говорят:

— Крестьянский труд тяжёлый, наработается ещё. Пусть пока порезвится.

Рос-подрастал Силян, вырос красивый, ладный. А толку от него никакого ни в доме, ни в поле. Только и знает, что подбивать других парней на всякие проделки да вечерами, когда люди, наработавшись, спят, песни по селу горланить.

Тут отец с матерью призадумались: что с непутевым сыночком делать.

— Может, женим его? — говорит отец.

— И верно, — обрадовалась мать. — Женится — переменится. Сосватали ему лучшую девушку в селе, красавицу да рукодельницу, и в поле и в доме работницу.

Хоть и женился Силян, а все равно не переменился. Отец пашет, сеет, молодая жена Неда да Силянова сестра Босилка жнут,

по хозяйству управляют, мать стряпает — все при деле. Один Силян с самого утра по ярмарке слоняется с такими же, как сам, друзьями-гуляками.

Год так прошёл. Родила Неда Силян сыночка. Назвали его Велка. Тут бы Силян одуматься, да куда там — ещё пуше загулял. А вернётся к ночи — жена плачет, сестра вздыхает, мать уговаривает, отец бранит.

— Совсем житья не стало, — сказал однажды Силян. — Придёшь домой усталый, тут бы отдохнуть, а тебя поедом едят. Уйду от них. Пусть живут как хотят, и я как хочу.

И ушёл.

Далековато от их села город был, но Силян ног не пожалел, добрался до города, к постоялому двору направился. Деньги у него в ту пору ещё в кармане звенели. На этот звон и сыскались дружки, налетели, как мухи на мёд. День веселился Силян, второй пировал, а на третий и деньгам и дружбе конец.

А город — не отец с матерью, никто куска хлеба даром не даст. Стал голодать Силян. Где наймётся дров наколоть, где глину на постройку мять. Поменьше заработает — проест, побольше зарабатывает — пропьёт.

Так и бегут дни за днями. Думал Силян, в городе его весёлая, лёгкая жизнь ждёт, а тут вон как дело обернулось.

Пошёл он как-то в город Салоники. Решил свет повидать, на людей посмотреть. А в Салониках в гавани парусники толпятся, от гребных судов с длинными вёслами на воде тесно. Нанялся Силян на корабль матросом, и на следующее же утро корабль отплыл.

Не день, не два нёс их ветер и с каждым днём всё крепчал да крепчал. А посредине моря разыгралась страшная буря. Волны бросали судёнышко из стороны в сторону, играли с ним, словно кошка с мышкой. Корабль то вверх подкидывало, то вниз бросало. Сорвало руль и паруса, мачты изломало. А потом ударило судно о скалу и совсем в щепки разбило.

В тот страшный час все потонули. Одному Силян удалось спастись. Он за большую доску успел ухватиться, вполз на неё, руками-ногами вцепился.

Долго ли его носило по морю, не знал, не помнил. Дождь его сёк, солнце жгло, думал — совсем пропадёт. А всё-таки утихла буря, вынесло доску на берег и Силяна с ней.

Лежит Силян без сил на твёрдой земле, и всё ему чудится, что под ним волны ходят. Отлежался, встал и пошёл куда глаза глядят, только бы подальше от моря. Прошёл сколько-то, опять

перед ним море блещет. Повернул в другую сторону, шёл, шёл и снова к морю вышел.

«Не иначе, я на остров попал, — думает Силян. — Да живёт ли здесь кто? Что-то тут и дымком не пахнет, собаки не лают, петухи не кричат. Вдруг я один-одинёшенек на этой земле среди моря?!»

А уже ночь надвигается. Нашёл Силян небольшую пещерку над ручьём, попил водички, ежевикой, что на склоне росла, чуть голод приглушил и улёгся. Как может спать голодный, холодный человек на чужой земле с камнями под головой, так и Силян спал — всю ночь продрожал, глаз не сомкнул.

Вот когда проняло-то Силяна! Вспомнил он родное село, отца с матерью, ласковую жену с сыночком, добрую сестру. Доведётся ли опять свидеться с ними? Или так и сгинуть ему тут, на чужбине?!

Долго печальные думы думаются, а ночь ещё дольше тянется. Наконец занялась заря.

Взобрался Силян на гору, огляделся кругом. Вот радость! Внизу меж горой и холмом, в долинке, поля распаханы, а мимо полей дорога вьётся. Значит, не пустой остров, живут тут люди! Побежал по склону, словно крылья у него выросли. На дорогу ступил, зашагал вперёд.

Только обогнул холм, увидел: на лужке муж с женою сено косят. Бросился к ним Силян, да остановился.

«Как, — думает, — с ними заговорить? По-нашему, по-болгарски? Так откуда тут, на острове посреди моря, болгарам взяться! А если они турки, или греки, или ещё кто — они меня не поймут, я их не пойму. Будем переговариваться, как слепой с глухим. Однако всё же люди они, не волки, как-нибудь договоримся».

Тут вдруг женщина засмеялась, повернулась к мужу и сказала:

— Смотри, муженёк, никак Силян к нам идёт!

— И впрямь, Силян, — муж отвечает. — Каким только ветром его сюда занесло?

Удивился Силян. Мало того, что эти люди по-болгарски говорят, они ещё его и по имени кличут. Что за диво!

Мужчина обтёр косу травой, отложил в сторону.

— Что ж, Силян, откуда бы ты ни взялся, с неба ли, с моря ли, нашим гостем будешь. Идём с нами.

Привели его в небольшое селение. Ребятишки навстречу высыпали, закричали звонкими голосами:

— Силян пришёл! Силян пришёл!

Силян ещё пуше дивится:

— И детишки меня знают! А я их никого и в глаза не видывал.

Хозяева усадили Силяна на почётное место за столом. Угощают. Стали соседи сходиться и всякий, здороваясь, его по имени зовёт. А самый старый старик принялся расспрашивать.

— Ну что, Силян, где был-пропадал? Не бросил ли пить-гулять? Мать по тебе глаза проплакала. Молодая жена Неда при живом муже горькой вдовицей горюет. А сынок Велка сиротой растёт. Может, твой отец Божин хоть от внука дожждётся помощи.

Покатились тут у Силяна из глаз частые слёзы.

— Если бы мне в родные места привёлось вернуться, всё бы по-другому пошло. Только как туда добраться? Может, кораблём, что к острову причалит?

— Нет, Силян, не заходят сюда корабли. В стороне этот остров от торговых путей лежит. И окружают его мели, скалы да водовороты. Ведь и тот корабль, на котором ты плыл, о наши камни в щепы разбило.

— Да вы-то сами как сюда попали? — вскричал Силян. — И откуда меня и всю нашу семью знаете?

— Как не знать! Мы все с тобой из одного села родом. Вся ваша жизнь нам как на ладони видна. А сюда на остров приносят нас широкие крылья. Мы ведь аисты, Силян.

— Аисты? Не пойму я что-то! — говорит Силян. — Разве аисты пахнут и сеют, по-болгарски говорят? Не бывает такого на свете!

— Бывает не бывает, — отвечает старик, — а что было, то было. Если хочешь, послушай. Расскажу я тебе не сказку, не побаску, чистую правду.

Давно это случилось. Мой дед тогда ещё мальчишкой босиком бегал. И таким сорванцом рос, ещё почище тебя. Соберёт ватагу мальчишек да девчонок, по садам яблоки обрывают, ульи на пасеках перевернут, собакам к хвосту черепки привязывают. Не было на них ни угомона, ни управы. Однажды забрёл в село старик нищий. Принялись ребята его дразнить, за рубаху, за торбу дёргать. Рассердился старик да и огрел посохом одного, другого. Ребята отбежали, стали в него камни швырять. И попал камень ему в висок. Упал старик и умер. А перед тем как в последний раз вздохнуть, успел их заклясть страшным заклятьем: «Не умели вы среди людей людьми жить, так станьте аистами. А людьми обернуться сможете только там, где, кроме вас, людей не будет, на пустынном острове посреди моря. Нерушимо моё проклятие на веки веков!»

Как сказал старик, так и сделалось. В тот же миг выросли у ребят крылья, поднялись они в воздух и полетели. Куда — сами

не знали. Принёс их ветер на этот остров. Посреди острова из-под скалы текут два ручья: один ручей с человечесьей водой, другой с аистиной. Искупаемся в первом — людьми становимся. Тут, на острове, время коротаем. А когда в родную Болгарию, в родимое село весна придёт, начинает нас томить тоска неодолимая. Тогда окунёмся мы в ручей с аистиной водой и, обернувшись аистами, летим на родину. Там наш дом, там и живём до глубокой осени.

— Дедушка, а мне можно аистом обернуться? — спросил Силян.

— Отчего ж нельзя, — ответил старик.

— Так покажи мне скорей, где заветные ручьи, — молит Силян. — Сделаюсь аистом, полечу на лёгких крыльях в родную сторону.

— Нет, Силян, — старик отвечает, — там, в Болгарии, сейчас зима, а мы, аисты, птицы зябкие. Одному тебе не долететь. Не наезжены в море дороги, да и в небе путь не проложен. Придёт пора, всей стаей снимемся, и ты с нами.

Остался Силян жить в аистином селе. Кому что в хозяйстве помочь — он первый. Сено копнил, хлеб убирал. Будто подменили Силяна, совсем другой человек, сам себя не узнаёт.

Так и шло время — днём в работе, ночью в тоске.

Вдруг забеспокоились люди-аисты. В небо глядят, глаза у всех тревожные, любое дело из рук у них валится. А в одно утро, на ранней заре, крик раздался:

— Пора в дорогу! Пора!

У Силяна взыграло радостью сердце, и тотчас же его словно ледяной рукой сдавило. Бросился он к старому деду, со слезами заговорил:

— Скажи, дед, что мне делать? Как в аиста превратиться — ты меня научил, а как человеком в родном селе остаться — не ведаю. Не присоветуешь ли какого средства?

— А ты вот что, Силян, — отвечает дед, — возьми кувшинчик, набери в него воды из человеческого ручья да повесь на шею. Прилетишь домой, сбрызнешься той водой, сам собой станешь. На тебе ведь нет заклатья на веки веков нерушимого.

Три дня и три ночи летели аисты над морем. Силян-аист еле крыльями машет, ниже всех летит. Совсем из сил выбился, вот-вот отстанет. Да тут как раз твёрдая земля показалась. Отдохнули аисты на крутом берегу, дальше полетели.

А как завиднелось вдали родное село — откуда только силы взялись! — вырвался Силян-аист вперёд, всё от радости позабыл, ринулся стремглав к отчему двору. Да не уберётся: глиняный его

кувшинчик ударился о камень и разбился. Вся человечья вода в землю впиталась. Заплакал бы Силян, да аисты плакать не умеют. Взмахнул бедняга усталыми крыльями, поднялся на крышу родимого дома, а там в гнезде уже сидит старый аист, тот, что на острове самым старым дедом был.

Застучал аист клювом, как солдат палочками по барабану. Силян всё понял:

— Моё это гнездо, спокон веку тут селюсь. А ты, Силян, вон на сарае пристройся. Твой отец Божин и туда колесо от разбитой телеги приладил.

Свил себе гнездо на том колесе Силян-аист, стал в нём на длинных ногах, во двор смотрит. Видит — мать корову доит, молодая жена Неда овец в хлев загоняет, сестра Босилка разжигает в очаге огонь — ужин готовит. А сыночек Велка между всеми вертится, светлая его головёнка то тут, то там мелькает.

Захотелось Силяну сына получше разглядеть, слетел он с гнезда во двор. А Велка его за хвост схватил, весело закричал:

— Смотрите, смотрите, я аиста поймал! Посажу его на верёвку, буду с ним играть, за собой водить.

Тут как раз отец Силяна, Божин, с поля вернулся. Услышал, что Велка кричит, и сказал:

— Отпусти аиста, внучек. Аист птица добрая, никому зла не делает.

Велка послушался деда.

Стал Сиян-аист жить и при доме и не дома, со своими и не свой.

Вот раз пошёл Божин поле пахать и внучка с собой взял, волов погонять, приучать к работе. Снялся Сиян-аист с крыши и за ними полетел. Опустился поближе к сынишке, ходит по борозде.

Велка увидел, закричал:

— Дедушка, дедушка, это наш аист! Я признал его.

— Пусть себе ходит, внучек. Он нам не помеха.

Начали пахать. Велка не столько волов погоняет, сколько на аиста оглядывается, волов с ровного шага сбивает, борозда криво идёт. Дед рассердился, хотел аиста отогнать, швырнул в его сторону комом земли, да на беду попал, ногу ему перешиб.

Аист улетел в гнездо, больную ногу поджал, скрипит клювом от боли.

Вечером собралась семья во дворе у летнего очага за ужином. Велка говорит матери:

— Мама, нынче наш аист прилетел на пашню, а дедушка ему комом земли ногу перешиб.

Дед сказал:

— Да, неладно вышло. А всё Велка виноват. Зачем на птицу оглядывался, про волов забыл. Я на мальчишку рассердился, хотел аиста отогнать.

Тут Велка опять голос подал:

— На меня рассердился, меня бы и бил!..

Сиян-аист с крыши всё видит, слышит. И горько ему и радостно, даже нога меньше болеть стала.

Как-то раз сестра Босилка сидела под явором и низала монисто из мелких монет. Вдруг растворились ворота, во двор въехали сваты с женихом. Поднялся весёлый переполох. Босилка в хату убежала, за печь спряталась. Судились-рядились сваты с отцом-матерью. Наконец поладили.

Заиграли тут волынщики, собрался народ, хоровод-коло завели. Сватов да жениха вином угощают. Босилка из-под длинных ресниц украдкой на жениха посматривает — видно, по нраву он ей пришёлся. Про своё монисто она и думать забыла, лежит оно брошенное под явором. Сиян-аист тихонько клювом его с земли подобрал и в гнездо унёс.

Вдруг слышит, в амбаре жена его Неда плачет-приговаривает:

— В доме веселье, а у нас с тобой, сыночек мой Велка, на сердце горе. Словно две травинки мы при дороге — я без мужа, ты без отца.

Слышит Сияян, как Велка матери отвечает:

— Не убивайся так, мама, может, ещё вернётся отец.

— Ох, не вернуться ему! Говорили люди, передавали, что отправился он на корабле за море, а корабль тот разбило в щепки. Светлей бы горе моё стало, если б я ему сама глаза закрыла. Ходили бы мы с тобой на его могилку, цветы бы носили, зерно бы для птиц рассыпали.

Крикнуть бы Сияяну с крыши: «Жив я, жив!» — да нет у аиста голоса.

Идёт время. Уже хлеб убрали. Дни ещё тёплые, а ночи прохладные. Поджила у аиста перебитая нога, только чуть прихрамывает.

Сестра Босилка к свадьбе готовится, праздничные наряды шьёт. Жена Неда чёрными нитками вдовью рубашку себе вышивает. Раз откатился клубок ниток в сторонку, Неда не заметила. Сияян-аист и его в гнездо унёс.

Весёлой свадьбы не дождался Сияян. Пришла осень, а с ней пришла пора улетать аистам в тёплый край. Сбилась стая на речном берегу, снялась и полетела к острову. А Сияян что? Что же Сияян — сердце его в родном доме осталось, а сам полетел вслед за стаей на аистиный остров, где всегда тепло.

Живёт Сияян на острове, всем людям-аистам помощник, в любом деле первый работник. А сам деньки считает. До того часа, как всё селение опять в аистиный ручей окунулось, насчитал Сияян побольше, чем четверть года, поменьше, чем полгода.

На этот раз кувшинчик человечьей водой полнее налил, покрепче на шею его привязал. А как спускался на родной двор, еле крыльями махал, осторожней осторожного на землю садился. За амбар зашёл, человечьей водой обрызгался, снова Сияяном стал.

Рыжая собака Лиска увидела его, залаяла.

Сияян ей говорит:

— Что же ты, Лисанька, хозяйина не признала?!

Родные услышали его голос, выбежали, бросились обнимать. Плачут и смеются. А Велка прыгает вокруг, звонким голосом кричит:

— Мама, мама, говорил я тебе, что отец вернётся!

Божин накурил водки-ракии из отборного зерна, хотел сына угостить, да Сияян и капельки не пригубил.

— Дал зарок хмельного в рот не брать, — сказал.

Жирного барана зарезали, зажарили, созвали гостей. Ели-пили, Силяна расспрашивали, где был-побывал, куда ходил, что видал.

Силян рассказывает, а ему не верят. Тут Силян, чуть прихрамывая, по половицам прошёлся, у отца своего Божина спросил:

— Помнишь, ты в мою сторону ком земли кинул да ненароком по ноге мне попал? С тех пор и хромаю.

Замолчали все, призадумались. А Силян, не говоря ни слова, вышел во двор, приставил лестницу к амбару и достал из своего гнезда сестрино монисто да клубок чёрных ниток. Тут уж все Силяну поверили. Стали дивиться, толковать-перетолковывать, а самые старые припомнили: когда их деды малыми детьми были, пропало в селе несколько ребятишек. Кто говорил тогда, будто цыгане их с табором увезли, — кто — будто в речке утонули. А оно вон что оказывается!..

Аистов и раньше в селе не обижали. А теперь и вовсе за своих считают. Детишкам с самого малолетства наказывают, чтоб не гоняли их, камнем бы не бросили, громким бы криком не испугали.

А Силян долго, счастливо жил, внукам про свои странствия да злосчастья рассказывал.

ТРИ ЧЕРВОНЦА

Хорватская сказка

Жил в горном хорватском селении бедный парень. И отец у него был бедняком, и дед был бедняком, ну и прадед не богаче. Да и все в их селе скудно жили. Если есть у крестьянина две-три овцы и клочок земли с одеяло величиной, он уже хозяином сльвёт. А всех беднее был наш парень.

В один год, в один час похоронил он отца с матерью. Погоревал, поставил на их могилу большой камень и призадумался:

«Что мне тут, сироте одинокому, делать! Пойду-ка я в другие места. Свет велик, много кормит народу. Прокормит и меня. Повезёт — разбогатею, а не повезёт — беднее стать нельзя».

Так подумал парень и пустился в путь в чём стоял. Брать ему с собой было нечего, оставлять тоже нечего, да и жалеть не о чем.

С горы спускается — камешки из-под ног катятся. По ровному идёт — пыль постолами поднимает. Не день, не два так шёл и вышел на большую дорогу.

Дивится парень — кого только на этой дороге не увидишь! Богатые купцы с товарами едут, убогие на богомолье бредут, солдат в чужой край на войну гонят. И весело парню и боязно.

«Как-то, — думает, — жизнь моя повернётся. То ли счастье привалит, то ли голову потеряю».

Задумался он и вдруг наступил на что-то твёрдое. Смотрит, в пыли узелок лежит. Поднял узелок — тяжелько, развязал — даже глаза зажмурил. Три старых золотых червонца сияют у него на ладони.

— Эге, — присвистнул парень, — кинула мне судьба удачу, схватился я за ниточку. Надо кончик из рук не выпустить, до конца клубок размотать.

Скоро или не скоро, а пришёл парень в большой город. Народ тут так и кишит, словно муравьи в муравейнике. Да парень не робеет, за длинную дорогу пообвык, всего насмотрелся.

Первым делом отправился в кофейню на главной площади. Пробрался в уголок, спросил кофе. Хозяин в его сторону и не посмотрел, но кофе подал. Парень не спеша выпил свою чашечку, а как стал расплачиваться, побренчал в кармане золотыми монетами, вытащил червонец и, не глядя, хозяину швырнул.

Засуетился хозяин, начал кланяться, потом в заднюю комнату побежал, обратно вернулся.

— Как быть, господин, — говорит, — не найди мне сдачи с такой крупной монеты.

А парень пожал плечом, засмеялся и сказал:

— Да разве я у тебя просил сдачу?

Совсем оробел хозяин, ещё ниже кланяется.

Парень говорит:

— Не суетись ты, лучше скажи мне, кто тут в городе самый важный да самый богатый?

— Самый важный у нас правитель города, — отвечает хозяин. — Самый богатый — банщик.

— Ну, с правителем я позже познакомлюсь, — словно про себя говорит парень. — А с дороги омыться, отдохнуть на мягких коврах неплохо. Ты вот что, хозяин, принеси-ка мне к полудню в баню обед получше, да кофе покрепче, да трубочку с табаком. И смотри, чтобы табак был душистый, я дешёвых табаков не терплю.

Повернулся и вышел из кофейни.

Все, кто в кофейне кофе пил, с места привстали, вытянули шеи, смотрят, как парень через площадь идёт.

— Ох, не простой это человек, — говорит один. — Не скажу, чтобы я старых золотых не видел, да в руках не довелось держать.

Хозяин головой кивает:

— Ясное дело, не простой! Двадцать лет держу кофейню, а ни разу никто со мной золотыми не расплачивался.

— Может, он сын знатного чиновника, — толкуют люди.

— Чего ж он так одет?

— Да мало ли что, может, нарочно переоделся, нам глаза отвести. Им, знатым, что хочешь в голову взбрёт.

— Может, разбойники ограбили дорогой!

— Да он никак в мою цирюльню зашёл?! Ах ты, беда какая! — закричал ещё один. — А я всё на мальчишку бросил...

Оставил цирюльник недопитый кофе, рысью через площадь пустился. Вбежал, запыхавшись. А наш парень гневным голосом ему говорит:

— Я ждать не привык! Думал побриться, да сейчас передумал. Ты вот что, приходи в полдень в баню, там меня побреешь. Вот тебе плата вперёд. — И швырнул ему второй червонец.

Только парень за дверь, в цирюльню народ набился. Смотрят все на цирюльника. Цирюльник показывает золотой и шёпотом рассказывает:

— Разгневался, бриться не стал. Не привык, сказал, ждать...

— Э, — догадался кто-то, — не иначе, как он сын главного визиря.

— Да уж не меньше, — вставил слово хозяин кофейни.

— Так оно и есть, — сказали все хором.

Пока народ толковал-перетолковывал, время к полудню подошло. Парень не спеша к бане направился. Банный прислужник, что всё утро из бани не выходил, неприветливо его встретил:

— Куда, оборванец, лезешь!

Парень будто не слышит. Расселся на дорогом ковре, вроде и не с ним говорят.

Прислужник совсем расхотелся:

— Убирайся отсюда, а то затрещин надаю.

Тут вбегает с улицы сам банщик, за ним цирюльник несёт тазик для бритья, чистые полотенца, острые бритвы. За цирюльником хозяин кофейни с тремя слугами, тащит всё, что было приказано.

Услышал банщик, как прислужник гостя честит, набросился на него. Все затрешины, что прислужник нашему парню сулил, ему самому достались. Хотел банщик его с работы прогнать, да парень вступился:

— Я на него не в обиде. Молод он ещё. Того не понимает, как я до этого дня сам не понимал, что золото всегда золото, даже если в пыли на дороге валяется! — И кинул прислужнику свой последний червонец. — Глуп тот, кто по одежке встречает!

— Мудрые ты, господин, слова говоришь, — сказал банщик, низко кланяясь. — Я с тобой во всём согласен. Теперь позволь тебя помыть, умастить тело благовонными маслами, облечь в платье, подобающее, тебе.

— Да я других одежд не прихватил, — отвечает парень. — Что на мне, то и со мной.

— Об этом не тревожься, найдётся для тебя в моём доме всё, что нужно. Может, ты к лучшему привык, да уж не обессудь.

— К хорошему человек быстро привыкает, — ответил парень и засмеялся. Сунул он руку в пустой карман, будто за деньгами. Банщик его за обе руки схватил:

— Не обижай меня! Ты мой гость дорогой. Всё моё считай своим.

Побрился, помылся парень, облачился в самые богатые одежды банщика, пообедал, кофе выпил и закурил трубку. Тут к нему и подступили с расспросами:

— Что ты таишь, господин, что скрываешь?

— Ничего не скрываю, ничего не таю, — отвечает парень. — Если бы вы мне поверили, вышло бы, что я неправду говорю, если бы я правду сказал, вы бы не поверили.

Не успокаиваются любопытные, робеют, а спрашивают:

— Но признайся, ты всё-таки высокого рода?

— Тут вы угадали, — говорит парень. — Такого я высокого рода, что, когда дома жил, выше меня парил только один орёл.

Хозяин кофейни прошептал на ухо банщику:

— Кто у нас парит, как орёл? Ясное дело — султан.

Цирюльник туда же сунулся:

— Вот мы наконец всю правду узнали. Это сын самого султана.

Посмотрели все на парня — конечно, не кто другой, как сын султана. Сидит, развалиясь, в богатых одеждах, молодой, красивый да статный.

Только банщик почесал в затылке и сказал:

— А говорили — у нашего султана ни одного сына нет. Говорили, горюет он из-за этого.

— Мало ли что болтают, — замахал руками цирюльник. — Как же это нет, когда вот он перед нами.

И хозяин кофейни головой кивает:

— У султана всё самое дорогое есть. А что дороже всего отцу? Сын, конечно. Как, банщик, у тебя язык только повернулся сказать, что у нашего султана сына нет?!

Тут и банщика сомнения покинули. Приложил он ладонь сперва ко лбу, потом к сердцу, низко поклонился и пригласил парня в свои покои отдохнуть с дороги.

А пока спал наш парень, базарные да площадные соглядатаи принесли правителю доподлинную весть. Прибыл к ним в город султанский сын с тайным поручением от султана: пусть разведает, как живёт народ в городе, не обижают ли его чиновники, справедли-

во ли правит правитель. Прибыл в нищенской одежде, чтобы глаза отвести, да царской крови не скроешь. Разгадали его люди.

Правитель города переполошился. Вечером не осмелился беспокоить знатного гостя, а поутру со слугами, с разукрашенными носилками явился в дом банщика. Бросился он к парню, поцеловал полу его халата и заговорил:

— Горе терзает моё сердце! Могучий царевич, видно, разгневался на меня. Удостоил милости дом какого-то банщика, моей верностью погнушался. А я всегда был покорный слуга султану и тебе служить за великую честь почту.

Парень ему отвечает:

— Не хотел я, чтобы люди узнали, из какого я рода. И теперь не хочу. Не я себя назвал сыном султана. Вы сами додумались. Запомни это! И в гости я к тебе не набивался — сам ты просишь. Что ж, будь по-твоему!..

С почестями отнесли парня на носилках в дом правителя города. С почестями принимали. Столы были всегда накрыты, трубки набиты душистым табаком. Парень наш за всё голодное детство, за всю нищую юность отъелся. От каждого яства кусочек попробует и блюдо отодвинет.

А слуги между собой толкуют:

— Наши кушанья ему, видать, слишком просты. Любопытно бы хоть одним глазком поглядеть, что у султана к столу подают?!

Хитёр был наш парень, а правитель города считал себя и того хитрее. Задумал он, ни много ни мало, породниться с самим султаном. Было у него три дочери, одна другой красивей. Вот он и отвёл гостю покои, что окнами в сад выходили. А в том саду его дочери с прислужницами каждый день гуляли.

Наш парень увидел в окно старшую дочь — удивился её красоте. Среднюю увидел — восхитился. А как глянул на младшую — совсем голова закружилась. Наяву о ней мечтает, ляжет спать — во сне она ему грезится. Даже румянец потерял, лицом осунулся.

Правитель города быстро это всё приметил. Будто невзначай разговор завёл:

— Что ты так часто у окна стоишь? Может, тебе в моём саду какие цветы понравились? Так скажи, любой цветок для тебя прикажу сорвать.

Парень отвечает:

— Тот цветок, что мне приглянулся, не для меня расцвёл.

Обрадовался правитель, заулыбался, словно ему по губам мёдом помазали. Сам парню подсказывает:

— Уж не на дочек ли твоего недостойного слуги ты свой взор обратить изволил?

Молчит парень. А правитель своё ведёт, будто тот уже во всём признался:

— Сейчас угадаю. Старшая?.. Средняя?.. Младшая?.. Ну, всё. По глазам вижу, что младшая.

Зачем желанное дело надолго откладывать? Скоро свадьбу сыграли.

Зажил наш парень с молодой женой-красавицей в счастье и радости. Ни о чём не думает, ни о чём не заботится.

Тут-то беда и грянула!

Правитель дальше свои хитрости плёл. Так рассудил:

«С султаном я породнился, это я твёрдо знаю. Пора теперь и султану о том узнать».

И послал он гонца в Царьград с письмом. Так и так, твоё султанское величество, женился твой сын и наследник на моей дочери. Выходит, мы с тобой если уж не родственники, то по малой мере свойственники. Что прикажешь делать, то и будет исполнено.

Ровно через столько времени, сколько быстрому гонцу туда-сюда обернуться понадобилось, пришёл от султана ответ. Рад, мол,

новость услышать, хочу повидать своими глазами сына-наследника с молодой женой. Пусть не медля ни часа отправляется в путь.

Счастливый правитель города побегал к своему зятю и объявил волю султана. Услышал это известие наш парень, побледнел, как первый снег в горах, покачнулся, за сердце рукой схватился.

— Что с тобой? — спрашивает правитель города.

— Да нет, ничего, — отвечает парень. — Просто от радости голова кругом пошла, кажется, вот-вот с плеч слетит.

Поспешно собрали в путь молодых. Еды наготовили, одежды на всякую погоду запасли, слуг да служанок приставили. Целым караваном двинулись в дорогу.

Молодая красавица жена караван торопит — охота ей в Царьград скорее приехать, султана-свёкра повидать, к султанше-свекрови приласкаться.

А молодой муж, наш парень, с каждым днём с лица темнеет. Едет и думает:

«Не помилует меня султан! Не лучше ли было бы в своей хорватской деревне навеки оставаться? Нужду до самой смерти мыкать. Нет, пожалуй, не лучше! Я хоть свет повидал, пожил всласть. Зла ведь никому не принёс, никого не обидел».

Вот скоро и Царьград: завтра последний дневной переход и — пути конец! Стали на ночь, раскинули лагерь. Заснули, утомлённые дорогой.

И слуги спят, и молодая жена спит. Только парню не спится, одолели чёрные мысли. Под утро такая тревога его разобрала, что решил он бежать куда глаза глядят.

«Ноги у меня быстрые, погонятся за мной — может, убегу. Сила в руках есть, изловят — может, отобьюсь. Вот только в последний раз на жену полюбуюсь и пойду».

Тут как раз занялась утренняя заря и осветила лицо красавицы. Сладко она спала, тихо дышала...

Дрогнуло у парня сердце.

— Нет сил с тобою расстаться, — сказал парень. — Не покину, тебя, моя голубка. До конца пути вместе пойдём. Что будет, то будет.

Он поцеловал жену, и она тотчас открыла свои прекрасные глаза.

— Солнце всходит, — сказал парень, — и ты вставай, солнце моей души. Сегодня прибудем ко двору того, кого ты называешь своим свёкром.

Вот подъехали они ко дворцу.

Во дворце ни о чём их не спрашивали, провели прямо в парад-

ный зал. От сияния золотом шитых одежд замелькало в глазах у парня. Однако сквозь прищуренные веки успел он разглядеть, что султан сидит под парчовым балдахином на подушках, а вокруг него толпится свита.

Посмотрел на наших молодых султан, хлопнул в ладоши и приказал отвести женщину к своей султанше на женскую половину. Потом повёл рукой, и всех царедворцев будто ветром сдуло. Остался наш парень с глазу на глаз с грозным султаном.

Султан вытащил кривую саблю из ножен и заговорил. Голос его, словно гром, в ушах парня прозвучал:

— Готовься к смерти, собачий сын! Прекрасна твоя молодая жена, и сам ты молодец хоть куда. Только слишком высоко занёсся, вровень с султаном стать захотел. Укорочу я тебя, на голову ниже сделаешься.

Парень отвечает:

— Вот моя голова, а сабля в твоей руке. Одно скажу: не я виноват, а тот прохожий или проезжий, что на дороге три червонца потерял.

— Как так?! — удивился султан и саблю опустил.

Начал тут наш парень по порядку рассказывать. Рассказал про своё селение в горах, рассказал, как отца с матерью похоронил, как в широкий свет счастье искать пустился и как на дороге три червонца нашёл.

— Первый червонец бросил я хозяину кофейни в уплату за чашечку кофе. Ни слова сам не сказал. А люди стали кругом говорить, что я неведомо кто, но из знатной семьи.

Разглядилось нахмуренное чело у султана.

— Рассказывай скорей, — торопит он парня. — Давно я такой занятой истории не слышал.

— Второй червонец, — ведёт своё дальше парень, — отдал я цирюльнику за бритвё. Тут меня сделали сыном визиря, хоть опять я им ни слова не сказал.

Улыбнулся султан, головой кивнул.

— Третьим червонцем я вот как распорядился. Слуга банщика сам бедняк и во мне бедняка распознал. Гнал меня прочь, да за это банщик-богач чуть его самого не выгнал. Я за него вступился и кинул ему последний червонец. Принялись тут у меня выпытывать, правда ли, что я высокого рода. Я им всё как есть сказал. Сам посуди, погрешил ли я против истины? Ведь когда я в горах родной Хорватии чужих овец пас, никого выше меня не было. Один только орёл выше меня поднимался. Так я им и ответил.

Рассмеялся султан, так рассмеялся, что еле слово выговорить мог:

— Значит, это я орёл! Теперь понимаю, как тебя в мои сыновья произвели. Ну, а потом что было?

Смеялся султан, когда парень о правителе города рассказывал, взгрустнул, свою молодость вспоминая, когда рассказ дошёл до прекрасной дочери правителя. А когда услышал, как парень на рассвете бежать задумал и как остался, глянув на молодую жену, — прослезился султан.

— Опять говорю тебе: вот моя голова, вот твоя сабля! — закончил парень. — Что хочешь, то и делай.

Призадумался султан, да недолго думал. Велел позвать свою султаншу и так ей сказал:

— Вот, жена, не было у нас сына, теперь есть. Посмотри на него. Красив и молод, сама видишь, а уж как умён да ловок — об этом мне судить. Люби его, будто сама под сердцем носила, и жену его красавицу люби, как дочку. Мне лучшей невестки не надо.

Устроили тут пир на весь мир. Кто на том пиру побывал, детям и внукам рассказывал. Так эта сказка и до нас дошла. А что тут ложь, что правда — сами разбирайтесь.

КАК МЕДВЕДЬ ВИНОГРАДНИК СТОРОЖИЛ

Сербская сказка

Нанял один человек медведя виноградник сторожить. Пришло время урожай собирать, виноград давить, вино делать. Вот человек взгромоздил большую бочку на воз и поехал на виноградник.

Приехал. А собирать-то нечего! Ни одной кисти на кустах, ни одной ягодки.

Хорошо медведь за виноградником приглядывал. Созреет ягодка — попробует. Зарумянится кисть — полакомится. И сам не заметил, как весь виноград съел.

Огорчился человек, даже заплакал.

А медведь, как увидел, что человек плачет, ушёл в другой конец виноградника и ну реветь, мохнатой лапой глаза утирать.

Человек говорит:

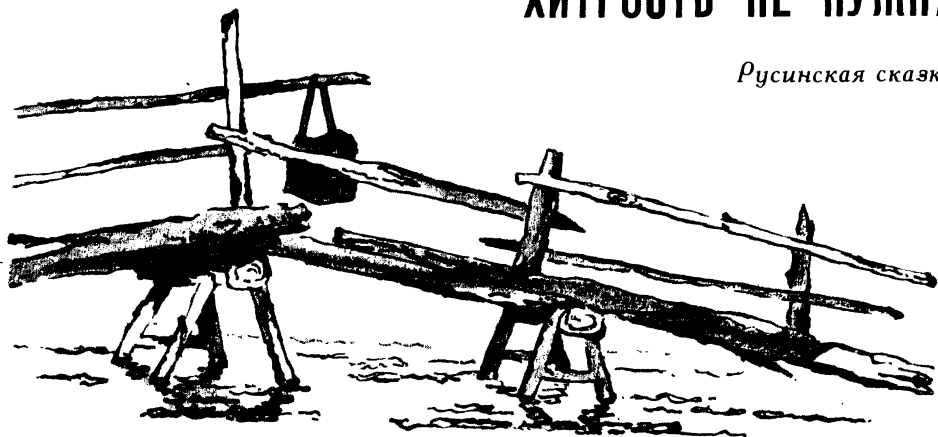
— Я плачу — ясное дело отчего. Ты меня на всю зиму без вина оставил. А ты, косолапый разбойник, чего ревьешь?

— Эх, человек, — отвечает медведь. — Твоя беда — не беда. Этим летом винограда нет, будущим летом новый созреет. А вот мне, бедному, и правда плохо. Узнают все кругом, что я за сторож, никто больше не наймёт виноградник стеречь. Оттого и плачу, утешиться не могу!

ЧЕСТНОСТИ ХИТРОСТЬ НЕ НУЖНА

Русинская сказка

Жил крестьянин. Ни молодой, ни старый, ни бедный, ни богатый. Жил вдвоём с женой. Был у них ещё и сын, да он на чужую сторону в солдаты ушёл служить.

Отец с матерью всё весточки от него ждали, никак дожждаться не могли.

Жена каждое утро, как письмоносецу быть, выйдет на крыльцо, смотрит на дорогу, а письмоносец опять мимо, только рукой махнёт да дальше, на палочку опираясь, шагает. Весна миновала, скоро и лету конец — письма нет да нет.

Вот однажды бедная женщина до полудня на крыльце простояла — совсем не пришёл письмоносец.

— То ли заболел, то ли ни одного письма на всё село не нашлось, — сказала она себе.

А под вечер постучал кто-то в дверь. Перешагнул через порог незнакомый человек. На боку сумка почтарская, и в руке держит долгожданное письмо от сына. Передаёт сын поклоны, пишет, что служба нетрудная, харчи хорошие.

Уж как хозяева обрадовались! Усадили письмоносца, стали угощать всем, что в доме было.

— А где же старый почтарь? — спрашивают.

— Да устал по дорогам ходить. Говорит, буду жить у замужней дочки, внуков нянчить. Пора моим ногам отдохнуть.

— А ты что же, — дальше спрашивают хозяева, — давно в письмоносцах ходишь? Вроде мы тебя никогда не видали.

— Да я из того села, что за горой лежит, в верховьях реки. В письмоносецах с нынешнего дня.

— А до того что делал?

— Сам хозяйствовал, как и вы, — отвечает новый письмоносец. — И хозяйство было исправное, и дом, и скотина, и земляца. Всё от отца досталось, недавно его схоронил. А мать раньше умерла. Только я хотел жениться, девушку хорошую присмотрел, тут беда и грянула. На исходе весны случилась у нас такая гроза, что и старики не выдывали. Ударил молния, вспыхнул сарай с сеном, а потом пламя на дом перекинулось. Ничего отстоять не удалось. Вся усадьба со всем скотом, со всем добром разом сгорела.

Кивает хозяин — ему эта гроза тоже крепко запомнилась.

— Невезучий я! — ведёт своё письмоносец. — Та гроза и град принесла. Узкой полосой град прошёл, и как раз моё поле выбило, всю пшеницу на землю положило, с грязью перемешало. Можно бы ещё поправиться, было чем. Да уж кому не повезёт, не везёт до конца! Вы вот, пожалуй, не поверите, а я правду говорю. Там, где наш огород прямо к реке спускался, стояла корявая старая верба, для всего нашего рода заветная, от деда-прадеда завещанная. Потому что было в той вербе дупло, а в дупле припрятаны деньги на чёрный день. Кто их первый из рода копить начал — не знаю. Однако ни дед мой, ни отец оттуда не брали. Ещё по силам да удаче добавляли, сколько могли. Невелико богатство, но кой-как поставить хозяйство на ноги можно было.

Дослушал хозяин до этого места, встал из-за стола и заходил по комнате. Ходит и слушает. А хозяйка чуть не плачет над чужой бедой.

— Погоревал я над пепелищем, потужил над выбитым полем и бросился к заветной вербе. Тут и увидел — до края моё невезение дошло. Поднялась от дождя река, подмыла крутой бережок, где верба росла, свалила её и унесла. Так вот я и остался ни с чем. Пришлось в письмоносецы наняться. А ночью пока у добрых людей, где вечер застанет. Далеко вперёд не заглядываю, что впереди, не загадываю. Как-нибудь да будет!

— Ну и у нас переночуй, — сказала хозяйка и постелила на широкой лавке.

Мигом заснул усталый письмоносец.

Тут хозяин дал жене знак, чтобы вышла в сени, сам за ней вышел и заговорил тихим голосом:

— Всегда тебе всё рассказываю, а тогда утаил. Помнишь, в ту грозу я старую деревину из реки выловил. Подсушил, распилил да дров наколот. А выходит, это и есть письмоносеца верба. Потому

что в дупле я узелок с деньгами нашёл, и монеты там разные — и совсем старинные и поновей. Я молчком деньги припрятал, думал, сын со службы вернётся — ему будут.

Жена так руками и всплеснула:

— Что же ты письмоносецу сразу не сказал, не обрадовал человека?

— Да вот с тобой посоветоваться хотел. Раз промолчал, теперь признаваться стыдно. Вот я как надумал: запеки ты деньги в пирог, а тот пирог мы ему в дорогу дадим.

Так и сделала хозяйка. Завела тесто, всю ночь спать не ложилась. Только светать начало — у неё пироги напечены. Один пирог, самый большой да пышный, в сторонке лежит.

Проснулся письмоносец, накормили его и с собой тот пирог дали.

Идёт письмоносец за новыми письмами на почту. А навстречу ему двое, купцы не купцы — торговые люди. Поздоровались, как водится. Они его в шутку и спрашивают, не продашь ли, мол, чего-нибудь.

Письмоносец отвечает:

— Что ж, продам. Вот в сумке у меня пирог. Сам я сыт, а денежки пригодятся.

Купили торговые люди пирог и пошли своим путём. А путь они держали как раз к тому дому, где письмоносец ночевал. Слышали, что хозяин телёнка продаёт.

Едва в дом пожаловали, хозяйка их пирогами потчевать стала. Торговые люди отвечают:

— Да у нас у самих в точности такой пирог есть. У почтара на дороге купили.

И выложили пирог на стол.

Хозяйка чуть не вскрикнула, однако вовремя удержалась. И хозяин промолчал. Мигнул жене, повёл торговцев в хлев, телёнка смотреть, а хозяйка быстро пирог с серебряной начинкой простым подменила.

Сговорились торговые люди с хозяином, съели пирог, подмены не заметили и пошли дальше. Телёнка впереди себя гонят.

На следующий день хозяйка покоя не знала. То в окно глядит, то на крыльцо выскочит. Письма не ждёт, ждёт письмоносеца. Дождалась, зазвала в дом.

Опять он у них переночевал. Хозяин ему ночью в пустую сумку деньги подложил.

Только забрезжило, поднялся письмоносец, подхватил сумку и тихонько за дверь. Постеснялся, что опять потчевать начнут.

Прямо перед крыльцом стояла большая яблоня. И такие на ней яблоки в тот год уродились, наливные, румяные! Уж до того захотелось письмоносецу яблочек в дорогу нарвать. Он сумку на сучок повесил, а сам забрался повыше, где яблоки спелее.

Вдруг дверь скрипнула, хозяин из дому вышел.

«Что же это я делаю?! — спохватился письмоносец. — Как мальчишка, в чужом саду яблоки ворую!»

Спрыгнул с дерева и бросился бежать. И про сумку позабыл. Так она и осталась висеть на сучке.

Хозяин сумку увидел, тяжело вздохнул.

— Вот незадачливый бедняга! Ну да ничего, ему всё равно через мост идти. Он по дороге пойдёт, я тропкой вперёд него забегу, сумку на перильца повешу. Тут уж ему никуда не деться.

Побежал, пристроил сумку, как хотел, сам за кустами спрятался.

А письмоносец дошёл до моста и вдруг остановился. Поглядел кругом — утро такое ясное, роса на траве блестит, птицы птенцов летать обучают. . . Стоит письмоносец и думает:

«Напрасно я жалуюсь, что невезучий. Какое же это невезение, если руки целы, ноги ходят и глаза на светлый мир смотрят. А ведь могла меня молния ослепить, могло пламя на пожаре глаза выжечь. Не бывать бы мне тогда и письмоносецем. Вот как бы я слепой через мост перешёл? Дай попробую!»

Зажмурился он крепче и пошёл по шаткому мостику. Только когда твёрдую землю на том берегу под ногами почувал, глаза открыл. Да так, не оглянувшись, пошагал дальше.

А хозяин взял сумку и домой вернулся.

— Кому не везёт, — сказала он жене, — тому никто и помочь не в силах. Всё я перепробовал, ничего не получается.

Жена отвечает:

— Нет, муженёк, не все ты перепробовал. Всё хитрил, всё таясь делал. А ведь честность прямым путём идёт, открыто в лицо смотрит. Вот тебе моё слово: завтра, как придёт письмоносец, расскажи ему всю правду и отдай деньги из рук в руки.

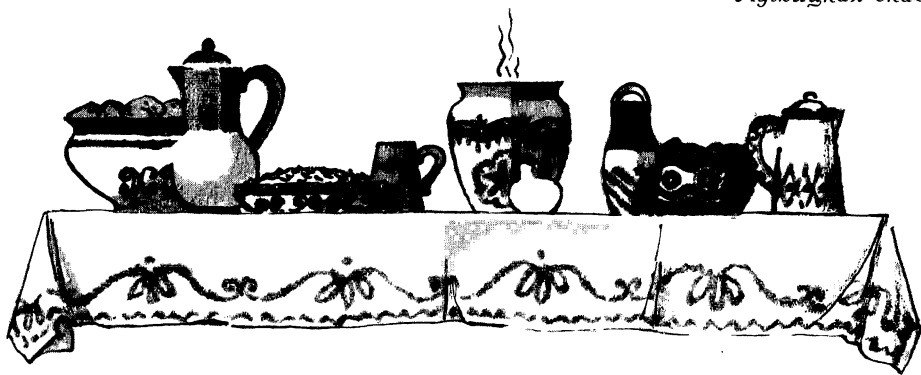
— А ведь верно! — сказал хозяин.

Тут и сказке конец. Если доведётся в наших краях побывать, зайдите в гости к тому хозяину. Хорошо они с женой живут. Сына из солдатчины дождались, в работе помощника. А выше по реке, за горой навестите письмоносца. Да он уже не письмоносец. Отстроился на заветные дедовские деньги, хозяйство в исправности держит.

ОБЕД ЗА ТРИ ГРОША

Лужицкая сказка

Ш

ёл как-то молодой парень из города. В городе он старшего брата навещал. Денежки, какие были, прогуляли они вдвоём на радостях. И пришлось парню налегке возвращаться в родную деревню.

Думаете, хорошо налегке по дороге шагать? Как бы не так! Пустое брюхо тащить тяжелее, чем полный мешок за плечами.

До дому ещё целый день пути, вот и решил парень в чужом селении подзадержаться, работы поискать, чтоб хоть на обед деньжат раздобыть.

Нанял его кузнец, сказал:

— Старший сын, что молотобойцем при мне работает, за углём к углежогу поехал. У младшего силёнок ещё маловато, он только мехи раздувать и может. Так ты помахай пока молотом, постучи по наковальне.

С утра до полудня парень молотом бухал. Руки занемели, спину ломит, да и живот совсем подвело.

«Тяжеленько, — думает. — Ну да ничего, зато пообедаю сытно».

Тут как раз вернулся старший сын с возом угля. Кузнец и говорит парню:

— Ты мне больше не понадобится, теперь сами управимся. Вот тебе три гроша, иди куда шёл.

Идёт парень, подкидывает на ладони три гроша, сам себе говорит:

— Вот это пообедал! На три гроша и доброго куска хлеба не купишь!

А в это время кузнечиха из печи горшки да плошки вынула. Гору картошки в большую миску вывалила, сверху жареной свинки положила.

Увидел это парень через открытое окно и говорит:

— Ты кому это, хозяйюшка, наготовила?

— Да вот скоро придёт муж с двумя сыновьями. Надо их накормить.

— Так это ты на троих мужиков, да на себя четвёртую, такую малость наварила? Тут и один сыт не будет.

— Да что ты! — возмутилась кузнечиха. — Ещё и останется.

— А я говорю: одному мало! — стоит на своём парень. — Хочешь, об заклад побьёмся, что я один всё мигом уплету и ещё попрошу. Ставлю против тебя три гроша.

— Идёт! — разгорячилась кузнечиха.

Зашёл парень в дом, сел за стол и принялся ложкой орудовать не хуже, чем молотом.

Сперва в миске еда убывала, как снег под весенним солнцем. Потом дело помедленней пошло, а уж когда дно в миске завиднелось, отвалился наш парень. Вздыхнул и говорит:

— Твоя взяла! Проиграл я.

И выложил три гроша.

Кузнечиха радуется:

— В другой раз будешь знать, как об заклад биться, денежки на ветер швырять!

Отправился парень восвояси, распевая весёлую песню. А что кузнец жене говорил, когда обедать пришёл, мы повторять не будем. Ни к чему такое слушать!..

ВОЛК И СОРОКА

Болгарская сказка

Летит сорока — чёрные крылья, белые бока. Летит не спеша, всё кругом разглядывает. Смотрит, идёт волк — хвост поджат, голова понурена. Села сорока на дерево и спрашивает:
— Отчего невесел, кум волк?

— Ох, и не спрашивай, — отвечает волк. — Плохое у меня житьё. Никто меня не любит. Что худое в лесу ни случись, все меня винят. А сегодня утром гнались за мной охотники с ружьями, со злыми собаками. Еле я от них удрал. Уйду я из этого леса.

— Что ж, — говорит сорока, — дело твоё. А я тебя на новом месте проведу. Крылья не лапы, с ними всюду дорога. Только вот скажи, кум, что ты с собой на новое житьё захватишь?

— Как что?! — удивился волк. — Что при мне, то и унесу. Серые бока, что собакам ободрать не терпится, быстрые ноги, чуткие уши, зоркие глаза...

— А куда денутся твои острые зубы да злобный нрав? Здесь останутся или с собой возьмёшь?

— Ну и глупа же ты, сорока! — зарычал волк. — Смеёшься надо мной, что ли? Как волку без острых зубов прожить?! И нрав мой неплох, не на заячий же его менять!

Застрекотала сорока, будто засмеялась:

— Эх, волк, волк! Ведь из нас двоих не я глупа. У кого нрав злой да зубы острые, за тем дурная молва по пятам гонится. Хоть уходи, хоть здесь рыскай — никуда от неё не убежишь.

ГАБРОВСКИЕ УСМЕШКИ

Болгарские шутки

ет во всей Болгарии людей веселее, чем те, что в городе Габрове живут. Больше всего на свете любят они пошутить. Да не над кем-нибудь, а сами над собой. И мы над теми шутками хохотали, посмейтесь теперь и вы с нами.

*

Как-то под вечер приехал габровец в Софию. А от вокзала добираться к родичам ему далеко, на самую окраину. Вот он и взял извозчика.

Едут они — цок, цок по мостовой. Извозчик думает:

«Эх, простак, деревенщина. Сел не сговорившись, поехал не срядившись. Теперь сдеру с него не меньше, чем ползолотого!»

Уже почти доехали. Вдруг габровец кричит: «Стой! Стой!» Соскочил на землю и зажёл спичку.

— Ты что? — спрашивает извозчик.

— Да потерял золотой у тебя в коляске. Хочу поискать.

Тут извозчик как стегнёт коня, только его и видели.

А габровец усмехнулся ему вслед и довольный отправился к родичам. Теперь-то уж совсем близко было!

*

Одному габровцу зачем-то понадобился пузырёк. Искал он, искал и нашёл скляночку. Только вот досада — на дне ещё

немножко йоду оставалось. Ну, габровец не растерялся. Взял ножичек, порезал палец и залил ранку йодом. Вот теперь хорошо! Пузырёк освободился.

*

— Ты что, сынок, плачешь?

— Мама монетку дала, а я потерял.

— Ну, не плачь, на тебе другую монетку. Отчего же ты ещё громче плачешь?

— Да-а, если б я ту не потерял, было бы у меня теперь две монетки.

*

Приехал в Софию бай Георги. Влез в трамвай с огромным мешком. Кондуктор говорит:

— Билет за тебя две стотинки, за мешок четыре.

Бай Георги развязал мешок и сказал:

— Вылезай, сынок, без мешка ты дешевле обойдёшься.

*

Встретились в узком переулке два шофёра на своих машинах. И оба не хотят задний ход дать, чтобы другому дорогу уступить.

«Всё равно я тебя пересажу», — думает один.

Развернул газету и принялся читать.

А второй высунулся из машины и говорит:

— Эй, приятель, когда кончишь газетку, дай и мне почитать.

*

Встретились два габровца-приятеля. Один говорит:

— Смотри, какие у меня сынки-близнецы подрастают.

Вынул карточку, показывает. Приятель удивился:

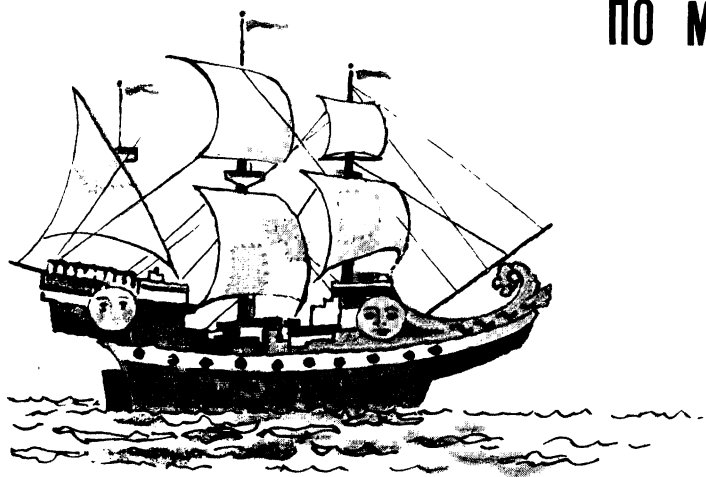
— Да ведь тут только один снят.

— А чего второго снимать?! Он в точности такой же.

КАК КУПЕЧЕСКИЙ СЫН ПО МОРЮ ХОДИЛ

Сербская сказка

Рос-подрастал у богатого купца единственный сын. Всем хорош — и собой красив, и нрава доброго.

Купец всё с заморскими странами торговал. Что ни весна, снарядит корабль, полный товарами, и ведёт его в чуждальние земли, а по осени назад возвращается.

Сын растёт, отец с матерью стареют. Тяжело стало купцу по морям ходить. Вот и решил он вместо себя послать сына.

Нагрузил купец корабль богатыми товарами, обнял на прощанье парня и говорит:

— Приучайся, сынок, к купеческому делу. Когда покупаешь, смотри, чтобы тебя не обманули, когда продаёшь — сам не обманывай. В нашей родной стране есть дешёвые товары, а за морем они дорого ценятся. А там есть свой товар подешевле, он тут у нас в хорошей цене пойдёт. Так и соблюдается торговая выгода без обмана. Ты у меня вон какой молодец вымахал, пора тебе на широкий свет посмотреть, разных людей повидать.

Поклонился сын отцу, поблагодарил за напутственное слово и велел ставить паруса.

Плывёт корабль день, качается на волнах второй. Кругом пустое море, уже и чаек не видно. На третий день повстречали они другой корабль. Слышит парень, с того корабля горький плач доносится. Закричал молодой капитан матросам на том корабле:

— Что за плач у вас, братцы? Беда ли какая случилась или помер кто?

Матросы с корабля отвечают:

— Какая беда! Это наша удача плачет. Ходили мы с хозяином-турком вдоль побережья, много мужчин и женщин полонили. Теперь везём их на невольничий рынок в рабство продавать.

Стоны с того корабля всё громче, вопли к самому небу поднимаются, а у молодого купца сердце от жалости рвётся.

— Прошу вас, братцы, — говорит он, — спросите своего капитана, не продаст ли мне рабов.

Вышел на палубу толстый усатый турок, принялся разглядывать да выспрашивать у купеческого сына, что везёт, куда путь держит.

Выспросил, высмотрел, что хотел, потом говорит:

— Не согласен я продавать, а согласен менять баш на баш. Твой корабль со всеми товарами — мне, мой корабль с пленниками — тебе. А не хочешь, в море разминёмся.

— Будь по-твоему, — отвечает молодой купец.

Отдал он турку свое новёхонькое судно с белыми парусами, получил взамен ветхую посудину. Паруса на ней не паруса — заплате на заплате, борта грязные, краска облупилась.

Велел молодой купец открыть трюмы. Залязгали цепи, и поднялись на палубу пленники. Кожа да кости, от ветерка шатаются — в чём только душа держится.

Последними вышли на белый свет старая старушка и молодая девушка. Худа она и бледна, а всё равно красота её ярче солнца светит, ослепила молодого купца.

Расковал всех пленников молодой купец, накормил, расспросил, кто из каких мест. Только красавицу и старушку ни о чём пока не спрашивал.

Повёл он корабль вдоль побережья и у каждого селения пленников выпускал — где кто просил. Пустеет судно, а красавица молчит. Всех выпустил молодой купец, лишь девушка со старушкой остались. Молодому купцу легче бы с душой распрощаться, чем с красавицей расстаться, но скрепился он, сказал себе: «Как начал доброе дело, так его и кончить надо!» И спрашивает:

— Куда же вас отвезти? К какому берегу приставать?

Отвечает ему старушка:

— Сказала бы тебе, добрый человек, да сама не знаю. Жили мы на острове, только в какой стороне он лежит, показать не могу. Сама я царская нянька, а этот цветочек ненаглядный — единственная царская дочь. Берегла я её и лелела, да вот от злого турка не уберегла. Гуляли мы с ней по берегу, тут нас и схватили.

Закружили по морю, проклятые, не понять, как в наше царство добраться!..

Старушка заплакала, молодой купец с жалостью на красавицу поглядел. Видит, и она плачет, но улыбка на прекрасном лице сквозь слёзы пробивается, как солнечный луч сквозь тучи. Взял он её за руку, сказал:

— Если к твоему отцу мне тебя не довести, хочешь — к моему отвезу? Будешь моим родителям дочерью, мне — женой.

Вспыхнули у красавицы щёки, ничего она не ответила, только склонила голову в знак согласия да сняла с пальца перстень и надела его купеческому сыну на мизинец.

Долго ли плыли обратным путём, коротко ли, а приплыли в родную гавань. Отец с матерью молодого купца не встречают, — ведь уплыл их сын на новом корабле под тугими белыми парусами, а к пристани подходит ветхая посудина с лохмотьями на мачтах.

Рассердился отец на сына, услышав, как тот купеческим добром распорядился. Покричал, побушевал, потом глянул на красавицу, невесту и поутих. Размягчилось его сердце, как воск при огне. Подумал он:

«Хорошая жена — самое большое богатство. Что бы я без своей старухи делал? Прибыли получал и убытки терпел, счастье и несчастье — всё она со мной делила».

Сыграли свадьбу, зажили все вместе. Полюбилась старикам невестка, и с сыном они ласковы. Только больших дел отец сыну не поручает. Вроде приказчика при себе держит.

Год так прошёл. Стала мать просить за сына:

— Ничему он в подручных у тебя не научится. Дай ему новый корабль, испробуй ещё раз его силы.

А отцу и самому того хотелось. Снарядил он корабль больше первого, нагрузил товарами лучше прежнего и отправил сына в торговое плаванье.

Быстро бежит корабль по морю вдоль побережья, свежий ветер паруса надувает. Сколько сёл, сколько маленьких городков миновали, не сосчитать — нигде молодой купец к берегу не пристаёт. А причалил он к пристани большого города с высокими башнями, с каменными домами. Сам себе сказал:

— Вот уж тут я свой товар с выгодой продам, с выгодой и новые товары куплю. Будет отец доволен!

Только ступил на берег, смотрит — стражники каких-то бедняг волокут и в темницу бросают. Да не одного, не двух, десятками, сотнями сгоняют. Подошёл молодой купец поближе и спросил у стражника:

— Что тут делается? Неужто в вашем краю столько воров-разбойников развелось?

— Какие они воры, какие разбойники! — отвечает стражник. — Все честные земледельцы. Прошлый год недородный был, подати им нечем платить. Вот нам и велено их в темницу бросить и держать до тех пор, пока недоимки не уплатят. Мы и сами не рады, да приходится исполнять приказ.

— А велики ли недоимки? — спросил молодой купец.

— Нам не сказано, про то начальник знает.

Пошёл молодой купец к начальнику, всё узнал. Велик долг, да если все товары до последнего продать, как раз покроется.

Пока он товары распродал, пока платил крестьянские недоимки, только про бедняг и думал, а как сел на пустой корабль и в обратный путь тронулся, тут и вспомнил про отца. Да ведь когда дело сделано, жалеть не о чем!

Корабль в родную гавань вошёл, а уж на берегу встречают его и отец, и мать, и молодая жена, и старая нянька.

— Ну что, — спрашивает отец, — хорошего ли товара накупил в чужом краю?

— Не привёз я товара, — сын отвечает.

— Значит, деньги привёз?

— И денег не привёз.

Тут сын пал отцу в ноги, всё рассказал, во всём повинился. Но отец и слушать ничего не захотел, прогнал сына с глаз долой.

— Уходи куда хочешь, живи как знаешь, — сказал, — а твоя молодая жена, моя невестка, пусть при нас останется. Она ни в чём не виновата.

Но красавица только головой покачала.

— Нет, батюшка, — говорит, — место жены рядом с мужем. Что с ним станется, то и со мной будет.

— А я свою ненаглядную не оставлю, — сказала старая нянька. — Не для того я её с младенчества нянчила.

Поселились они втроем в маленьком домике вблизи гавани. Узнали нужду, узнали и тяжкую работу. Купеческий сын работы не боится, одно лишь его тревожит: реже улыбается молодая жена. Раньше по утрам весёлые песни напевала, а теперь всё больше молчит да глядит в морскую даль.

Вот и говорит он однажды жене:

— Ты царская дочь, а в бедности живёшь, не годится это. Виноват я перед тобой.

— Напрасно себя винишь, я не по богатой жизни тоскую, — отвечает она. — Мне бы отца повидать. Соскучилась я очень.

— Был бы у меня корабль, я бы твоего отца разыскал.

Тут старая нянька голос подала:

— А ведь турецкий корабль, тот, на котором мы в неволе томимись, так в гавани и ветшает.

Купеческий сын старуху обнял:

— Спасибо тебе за совет. Как же это я сам не додумался!

Стали турецкий корабль чинить. Красавица жена со старой нянькой на рваные паруса заплатки ставят. Купеческий сын прогнившие доски новыми заменяет, смолит днище и борта, начищает турецкие пушки до блеска. Закончил одну работу, за другую принялся: на корме нарисовал портрет молодой жены, на носу — нянкин портрет.

Из старого корабля нового не сделаешь, а в плаванье пуститься можно, хоть в близкое, хоть в далёкое. Купеческий сын в далёкое отправился — прямо из гавани в открытое море.

Плывёт корабль неведомо куда. В море — не на проезжей дороге, спросить не у кого. Рассказывали жена да старая нянька, что на острове жили, в белом дворце на горе посреди зелёного сада. Вон и остров показался вдали. Подплыли чуть поближе — нет, не то это место. Один песок да камни на том острове, только чайки по прибойной полосе ходят. Снова по морю рыщут, во все стороны море оглядывают. Вот опять остров, и опять не тот — голые скалы стеной из волн поднимаются, а над ними орёл высоко в небе кружит.

Поплыли дальше, дней-ночей не считая. Наконец увидели третий остров. Обрадовался купеческий сын: в точности всё так, как ему говорили, — большой остров, красивый город, белый дворец на горе посреди зелёного сада. Подошли к острову, принялись из пушек палить в знак приветствия.

Удивились горожане, и царь во дворце удивился: кто бы это к ним приплыл? Верно, знатный гость пожаловал! Кликнул царь первого министра и поспешил к пристани. Корабль уже на якоре стоит. Видит царь — на носу корабля старушка нарисована, и похожа она на старую царевнину няньку. А на корме портрет самой царевны. Словно живая, прекрасными глазами смотрит, отцу румяными устами улыбается. Обезумел царь от радости, бегом на корабль бросился. А министр... О министре потом речь пойдёт.

Начались вопросы-расспросы. Купеческий сын всё рассказал: как разбойников-турок в море повстречал, как пленников выкупил, как царевну со старой няней от злой неволи освободил.

— Всех пленников я по домам развёз. Только твоя дочь мне дорогу показать не могла. Я с ней к своим родителям вернулся, стала она им любимой дочкой, мне — дорогой женой.

— Так будь же и ты мне сыном, — вскричал царь, — моей короны наследником! Привези мне дочку, чтобы в старости моим глазам светло было. Да поклонись своим родителям, передай, что твой отец мне братом будет, мать — сестрою.

— С радостью привезу, — отвечает купеческий сын. — Завтра же на ранней заре пушусь в обратный путь.

— Нет, погоди, — говорит царь. — Нехорошо царскому наследнику да царской дочери на старом турецком судёнышке плыть. Дам я тебе большой новый корабль, как вам подобает.

Тут первый министр в разговор вступил:

— Не забыл ли ты, твоё величество, что для такого случая царской дочери свита положена? Не повелит ли твоя милость мне поехать?

— И правда ведь, — отвечает царь, — поезжай! Так оно пышнее выйдет.

Недолго царское слово молвить, а корабль снарядить всё же время надо. Через сколько-то дней отплыл купеческий сын с первым министром, с проворными слугами из разукрашенной флагами гавани.

Пока корабль плывёт, время есть — можно про первого министра рассказать. Грызёт его злая дума, гложет чёрная зависть. Ещё только царская дочь подрастала, министр на ней жениться задумал, сделаться всего царства наследником. До поры затаился, чикому про то ни слова не говорил. А когда расцвела царевна, словно пышный цвет в саду, собрался министр открыться его царскому величеству, да не успел — умыкнули проклятые разбойники красавицу. Теперь нашлась она, а что толку? Царевна-то чужой женой стала. Но не таков был первый министр, чтоб от своих замыслов отказаться. Дело ещё поправить можно, решил он, только спешить не надо.

Так он прикидывал-раздумывал, а корабль всё бежал по волнам да бежал.

Купеческий сын свою жену и старую няньку не там нашёл, где оставил. Не в маленьком домике на краю города, а в богатом отцовском доме. Отец и мать к себе их взяли, любили и баловали сынову жену, словно родную дочку. И на сына отец больше не сердится, ведь прогнал его от себя не со зла — для острастки.

Не успели напироваться, друг на друга нарадоваться, как опять сыну с родителями расставаться приходится. Торопит молодая жена, не терпится ей родного отца повидать. И первый министр торопит, у него своё в мыслях. А мысли те чёрные, словно тёмная ночь.

И вот на обратном пути тёмной ночью он чёрное дело, как задумал, так и сделал. В тот поздний час не спалось купеческому сыну, поднялся он на палубу, стоит на корме, на пенную дорожку смотрит. Тут и подстерёг его первый министр. Подкрался, словно кошка, что за птичкой охотится, и столкнул купеческого сына в море. Засмеялся и пошёл спать как ни в чём не бывало.

Утром хватились — нет нигде купеческого сына. Весь корабль обыскали и следа не нашли. Не иначе, оступился как-то, за борт упал. Убивается царица, глаз не осушает. Первый министр вздыхает с ней рядом, а у самого глаза злобой горят.

С радостью в сердце ступила на корабль царица, в великой печали на родном острове с корабля сошла. И царь опечалился. По душе пришёлся ему молодой зять, спаситель дочери, хотел он ему царство передать, да, видно, не судьба.

Прошло сколько-то времени. Царь дочери говорит:

— Года мои преклонные, трудно мне со всеми делами управляться. И тебе горькой вдовицей оставаться тоже не след. Выходи замуж вот хоть за первого министра, он мне много лет верно служит, на тебя преданно глядит.

Заливается слезами царица, головой качает.

А министр царевну обхаживает, царю угрождает, всякое слово на лету ловит, всякое его желание угадывает наперёд.

Идут дни за днями, отец дочь уговаривает, министр её на свою сторону склоняет. Пожалела отца царица, дала согласие, только попросила:

— Со свадьбой не спешите. Дайте мне наплакаться, нагореваться вдоволь. Да и сердце моё не хочет верить, что никогда не свижусь я с милым мужем.

А ведь и правду ей сердце подсказывало. Не утонул купеческий сын, подхватили его волны и понесли. Близ того места, где корабль проходил, высилась скала, а вокруг скалы намыло море песчаную отмель. На ту отмель и выбросило купеческого сына.

Одиннадцать дней его солнцем палило, ливнями секло, ветром сушило. Ел он водоросли да ракушки, пил дождевую воду. Исхудал, почернел купеческий сын, с жизнью прощается, смерть ему в глаза смотрит.

На двенадцатый день увидел бедняга рыбачью лодку, а в ней старика. И старик его заметил, подплыл поближе. Присмотрелся попристальней и говорит:

— Что с тобой случилось, что приключилось? Чёрен ты, как головешка, худ, словно высохшая ветка. А всё ж я тебя признал. Пер-

вый раз ты меня из плена от злого турка спас. В другой раз из темницы выкупил. Ты купеческий сын!

— Выходит, и вправду ты меня признал. Да с той поры много воды утекло. Женился я на царской дочери, стал царским наследником. Если поможешь мне, я тебе полцарства отдам.

— Ты, когда нас, несчастных, из беды вызволял, не назначал цены, ни о чём не спрашивал. Не думал и я спрашивать. Да сам ты сказал. Смотри, как бы я тебя на слове не поймал. А теперь садись в мою лодку.

Довёз старик купеческого сына до своего селения. Накормил, напоил, потом говорит:

— Ничем больше тебе помочь не могу, ни денег у меня, ни корабля нет. Дальше сам добирайся.

Каких только мытарств не принял купеческий сын! От селения к селению шёл, где за кусок хлеба поработает, где в стогу сена ночь переспит. И рыбачил, и матросом служил, пока добрался до острова.

Хотел во дворец зайти, а его не пустили, говорят:

— Иди прочь, голодранец! Во дворце к празднику готовятся. Завтра царь выдаёт свою дочь за первого министра. С утра в саду всю вашу нищую братию будут кормить-поить. Тогда и приходи.

Сел купеческий сын на землю у дворцовой ограды. Стал ждать, а чего — сам не знает.

«Хоть бы одним глазком, — думает, — на милую взглянуть, сразу бы понял, волей или неволей она замуж идёт».

Тут как раз вышла его милая, да не одна, с лиходеем-министром, своим новым женихом. Министр, словно новый грош, сияет, а у невесты лицо бледное и печальное, будто не свадьба — похороны впереди.

Обрадовался купеческий сын: «Нет, не забыла она меня, не своей волей идёт».

Первый министр то ли видел, то ли не видел нищего, а прошёл мимо.

Царевна остановилась, подала серебряную монету. Протянул купеческий сын руку, и заметила царевна свой драгоценный перстень на его мизинце. Ничего не спросила, ничего не сказала, только сердце у неё забило в груди, как птица в силках.

Побежала она к отцу, с плачем бросилась к нему в ноги:

— Прикажи позвать того нищего, что сидит у дворцовой ограды! Расспроси, кто он и откуда.

Удивился царь, но послал слуг.

Слуги побежали, да как раз вовремя явились. Злодей министр приметлив был: хоть и не смотрел, а всё увидел, всё понял. Велел

он страже у ворот, ни минуты не медля, отрубить голову нищему, что своим ужасным видом его невесту, царскую дочь, напугал. Занёс уже стражник меч, а тут царские слуги прибежали с приказом, не дали свершиться злему делу, повели нищего к царю.

Вот всё и открылось!

Что веселья было! Царская дочь и плакала, и смеялась. Да и старый царь, её отец, не одну слезу пролил. А купеческий сын всё рассказывал да рассказывал. На радостях забыли все про душегуба первого министра. Ну, а когда хватились, его и след простыл.

Люди видели, как он взошёл на то старое турецкое судно, что стояло заброшенным у последнего причала в гавани, поднял латаные паруса и уплыл неведомо куда. С той поры о нём на острове никогда не слыхивали.

А купеческий сын в той стране царствовать стал. Правил справедливо. Прежнего царя почётом окружил, старость его покоил. И своих родителей не забыл, пригласил их в гости. Они приехали да так насовсем при молодых и остались.

Миновало три года, и пришёл вдруг к молодому царю тот старик, что его из беды вызволил.

— Помнишь ли обещанное, царь? — спросил старик.

— Как не помнить?! — отвечает молодой царь. — Садись, будем царство делить.

Поделили большие города, потом села, потом деревни, луга и леса, пристани и склады. Царь всё на две бумаги записывал — что ему остаётся, что старику отдаёт. А как кончил писать, протянул старому рыбаку бумагу и сказал:

— Ты немало горя хлебнул, знал нужду и работы не чурался. Верю, будешь править справедливо, не обидишь людей.

Старик засмеялся, взял бумагу в руки и разорвал.

— Не за богатством, не за почестями я пришёл. Ничего мне этого не надо. А хотел я узнать, крепко ли держит царь то слово, что бедняку в несчастье давал. Теперь вижу — не стало твоё слово песком, что море приносит и уносит, крепко оно, как скала, с которой я тебя снял.

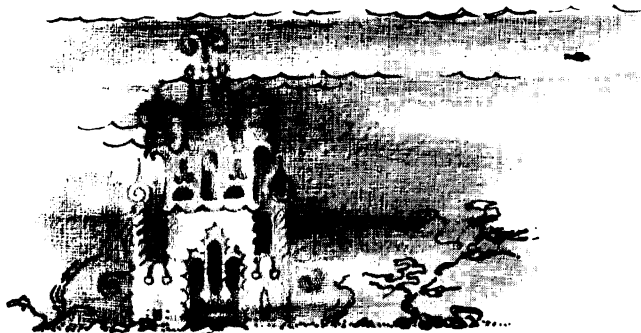
Сказал так старик, поклонился и ушёл.

А царь долго и счастливо правил на острове, в любви и согласии со своей женой век коротал.

СОКРОВИЩА ВОДЯНОГО

Словенская сказка

На берегу реки стоял домик. И жил в нём мальчик с родителями, братьями и сёстрами. Мальчик как мальчик, не хуже других и не лучше. Любил бегать, по деревьям лазать, иногда дрался, но больше всего любил он купаться.

Вот однажды прошли в верховьях дожди. Вздунулась река, вода мутная, быстрая, глянуть и то страшно. А мальчик искупаться задумал. Мать его не пускает, но он не послушался, убежал.

Только от берега отплыл, подхватило его течение, понесло. Крутит мальчика, волной захлёстывает. Уже руки у него занемели и ноги свело. Закричал мальчик, заплакал. Да никто не слышит — река ревёт, от дома далеко. . .

Никто не слышит, а водяной услышал. Подхватил мальчика и нырнул с ним на дно.

Тот водяной был нрава угрюмого. Кто ни попадёт в его царство, всех топит. Так и жил одиноко в своём подводном дворце, даже рыбок близко не подпускал. А мальчик ему приглянулся.

«Пусть, — думает, — живёт со мной. Что я всё один да один?!»

Принёс он его к себе во дворец и спать уложил.

Проснулся мальчик в хрустальной комнате, на хрустальной кровати, а около кровати хрустальные игрушки. Стал мальчик играть. Недолго поиграл и заплакал.

Прибежал водяной и спрашивает:

— Отчего плачешь?

— Домой хочу! По дому соскучился.

— Разве твой дом красивей, чем мой дворец?

— Не красивей, а лучше, — отвечает мальчик.

Плакал, плакал и опять заснул. А водяной перенёс его в другую комнату, на другую кровать положил. Стены и потолок в этой комнате из чистого серебра, что мерцает, словно лунный свет. И кровать, и игрушки серебряные.

Открыл мальчик глаза, zalюбовался. Потом увидел игрушки — лошадок серебряных, солдатиков... Принялся играть. Да скучно одному показалось. Вспомнил он братьев и сестёр и заплакал горькими слезами.

Водяной спрашивает:

— Неужто тебе и в этой комнате не нравится? О чём плачешь?

— О братьях и сёстрах. С ними весело дома было, здесь скучно.

Подумал, подумал водяной и повёл мальчика в золотую комнату. Сияют золотые стены, светло тут, будто в солнечный полдень. Водяной мальчику золотую дудочку дал и бубен с бубенцами. Мальчик в дудочку дунул — запела она нежным голосом. Потряс бубен — зазвенели весело бубенчики. А мальчик ещё горше заплакал.

— Что же ты всё плачешь? Чего тебе ещё не хватает?

— Хочу к отцу с матерью, — отвечает мальчик.

Притащил водяной жемчуг, насыпал горой у ног мальчика. А у того по щекам слёзы катятся крупнее жемчуга. Водяной удивляется:

— Разве отец с матерью дороже серебра, золота и жемчуга?

— Дороже! — отвечает мальчик.

Тут водяной пожал плечами, зелёной бородой затряс. Потом взял мальчика на руки и вынес на берег.

Побежал мальчик домой. А там все горюют, думают, что он утонул. Уж как ему обрадовались, целуют, обнимают.

Мать огонь в очаге разожгла, ужин приготовила. Сели все за стол, мальчик рассказывает, что слышал, что видел в подводном царстве. Все смеются, дивятся. То ли верят, то ли не верят... Одному рады — вся семья в сборе, значит, и счастье в доме.

А вот водяной в своём подводном дворце совсем затосковал. Всю свою жизнь копил он сокровища, думал, богаче его никого на свете нет. Да, оказывается, у людей есть такие сокровища, о каких он раньше и знать не знал. И выходит, что дороже они серебра, золота и драгоценного жемчуга.

ДОГАДЛИВОМУ УМУ ВСЕ ЗАГАДКИ ВПОРУ

Боснийская сказка

О пять у нас речь о бедняках пойдёт. Что поделаешь, бедняков на свете много, богатых мало!

Жили три брата. Бедно жили, однако не горевали.

Сказал им отец, умирая:

— Оставляю вам доброе наследство — ум да кобылу.

И правда, лошадь им верную службу служила. Они её в плуг запрягали — поле пахать, в борону запрягали — вспаханное бороновать, в телегу запрягали — урожай по осени в амбар возить. В лес ли по дрова — на лошади едут, на луга ли за сеном — опять на ней. Вот и выходило, что в хозяйстве главное лошадь, а ум вроде и ни к чему.

Только однажды проснулись братья, смотрят — дверь конюшни распахнута, опустело стойло. Во дворе следы копыт, а дальше и следы потерялись. Кинулись братья пропажу искать. Один в горы пошёл, другой — в долину, третий — вдоль реки.

Долго искали. К закату вернулись ни с чем.

— Вот и нет у нас отцова наследства, — говорит один.

— Как нет! — отвечает другой. — Отец ведь нам ещё и ум оставил. А ум для чего? Чтобы думать.

— Кто думает, тот додумается, — сказал третий.

Легли братья спать, а с утра стали думать. Не долго думали. Старший брат сказал:

— Лошадь увёл человек не низкий, не высокий, самого среднего роста.

— Ну, если самого среднего, то борода у него не чёрная, не рыжая, а цвета сухой соломы, — подхватил второй брат.

— Раз цвета сухой соломы, — добавил младший, — значит, его зовут Мусса.

И отправились братья искать человека среднего роста, с золотистой бородой, которого зовут Мусса.

Ходили они от селения к селению, по многим дорогам шагали, всяких людей видели, но ни одного не встретили, чтобы все три приметы разом сошлись.

Наконец добрались до большого города. Пришли на рыночную площадь. Кругом площади маленькие и большие лавки, перед лавками купцы сидят. Вдруг слышат, как один купец другому крикнул:

— Иди ко мне, сосед Мусса, выпьем по чашечке кофе!

Смотрят братья, идёт через площадь человек среднего роста, и борода у него того же цвета, что солома после обмолота.

— Вот он! — сказали братья и пошли за человеком по имени Мусса.

Вежливо поклонились, как положено, о здоровье расспросили, а потом старший сказал:

— Отдай нам, Мусса, лошадь.

— Какую лошадь? — Мусса брови поднял, будто удивился.

— Отцово наследство, — сказал средний брат.

— Нам без неё в хозяйстве никак невозможно, — объяснил младший.

Но Мусса сказал, что он ни братьев, ни отца их, ни лошади в глаза не видал.

Собрались вокруг соседи купца и наперебой кричат:

— Мусса торговец честный! . .

— У него своих лошадей хватает!

— А вас, голодранцев, мы знать не знаем! . .

Братья на своём стоят: отдай лошадь да и только.

Пошли всей толпой к кади — судьбе. Кади выслушал всех, потом долго гладил бороду и наконец спросил у братьев:

— Почему вы думаете, что ваша лошадь у Муссы?

— Нам так думается, — отвечали братья. — Всем троим так думается.

Кади снова принялся гладить бороду.

— Ну, вот что: приходите сегодня вечером ко мне домой.

Все кругом удивились, но разошлись по своим делам.

С первой звездой братья постучали в дом кади. Встретил их слуга, поклонился и сказал:

— Хозяин мой, кади, скоро придёт. А вы пока садитесь за стол, поужинайте.

Начали братья есть. Старший надкусил кукурузную лепёшку и говорит:

— В той долине, где эта кукуруза росла, когда-то была большая битва.

Средний сказал:

— А барашек такой нежный! Не иначе его свинья вскормила.

— Ты так думаешь? — сказал младший. — Ну, если барашка выкормила свинья, то кади не сын своего отца.

А кади сидел в соседней комнате, слушал и удивлялся. Потом положил в правый карман лимон, в левый — яйцо и вышел к трём братьям.

— Вы, я вижу, любители загадки отгадывать. Вот и скажите: что у меня в правом кармане?

— Что бы ни было, оно круглое, — быстро сказал старший брат.

— Раз круглое, значит, жёлтое, — сказал средний.

— А жёлтое — это лимон, — добавил младший.

— Ну, а в левом? — спросил кади.

— Что бы ни было, оно круглое, — опять сказал старший брат.

— Раз круглое, значит, белое — проговорил средний.

— А белое — это яйцо, — сказал младший, будто печать приложил.

Кади вздохнул, погладил бороду и велел братьям прийти утром к лавке Муссы.

Едва братья ушли, кади сам принялся разгадывать загадки. Сперва велел привести к себе самого старого старика в городе и спросил его:

— Не слыхал ли ты чего-нибудь про ту долину, где моя кукуруза посеяна?

— Слыхал, — ответил старик. — Когда я был ещё маленький, мой дед говорил, что его дед рассказывал, будто в той долине наши великий бой с турками приняли.

— Так, так, — сказал кади и отпустил старика.

Потом позвал своего управителя.

— Отвечай, как могло случиться, что барашка из моего стада свинья выкормила. Ведь мы, мусульмане, свиней не держим.

— Прости, кади, — взмолился управитель, — боялся я тебе раньше сказать. Вот как всё было. Объягилась одна овца, принесла двух ягнят. Не прошло и трёх дней, как пропал один ягнёнок. Искали его, не нашли и искать бросили. А он прибил к стаду свиней,

что сосед-христианин держит. Никогда я раньше о таком не слышивал, а только выкормили его свиньи вместе со своими поросятами. Осенью, когда стали стадо в хлев загонять, сосед увидел барашка и отдал его. И такой откормленный был тот барашек, что я тебе его к столу подал. Не гневись, хозяин, всё тебе сказал по правде.

Кади не рассердился. Погладил в задумчивости бороду и пошёл на женскую половину дома. Поклонился матери и спросил:

— Скажите, матушка, почему я отцом не отца называл. Кто был мой отец?

Заплакала старая женщина:

— Рано я овдовела. Была ещё молодой и красивой. Второй раз замуж вышла. А ты совсем младенцем был, у груди лежал. Муж мой сказал: «Зачем поселять раздор в сердце ребёнка, пусть лучше никогда не узнает, что я ему не родной отец. Воспитаю его, как своего сына». Уехали мы из того места, где раньше жили, чтобы никто тебе правду не открыл. Как же ты узнал через столько лет?

Ничего не ответил кади, только ещё ниже матери поклонился.

Наутро целая толпа собралась у лавки Муссы. Кади посмотрел на братьев, посмотрел на Муссу и заговорил:

— Не хотелось мне верить, что такой уважаемый человек, как ты, Мусса, мог присвоить чужое. Но за эту ночь я убедился, что братья правду говорят. У тебя их лошадь, Мусса?

Мусса потупился и сказал:

— Лучше один раз покраснеть, чем сто раз бледнеть. У меня их лошадь. Только не крал я её, сама она к моему каравану прибилась. Верно, забыли на ночь конюшню запереть. Надо бы отогнать чужую лошадь, да мои лошади тяжело были товаром нагружены, а одна так и вовсе захромала. Снял я с неё поклажу, перегрузил на ту, что приبلудилась, и двинулись мы дальше. А когда братья сюда пришли, стыдно мне стало при всех признаваться. Одного понять не могу — как они узнали, что их лошадь на моей конюшне стоит.

— Сейчас поймёшь, как я сам понял, — сказал кади и приказал принести плошки с застывшим бараньим жиром. Налил в плошку воды из длинногорлого медного кувшина и показал всем собравшимся.

— Смотрите, жир как был на дне, там и остался. Так и мы до поры не знаем истины. Но вот я ставлю плошку на жаровню, следите внимательно! Видите: начал плавиться жир и первая капля уже всплыла наверх. У этих братьев ум подобен жаркому огню. Хотел бы я иметь таких советчиков. — И, повернувшись к братьям, кади спросил: — Не пойдёте ли ко мне на службу?

— Нет, кади, — ответил старший брат, — не нужны тебе советчики.

— Ты мудрый человек, — сказал средний брат, — и сам умеешь идти по следу правды до конца.

— А нас земля ждёт не дожждётся. И руки наши стосковались по работе, — добавил младший.

— Будь по-вашему, — согласился кади. — А ты, Мусса, отдай им лошадь да нагрузи на неё те товары, что она на себе привезла.

И все, кто стоял кругом, закивали головами и погладили бороды в знак одобрения.

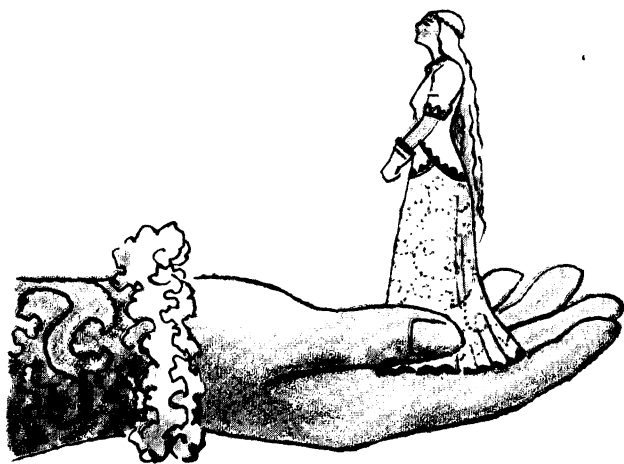
Братья вернулись домой и зажили по-прежнему. Как раньше, лошадь и в плуг, и в борону, и в телегу запрягали. Весной сеяли, осенью урожай собирали.

А довелось ли им ещё раз свой ум в ход пускать — знать не знаем. Мы сказку услышали, вам пересказали, а дальше дело не наше.

МАЛЕНЬКАЯ ВИЛА

Боснийская сказка

Был в королевстве большой праздник. Вырос у короля с королевой единственный сын. Как положено, в день совершеннолетия подрезали ему кудри, что раньше ниже пояса спускались. Зажгли множество свечей во дворце, а в саду цветные фонарики.

Король с королевой да гости постарше в зале пируют. А кто помоложе — в саду веселятся. И королевич с ними, любитесь, как девушки на лужайке коло — хоровод — водят и песни поют. Юноши один другого красивей. А королевич краше всех. Девушки с него глаз не сводят, юноши завидуют.

К полуночи разъехались гости. Слуги фонарики в саду потушили, в залах свечи задули. Тихо во дворце, темно. Все спят. Одному королевичу не спится. Вышел он в сад погулять. А ночь лунная, светлая. Узорная тень листвы на земле лежит. И увидел королевич на лужайке, где гости недавно хоровод водили, маленькую вилу-волшебницу в белом платье с золотым шитьем. Свищет, заливается певчая птица на ветке, и под её песни маленькая вила танцует.

Королевич нагнулся, протянул руку, и вила ему на ладонь ступила.

— Почему же ты на мой праздник не пришла?

— Меня не пригласили, а сама не осмелилась, — ответила вила. — Да и что мне делать, такой маленькой, на большом празднике? Меня в траве никто бы и не заметил.

— Зато я теперь тебя заметил, — сказал королевич и погладил её длинные волосы кончиком мизинца.

Даже при лунном свете было видно, как вспыхнули румянцем нежные щёчки вилы. Спрыгнула она с ладони королевича и бросилась бежать. Королевич хотел её остановить, но она выскользнула из-под его пальцев и пропала. Только её крошечная рукавичка и досталась королевичу.

Весь остаток ночи он вилу во сне видел, весь наступивший день лишь о ней думал. А как взошла луна, опять принесли его ноги на лужайку.

Вышла ему навстречу вила, улыбнулась ласково.

Королевич говорит:

— Я тебе твою рукавичку принёс. Дай я сам её на руку надену.

Протянула вила ему руку. Что за диво — не налезает рукавичка.

— Кажется, я чуточку выросла, — сказала вила. — Придётся новые рукавички шить.

— Так подари мне эту на память, — попросил королевич. — Я её у сердца носить буду.

— Бери, — шепнула вила и на глазах у королевича ещё немножко подросла.

Так и повелось. Королевич день мается, вечера ждёт. Ночью спешит на лужайку. Смотрит на свою вилу — не налюбуется, слушает её речи — не наслушается.

А вила всё растёт да растёт. Доросла до пояса королевичу, потом до плеча. Уже королевич с ней рука об руку по саду гуляет.

На седьмую ночь вила сказала:

— Луна на убыль пошла. Теперь, пока новый месяц на небе не народится, не увидимся мы с тобой.

— Милая моя, — отвечает королевич, — не могу я с тобой расстаться. Изойду тоской, разорвётся мое сердце. Хочу, чтобы ты всегда была со мной не тайной подругой при луне, а женой перед всем светом.

— А так ли ты меня любишь, как говоришь? Если стану твоей женой, хватит ли твоей любви, чтоб во всю жизнь мне верным остаться, на другую не взглянуть, той, другой, не улыбнуться?

Не одну клятву, а без числа клятв дал королевич.

И тогда вила согласилась выйти за него замуж.

Проговорили они до утра, а утром пошли вместе во дворец, рассказали всё королю и королеве, и те дали им своё благословение.

Скоро сыграли пышную свадьбу, и все гости дивились на невиданную красу невесты.

Семь лет прожил королевич со своей женой-вилой в счастье и согласии. Только на неё он глядел, только ей улыбался. Ни спору, ни размовки меж ними не бывало.

А через семь лет умер старый король. И на печальных его похоронах вот что случилось. Стоят все вокруг гроба, хор погребальные песни поёт, мужчины молча слезу утирают, женщины в голос плачут. Лишь одна красавица с рыжими волосами не плачет, не причитает. Смотрит в упор на королевича чёрными, как ночь, глазами, с его лица взора не сводит.

Любил и чтит королевич короля, своего отца, и горько было у него на душе, а всё же заметил он красавицу. Сам на неё нет-нет да взглянет.

Вот стали расходиться с похорон. Рыжеволосая красавица, будто невзначай, прошла мимо королевича и улыбнулась ему. И королевич в ответ ей улыбнулся.

Тут вскрикнула жена его вила, что рядом шла. Вскрикнула и споткнулась.

— Что с тобой? — королевич спрашивает.

— Платье мне длинно сделалось, — отвечает вила, — запуталась я в нём.

Не заметил королевич, что жена его меньше ростом стала. Не на неё глаза его смотрели.

Вила ни слова не говорит, упрёка её уста не вымолвят, только отпустила она мужнину руку, всё меньше и меньше становится.

А как вступили в дворцовый сад и дошли до той лужайки, где когда-то королевич ей в верности клялся, исчезла вила. То ли в густой траве затерялась, то ли убежала, то ли под корнями дерева спряталась.

А королевич её и искать не стал.

— Что ж, — сказал, — одну потерял, зато другую нашёл.

Сделался он королём и женился на той рыжеволосой.

Только счастлив с ней не был.

Улыбались её румяные уста всё реже и реже, глаза, тёмные, как ненастная ночь, неласково глядели. Думала она не о муже, а об утехах да нарядах. И тут угодить ей никто не мог: то ей не так и это не этак! И королевство ей тесно, и камни в короне малы, и платье не пышно, и поклоны придворных не низки!..

Вот однажды возвращался с войны через их королевство соседний могущественный царь. Возвращался он с победой, везли в его обозах богатую добычу — золото, меха, гнали табуны коней и

стада тучного скота. Остановилось войско на ночёвку, и задал царь превеликий пир. На том пиру королева только с соседним царём и танцевала, только ему и улыбалась.

А когда утром отправился царь со своим войском восвояси, пустилась с ним в путь и рыжеволосая красавица. Бросила своего мужа, с тем царём уехала.

Остался наш король один и затосковал. Но не по злой королеве он тоскует, а по своей первой любви, маленькой виле, кроткой да ласковой. Вспоминает её тихий голос, нежные руки, простые песенки. Каждую лунную ночь ходит на лужайку, плачет и зовёт её. Повторяет старые клятвы, обещает любовь и верность. Но не откликается маленькая вила. Порушенное слово второй раз силы не имеет.

Состарился король раньше времени, голова поседела, морщинами лицо покрылось, а всё ищет, всё ждёт свою маленькую вилу.

Только маленькая вила так и не вернулась. Никогда её больше никто не видел.

МЛАДШИЙ БРАТ

Черногорская сказка

Было у царя шестеро детей — три сына, три дочери. Сыновья молодец к молодцу, дочери красавицы, одна другой краше. Состарился царь, пришла пора ему умирать. Созвал он своих сыновей и сказал:

— Вырастил я вас храбрыми и сильными. Живите как знаете, я за вас не боюсь. А вот дочерей моих хотел я сам отдать замуж, да не успел. Вы ещё молоды, выбрать им мужей не сумеете, так послушайте моё отцовское слово: выдайте сестёр за того, кто первый посватается. Что им суждено, то и будет!

Тут старый царь закрыл глаза и вздохнул в последний раз. С честью похоронили царя, и в первую же ночь вот что случилось.

Затрясся дворец от стука и грома, сами собой растворились двери, и раздался чей-то голос:

— Сватаю вашу старшую сестру! Беру её в жёны!

— Покажись сначала, — сказал старший брат.

— Не можем мы отдать сестру неведомо за кого, — сказал средний.

А младший брат ничего не сказал. Взял старшую сестру за руку и с поклоном подвёл к порогу.

Будто вихрь прошумел в ночи, будто буря пронеслась, и вот уже нет на пороге красавицы.

Три дня прошло, две ночи миновало. А на третью ночь загремел гром, заблестали молнии, сами собой двери распахнулись.

— Среднюю вашу сестру хочу назвать женой, — сказал чей-то голос.

— Да ты кто такой?! — закричал старший брат.

— Куда нашу сестру уведёшь? — спросил средний.

А младший говорит:

— Что вы, братья! Или позабыли отцов наказ?

Взял сестру за руку, к порогу подвёл.

— Будь счастлива! — сказал.

Умолк гром, и молнии больше не сверкают. А средняя сестра исчезла, будто не бывало.

— Ну, уж младшую-то мы не отдадим! — толкуют меж собой старшие царевичи.

Да вышло не так, как они решили. И за этой сестрой явился неведомо кто, неведомо откуда. В ту ночь крепко заснули старшие братья, и бури не слышали, и молнии их не разбудили. Утром просыпаются, зовут сестру, а младший царевич говорит:

— Ушла наша любимица, унёс её жених, что к ней после полуночи посватался.

— Как же ты её отпустил?! — закричали старшие царевичи. — Пойдём хоть след её поищем — может, узнаем, в какую сторону унёс её тот неведомый.

Выбежали они из дворца, увидели поваленный вековой дуб, а больше ничего не нашли — ни следа, ни знака.

Заскучали братья без сестёр-красавиц. Тихо во дворце, не услышишь весёлого девичьего смеха, песенки звонкой... Поскучали, поскучали старшие царевичи и женились.

— Женись и ты, — говорят младшему брату.

Тот отвечает:

— Молод я жениться. Мне ещё охота по свету побродить, другие края повидать. А может, и сестёр где повстречаю.

Решил он быстро, собрался ещё быстрее. Меч к поясу привесил, сумку с едой через плечо перекинул, попрощался с братьями и молодыми невестками и отправился в путь.

Шёл плодородными долинами, зелёными холмами, много людей повидал, много рассказов наслушался. А однажды застала его ночь высоко в горах. Присел он у нагретого солнцем камня и задремал. Долго ли спал или недолго, а проснулся от холода — камень остыл, роса на траву пала, темно кругом, хоть глаза выколи. Только вдали, в ночной мгле, что-то мерцает. То ли звездочка низко спустилась, то ли чей-то костёр на соседней горе пылает.

Пошёл царевич на огонёк. Подходит поближе — точно, костёр.

Горит тот костёр в пещере, а вокруг огня сидят девять великанов-людоедов, жареное мясо едят.

Испугался царевич, однако виду не подал. Зашёл в пещеру и говорит:

— Э-гей, наконец-то я друзей встретил!

— Коли мы тебе друзья, так и ты нам друг, — отвечают великаны. — Садись с нами, поужинай.

— Да я сыт, — отнекивается царевич, а сам думает: «Ну как это человечина?! Людоеды же они, по всему видно!»

— Разве так меж друзьями ведётся?! — сказал один великан.

— Никак ты нашей едой брезгуешь! — сказал второй.

— Покажи на деле, кто ты таков! — закричал третий.

Что тут скажешь?! Пришлось царевичу сесть к костру десятым. Великаны-людоеды едят мясо, похваливают, царевичу лучшие куски отрезают. А царевич, бедняга, отодвинулся в уголок, где от огня свету поменьше, угощение ко рту подносит, сам не ест, под камень прячет.

Насытились великаны и говорят царевичу:

— Едок ты, видать, неплохой. Посмотрим, какой из тебя охотник. У нас тут место для охоты хорошее — и недалеко, и дичи много.

Смекнул царевич, какова у людоедов дичь, а отказаться нельзя, с такими друзьями шутки плохи. Сдерут шкуру, а самого зажарят, вот и вся дружба!

— Ладно, пойдём, — сказал царевич.

Шли недолго; только через гору перевалили — и оказались под стенами престольного града. Окованные железом ворота на запоре, зубчатые стены высокие, даже великанам не влезть. Да видно, им не впервой. Старший великан вывернул с корнями две вековые ели, приставил одну к стене так, что верхушка с зубцами сравнялась.

— Лезь, — говорит царевичу, — на стену.

Ну, царевич и влез. А великаны снизу вторую ель подают, приказывают:

— Тащи её, через стену на ту сторону перекидывай, мы по ней спустимся.

— Втащить-то пустяки, — отвечает им сверху царевич. — И перекинуть не задача. Да не хочу смолой пачкаться, руки иголками колоть.

— Эх ты, неженка, белоручка! — стыдят его великаны. — Смотри, как настоящий людоед делает.

Один полез, перекинул ель и спускаться начал. Тут царевич вытащил меч из ножен, размахнулся и отсек голову великану.

— Первый уже там! — закричал. — Следующему черёд.

Второй взобрался на стену, только принялся спускаться, да свалился вниз без головы.

Третий, четвёртый, пятый... Со всеми девятью царевич расправился. Потом спустился по ели и пошёл в город.

Идёт, смотрит — в домах все ставни на окнах наглухо закрыты, все двери заперты, только высоко в дворцовой башне окошко светится.

Ну, царевич и решил в это окошко заглянуть.

Полез на башню, за выступы цепляется, в трещины меж камнями ногу ставит. Десять раз чуть не упал, а всё-таки добрался до окошка.

Видит — на широком ложе спит девушка красоты неописанной. Чёрные волосы по подушке разметались, лицо белое, ресницы длинные на щёки полукругом тень бросают. Полюбовался девушкой царевич и собрался было вниз спускаться. Да увидел, что по стене ползёт огромный скорпион, всё ближе и ближе к изголовью... Вот-вот красавицу ужалит!

Открыл царевич окошко, спрыгнул в комнату и пригвоздил своим мечом скорпиона к стене. У девушки только ресницы дрогнули, вздохнула она, но не проснулась.

Тут царевич заклил свой меч, так сказал:

— Никому в руки не давайся! Я тебе хозяин, я тебя и вытащу.

Каким путем пришёл, таким и ушёл.

К той поре уже и рассвело. Едва ступил царевич на твёрдую землю, открылась в ограде дворцового сада калитка и вышел оттуда человек. Присмотрелся царевич: это сам король. Тут уж никак не ошибёшься: и одежда на нём золотом шитая, и корона на голове... А лицо грустное-прегрустное.

Король увидел царевича и обрадовался.

— Здравствуй, — говорит, — милый мой подданный! Видно, ты смел, что в такой ранний час на улице показался.

— Спасибо, ваше королевское величество, на добром слове. Но я не ваш подданный. Я из чужой страны, из другого царства-государства, и чего бояться надобно — не знаю.

Заплакал король в ответ.

— Беда пришла в мой город. Жизнь в нём кипела, как в муравейнике, теперь опустело всё, будто вымерло. Великаны-людоеды к нам повадились. Многих погубили. А кто уцелел, те сидят за порами, носа на улицу не кажут.

— Утешьтесь, ваше королевское величество, эта гроза мино-

вала, эта туча прошла, — сказал царевич и повёл короля к городской стене, где лежали девять великанов, девять отрубленных голов.

Король так и всплеснул руками.

— Слава тому, кто это сделал! Как бы мне того храбреца узнать?

— И ходить далеко не надо, — отвечает царевич, — он перед вами.

Не поверил король.

— Где тебе одному справиться?! Да и меча у тебя нет.

Только сказал — бегут придворные, кричат, друг друга перебивают:

— Чудеса, ваша светлость! Преогромный скорпион чуть вашу дочь не ужалил, к самому её изголовью подобрался, а кто-то пригвоздил его мечом, и ни один человек этот меч из стены вытащить не может.

— Вот, ваше королевское величество, где мой меч, — сказал царевич.

— Ну, коли меч твой, так вытащи его. Тогда поверю, что ты людоедов убил.

Вошёл царевич в спальню королевы, а королева увидела его, так и зарумянилась, словно утренняя зорька. Царевич протянул руку к мечу — рукоять будто сама ему на ладонь легла.

— Теперь верю, что и впрямь ты этому мечу хозяин. Двойную награду ты заслужил: город от людоедов спас и мою единственную дочь от лютой смерти уберёг. Обещался я руку королевы отдать тому, кто великанов победит, и готов моё слово выполнить. Только не хочу никого приневоливать. Спроси её сердце, спроси своё сердце... Как решите, так и будет.

— Мне драгоценней награды не надо, — сказал царевич. — И отец мой, что был мудрым царём, лучшей невесты мне бы не пожелал. Лишь бы королева на меня ласково взглянула.

А королева взмахнула длинными ресницами, глянула на царевича и руку ему подала.

За свадьбой дело не стало, весело и пышно её справили. Не каждый же день королевскую дочь замуж выдают!

Счастливо зажили молодые во дворце. Одно печалило царевича — сестёр не нашёл, каково им живётся, не разузнал. Да как оставишь любимую жену?!

Однажды собрался король на охоту. Позвал молодого зятя, отдал ему связку ключей и сказал:

— На эти дни оставляю тебя за себя, будь хозяином во дворце. Вот тебе все ключи, какие хочешь двери открывай, в какие

хочешь кладовые заходи, только в темницу не спускайся, кованую решётку не отпирай.

Уехал король со свитой. День прошёл, и второй миновал. На третий день захотелось царевичу посмотреть, какой ключ от какой комнаты. Весь дворец обошёл, любовался драгоценными камнями в кладовых, оружие в оружейных палатах к руке примерял... Остался у него под вечер неиспытанным один-единственный ключ, от той самой двери, что тесть-король не велел отпирать.

«Чего мне бояться, — подумал царевич, — молод я, силен и неглуп. Много чего успел на свете повидать, посмотрю и королевскую темницу».

Спустился по крутой лестнице и отпер тяжёлую чугунную дверь.

Посреди темницы — каменный столб, а к столбу прикован человек не человек, а пожалуй, человек, только видом страшен. Худой, жёлтый, иссохший, будто осенний лист. На шее железный ошейник, руки и ноги тяжёлыми цепями опутаны.

Хотел царевич опять двери запереть, но тут узник заговорил, словно ржавое железо заскрипело:

— Войди, человек!

— Незачем мне входить, — отвечает царевич. — Помочь я тебе не могу, ты не мой узник.

— Если войдёшь, подарю я тебе ещё одну жизнь. Две жизни проживёшь.

«Цена немалая!» — подумал царевич и переступил порог темницы.

— Напой меня, человек, — сказал узник, — ещё жизнь от меня получишь.

Смотрит царевич — из стены темницы бежит по золотому жёлобу вода в золотое корыто, рядом стоит золотой кувшин. А тому закованному до воды никак не дотянуться.

Ну, царевич наполнил кувшин и напоил узника. Вот диво! Пьёт тот и с каждым глотком словно силы набирается. Расправились плечи, костлявые руки толще стали, согнутая шея распрямилась.

— Теперь вылей на меня кувшин воды, освежи голову, — сказал узник. — И дам я тебе сверх тех двух жизней третью.

Послушался царевич, полный кувшин воды ему на голову вылил.

Вмиг спали цепи с узника, захохотал он, будто бой колокола под сводами раздался.

— Вот спасибо тебе, — прогремел. — Только знай, глупец, Баш-Челик за добро всегда злом платит. Такой у меня обычай, я его не менял и менять не буду. А твоя жена мне давно приглянулась, так уж не обессудь, теперь она не твоя, а моя.

Тут одним пальцем он сломал решётку в окне и вылетел вон. Испугался царевич не за себя, а за молодую жену и побежал в её покои. Да поздно, нет нигде королевны.

— Что я натворил! — воскликнул царевич и горько заплакал.

Вдруг слышит — трубят охотничьи рога, собаки лают. Это вернулся с охоты его тесть. Царевич бросился навстречу, пал ему в ноги и во всём повинился.

— Пойду искать свою жену, твою дочь, — сказал. — Куда бы ни унёс её злодей, найду её, вырву из его лап.

Покачал головой король и заговорил:

— Раньше надо было меня слушаться! Не победить тебе Баш-Челика. Дочери у меня не стало, и ты пропадёшь. Я стар, кому оставляю королевство?!

— Без моей любимой жены мне никакое королевство не нужно. Не удерживай меня! — ответил царевич.

Вывел из конюшни вороного коня, взял свой меч и тронулся в путь, на восход солнца коня повернул.

Ехал, ехал и заехал в горы. Теснятся уступами скалы, глухо кругом — верно, нога человека сюда не ступала.

И вдруг услышал царевич вороний грай. Посмотрел вверх и увидел на высоком утёсе каменный замок.

«Зайду, расспрошу, — подумал царевич. — Может, там знают, где Баш-Челика искать».

Оставил коня, чтоб пасся на чахлой траве, и поднялся на утёс.

Нёс он с собой тяжкое горе, а встретил радость. Выбежала из замка его старшая сестра, обнимает, целует, ведёт в сводчатые палаты.

Только усадила за стол — послышался свист крыльев, шум ветра. Испугалась, побледнела сестра.

— Ох, милый брат, это мой муж, царь воронов, домой возвращается. Со мной он добрый и ласковый, а вот как тебя встретит — неведомо. Давай я тебя пока спрячу.

Увела царевича в дальнюю комнату, сама к мужу вышла.

Ворон вороном порог переступил, человеческий облик принял. Сделался статным красавцем в плаще из чёрных вороньих перьев.

— Эй, жёнушка, пахнет тут людским духом, — сказал.

— Не знаю, муж мой любимый, верно, ты по свету летал, сам набрался людского духа и сюда принёс.

Подала она мужу обед, потчует и спрашивает:

— Скажи, что бы ты сделал, если бы мои братья сюда в гости пришли, меня навестили?

— Старшему и среднему глаза бы выклевал, младшего бы рядом с собой посадил.

— Ну, так сажай нежданного гостя, — сказала воронова жена и вывела брата.

Попировали на радостях, потом царевич рассказал, куда и зачем путь держит. Нахмурился, опечалился царь воронов.

— Твой враг — мой враг. Только не совладать ни тебе, ни мне с Баш-Челиком. Бился я с ним день и ночь, ему не поддался и победы не одержал. Лучше возвращайся домой, я тебе золота и серебра дам.

— Нет, — сказал царевич, — или голову сложу, или вырву из его лап милую жену.

— Тогда возьми моё перо, — говорит царь воронов. — Если совсем плохо придётся, дунь на перо и скажи: «Гори ясным пламенем, синим огнём!» Прилечу к тебе на помощь и войско приведу — семь тысяч воронов.

— Спасибо тебе, — сказал царевич.

Поцеловал сестру, обнял царя воронов и отправился дальше.

Ещё глуше места пошли, вершины выше, ущелья темнее. И вот над двумя уступами увидел царевич — высится замок сквадратными башнями. Повернул коня, подъехал к тому замку, а навстречу ему средняя сестра выбежала.

Что тут радости было! Узнал царевич, что взял её в жёны царь соколов, что хорошо ей живётся.

Скоро и сам царь соколов домой вернулся. Сестра брата спрятала, принялась мужа спрашивать, где летал, что видал.

— Летал высоко, смотрел далеко. Видел всадника на коне, что к нашему замку подъехал. Не таи, жена, говори, кто таков.

— Если бы братья мои пожаловали, что бы ты сделал?

— Старшего и среднего с утёса бы столкнул, младшего рядом с собой бы посадил.

Привела сестра брата, за стол усадила. Смотрит царевич — хорош муж у старшей сестры, а этот ещё лучше. Взгляд соколиный, плащ из сокольных перьев с широких плеч до полу спадает.

За пиром, за беседой всё царевич рассказал.

— Ох, не простое ты дело затеял! — сказал царь соколов. — И я с Баш-Челиком бился, двое суток сражался, а победы не до-

был. Будто заколдованный этот Баш-Челик. Возьми лучше из моих кладовых драгоценных каменье, сколько конь твой снесёт, и возвращайся домой.

Но царевич на своём стоит. Погостевал и распрощался по-доброму с сестрой и её мужем. Снова в путь пустился. За поясом у него теперь два пера — одно вороново, другое соколово.

Едет царевич и думает:

«Двух сестёр повидал — значит, и третью не миную!»

Поднялся на горный перевал. Тучи далеко понизу ходят, над головой небо ясное. Тут и увидел орлиный замок, где жила его младшая любимая сестра.

Она его издали с крепостной башни заметила. Вместе с мужем, царём орлов, встречать вышла.

Пожил, попиrowал у них царевич и прощаться начал. Царь орлов его удерживает:

— Знаю, знаю я Баш-Челика. Живёт он в глубоком ущелье. Как спустишься с перевала, так и начнутся его владения. Сам я силой с ним мерялся, да не берёт его ни меч, ни стрела, ни крепкий клюв, ни острый коготь, будто и нет на него смерти. Верно, спрятана она где-то, и пока той тайны не визнаешь, не победить его. Лучше оставайся с нами.

А сестра-красавица обхватила его белыми руками, обнимает, не пускает.

Но царевич своё твердит:

— Сам я злодея выпустил, а он жену мою унёс. Моя вина — мой и ответ.

— Ну что ж! — сказал царь орлов. — Задуманное исполняй. Вот возьми моё перо — что с ним делать, сам знаешь.

Оседлал царевич своего вороного и поехал. Раньше всё в гору поднимался, теперь его путь вниз лежит, каменными осыпями, узкими проходами.

Вдруг споткнулся его конь, остановился. Глядит царевич — над ним скалистые стены поднимаются, перед ним глубокая пещера.

«Конь споткнулся — не будет удачи!» — подумал царевич. А всё-таки спешился и вошёл в пещеру. Тесный ход миновал и очутился в подземном дворце. Сияют стены самоцветами, хрустальные колонны высокие своды подпирают. А перед очагом сидит красавица, его дорогая жена, льёт горькие слёзы, руки ломает. Как увидела царевича, ещё горше зарыдала.

— Муж мой милый, зачем сюда пришёл?! Страшен и лют Баш-Челик. Меня не спасёшь и сам погибнешь.

— Если сделаешь всё, как я велю, не страшен нам Баш-

Челик. Против женской хитрости и мужской силы и Баш-Челик не устоит. Разведай, где его смерть спрятана, где его погибель таится.

Высохли слёзы у королевы, спрятала она мужа, поджидает Баш-Челика.

Недолго и ждала. Скоро он домой пожаловал. Накормила она его, напоила; положила голову его себе на колени, гладит по волосам, приговаривает:

— Господин и повелитель мой, много у тебя силы, но врагов ещё больше. Как бы они тебя не одолели.

— Не бойся. В мече моя сила, а никто ещё из рук его не выбивал.

Взяла королева меч и поцеловала.

Засмеялся Баш-Челик:

— Неправду я сказал. Сила моя в копье, в бою я его крепко держу.

Королева отстегнула шёлковый узорчатый поясок и обвила им копье.

— Вижу, вижу, дорогая, что любишь ты меня. Никому не открывал я свою тайну, тебе одной открою. Того поразить можно, кто свою жизнь и смерть при себе носит. А моя смерть хитро спрятана. На вершине горы, что над нами вздымается, есть нора, а в норе — лисица, в сердце лисицы — утка, в утке — хорёк, а в том хорёке — моя смерть.

Царевич в потайном углу всё слышал, всё запоминал. Под конец не смог удержаться, ахнул от радости.

Тут Баш-Челик вскочил, королеву оттолкнул и закричал страшным голосом:

— С тобой, изменница, я после расправлюсь! А сейчас этим глупцом займусь. Выходи на бой, царевич! Раньше, чем ты до моей смерти доберёшься, я тебя, как комара, прихлопну.

Вышли они из пещеры, обнажили мечи. Сталь о сталь звенит, искры летят. То один наступает, то другой, ни один верх взять не может. Наконец изловчился Баш-Челик и выбил из рук меч у царевича, а свой ему в грудь вонзил.

Упал царевич на землю, чувствует — последние минуты приходят. Баш-Челик ему говорит:

— Одну жизнь из тех, что тебе подарил, я у тебя отнял. Две ещё остались. Вставай, дальше бейся!

Поднялся царевич, за копье схватился. Теперь оба копьями бьются, один другого поразить старается. Царевич ударит — стальной наконечник будто от камня отскочит. Баш-Челик копьем царе-

вича достанет — у того алая кровь из ран струится. Обессилел царевич, упал. А голос Баш-Челика над ним гремит:

— Вот и вторая дарёная жизнь кончилась.

— Зато третья осталась! — крикнул царевич и бросился на Баш-Челика.

Меч в стороне лежит — не достать, копьё сломано, но есть ещё сила в руках. Схватились врукопашную.

Сжимают друг друга в лютых объятиях так, что кости трещат. Гнут к земле, снова распрямляются. Долго бились, времени счёт потеряли. Начал слабеть царевич, иссякла его мощь. Схватил Баш-Челик его за горло, под себя подмял.

— Эх, — говорит, — жаль, что не могу тебя прикончить. Третью дарёную жизнь у тебя отнимаю, теперь береги ту, что от матери при рождении получил. Вставай, опять будем биться!

Не сразу царевич сумел подняться. Потом встал, шатаясь, выхватил из-за пояса три заветных пера и прошептал:

— Горите ясным огнём, синим пламенем!

Вспыхнули перья, как царевич приказал. А Баш-Челик это увидел и взревел так, что эхо раскатилось по горам, лавины с вершин сорвались, горные потоки вспенились. Налетел он на царевича, размахнулся мечом и разрубил его пополам.

В этот миг потемнел ясный день, солнце тремя чёрными тучами закрылось. Это три обещанных крылатых войска летят на помощь. Да поздно! Лежит царевич бездыханный. Королева из подземного дворца выбежала, рыдает-причитает, мужа оплакивает.

А Баш-Челик? Баш-Челик, увидев несметную силу, что на него войной идёт, так подумал:

«Убить не убьют, да и я их не одолею. Лучше спрячусь в пещеру, скалой вход привалю. Там они меня не достанут».

И кинулся в пещеру. Да так спешил, что прекрасную королевну позабыл с собой унести.

Отделились от пернатых туч царь воронов, царь соколов да орлиный царь. Увидели мёртвого царевича, заклекотали горестно. Тут королева сказала им:

— Братья мои названные, отомстите за моего мужа. Пусть сгинет Баш-Челик, чтобы духу его злого на земле не осталось!

И поведала им Баш-Челикову тайну, что от него самого вызнала.

— Отомстим! — поклялись зятья в один голос.

Крылатому воинству своему велели выход из пещеры стеречь, а сами поднялись вровень с самыми высокими вершинами.

Осмотрел всё кругом ворон — никого, ничего не увидел.

Тогда взвился сокол ещё выше, повис на широких крыльях посредине между небом и землёй и зорким глазом всё вокруг окинул. Да ничего, никого не увидел.

Тут взмахнул орёл могучими крыльями, взлетел к самому солнцу и оттуда на землю посмотрел. Сразу заметил на вершине горы лисицу, что меж кустов притаилась. Сложил крылья и пал камнем вниз. Острыми когтями схватил он лисицу и вырвал из её груди сердце. А из сердца лисы шестикрылая утка вылетела, низко над землёй понеслась. Да сокол её мигом настиг и растерзал. Упала шестикрылая утка, выскочил из её груди хорёк и хотел было в норку юркнуть, да не успел. Ворон на него кинулся, расклевал крепким клювом.

Где чёрная кровь хорька пролилась, пробился родник с прозрачной водой.

— Вот, братья, тайна тайн Баш-Челика, — сказал мудрый ворон. — Это живая вода, которую Баш-Челик от всех скрывал.

Все три царя птиц набрали в клювы воды и вернулись к пещере. Омыли той водой царевича, и вскочил он на ноги ещё сильнее и красивей, чем прежде.

— Где ты, Баш-Челик? — закричал он. — Выходи, будем биться!

Зашевелилась скала, что вход в пещеру запирала, отвалилась и с грохотом рухнула вниз. А из пещеры выполз умирающий Баш-Челик. Забился в злых корчах. Свился, ровно змея, и издох.

На радостях пировали у орлиного царя, потом у царя соколов, потом у царя воронов. А самый весёлый пир задал король, когда царевич вернулся сам и любимую его дочь с собой привёз.

На том пиру и братья царевича со своими жёнами гостевали, доблесть младшего брата славил.

КЛАД ЦАРЯ КОНСТАНТИНА

Болгарская сказка

Как-то пас юноша стадо овец на краю луга, у опушки леса. Вдруг поднялся ветер, нагнал тучи. Сразу небо потемнело, будто в осенний вечер. Хотел юноша овец домой погнать, да овцы сбились в кучу, дрожат, а идти никуда не идут.

Тут грянул гром, блеснула молния и подожгла прошлогодний стог сена, что неподалёку стоял. Охватило стог пламенем, высоко взметнулись языки огня. А из стога свист и шипение раздаются.

«Что за диво?» — думает юноша.

Присмотрелся, видит — в огне мечется змея. То в кольцо совьётся, то распрямится, в одну сторону бросится, в другую...

— Что делать? — сказал себе юноша. — Не спасти — стыд, спасти — страх. Ведь ужалит!

Глянул ещё, как змея корчится в огне, решился и протянул ей конец посоха. Будь что будет!

Змея обвила посох, а юноша быстро посох из горящего сена выдернул. Лежит змея у его ног, шкура на ней опалённая, пузырями вздулась.

— Как же ты, бедняга, жить будешь? — сказал юноша.

Но змея ударилась трижды о землю и сбросила старую шкуру. Засверкала на ней новая кожа, радугой переливается, самоцветными камнями отсвечивает.

Нагнулся юноша, чтобы получше её рассмотреть. А змея вдруг распрямилась, прынула вверх, словно стрела с тугой тетивы, и коснулась губ юноши раздвоенным жалом, будто поцеловала его.

Юноша в испуге отшатнулся. Но змея сказала:

— Не бойся, я тебе зла не сделаю. Ты меня спас, я тебя отблагодарила.

Удивился юноша: змея говорит, он её понимает. Как такое может быть?

Покачала змея головой, точно прочла его мысли.

— Не удивляйся! Это и есть мой дар тебе. Отныне ты будешь понимать язык зверей и птиц. Может, тебе мой подарок пригодится, а во зло, знаю, ты его не обратишь — сердце у тебя доброе. Ну, а теперь прощай.

— Прощай и ты! Спасибо тебе.

Повернулась змея, чтобы в лес уползти. Подползла к кусту, а за кустом что-то как шарахнется! Ветки затрещали, сухие листья зашуршали.

— Как бы кто мою змею не обидел! — испугался юноша и бросился к кусту.

Никого там нет; только трава примята да вязанка хвороста брошена.

Змея голову подняла и сказала:

— Бойся того, кто тут был!

Юноша спрашивает:

— Кто же тут был?

— Сама не знаю. А только берегись. Он нас видел, наш с тобой разговор слышал.

Сказала так и пропала в зелёной траве.

К вечеру юноша пригнал овец домой. Стал их в хлев загонять. Старая кобыла увидела овец и заржала. А юноша всё понял.

— Хорошо ли паслись? — спрашивает у овец лошадь.

— Б-б-е-едные мы, — овцы отвечают. — Гроза нас напугала.

— А у меня от этой грозы разломило старые кости, — жалуется лошадь. — Если дадут хозяева отдохнуть завтрашний денёк, выздороветь, не дадут — совсем охромею.

Пошёл юноша в дом, сел с отцом ужинать. Отец говорит:

— Завтра с утра боронить поедешь.

Юноша отвечает:

— Нет, не поеду завтра. Пережду денёк.

— Что за споры?! Как я сказал, так и будет!

Делать нечего! Не посмел он отца послушаться.

Стал юноша поле боронить — кобыла еле ноги передвигает, пройдёт пять шагов, остановится. Ему бы кнут в ход пустить, а он её жалеет. Знает ведь, что не ленится лошадь — трудно ей.

Кое-как взборонил поле. На обратном пути лошадь совсем захромала. Отец разворчался:

— Не уберёг кобылу! Теперь, пожалуй, с неделю даром в стойле простоят.

Ночью долго не мог заснуть юноша. Обидно ему, что отец его несправедливо бранил. И сказать нельзя, никто такому не поверит.

Близко к полуночи залаяла их собака.

— Что ты тут делаешь ночью?! — рычит на кого-то. — Убирайся, пока цел! Искусаю ноги, штаны порву... Мои хозяева к тебе по ночам во двор не ходят, и ты не ходи. Ведь чую: недоброе у тебя на уме!

Погрозилась собака, поругалась ещё немного, потом затихла.

«Кто же вокруг нашего дома ходит? — думает юноша. — У кого недоброе на уме?»

Утром отец говорит:

— Всю ночь наша пустилайка брехала, не давала спать. Запри её с вечера в хлев.

— Зачем собаку запирать? — отвечает юноша. — Она наш верный сторож.

— Опять отцу перечишь! — разбушевался старик. — Что только с тобой творится!

Сын спорить не стал, а сделал по-своему. Весь день он с отцом поле засеивал. Вечером вернулись, он зазвал собаку в хлев да двери неплотно прикрыл.

И отец и сын наработались за день, устали, крепко заснули. Ничего не слышали.

А днём повстречал юноша соседа. Идёт сосед, ноги волочит, рука у него полотняной тряпочкой перевязана. Догадался обо всём юноша. Недаром тот сосед во всей округе слыл человеком злым и завистливым.

Юноша подошёл к нему, спросил:

— Зачем ты по ночам вокруг нашего дома ходишь?

Сосед посмотрел на него злобно и хриплым голосом зашептал:

— Пусть голова моя с плеч упадёт, если не завладею я тем богатством, что тебе змея подарила. Повезло дураку! Ведь и мне не трудно было змею из огня вытащить. Да почём я знал, что она не простая змея.

— То богатство, которое я получил, — сказал юноша, — тебе ни к чему.

— Значит, есть всё-таки богатство! — закричал сосед.

Ничего не ответил юноша, повернулся и пошёл своей дорогой.

А шёл он на своё поле, что вчера с отцом засеял. Видит — на поле слетелась стайка воробьёв. Выклёвывают брошенные в землю зёрна.

«Кыш-кыш!» — хотел было крикнуть юноша, да остановился. Услышал, как один воробей сказал:

— Вы что же, озорники, делаете! Сколько раз вам повторять надо? Говорил вам: клюйте только те зёрна, что не взойдут. А всхожие не трогайте. Хорошо тогда пшеница уродит, и мы и люди сыты будем.

Слушает юноша, смотрит, и смех его разбирает. В середине стайки сидит старый важный воробей, а вокруг короткохвостые, желторотые воробьишки прямо в клюв ему глядят. Ну, в точности ребятишки, что в первый раз в школу пошли.

«Вот оно что! — думает юноша. — А отец меня в поле послал птиц отгонять!»

И вернулся домой.

Отец во дворе на него набросился:

— Почему так рано пришёл? Опять своевольничаешь! Сладу с тобой нет! Чтоб завтра с самого утра на поле был, до вечера птиц гонял.

— Не пойду больше! Не надо их отгонять, — отвечает сын.

Разгневался отец, поднял палку и ударил сына. А тот палку перехватил и переломил о колено.

Тут прямо как из-под земли тот самый сосед вырос. Видно, он так около их дома и околачивался.

— На твоём бы месте, — говорит отцу, — я бы такого не стерпел. Судье бы пожаловался. Во всех старых книгах написано: дети да слушаются своих отцов!

Отец в сердцах не стал разбираться — с добра ли, со зла такой совет дан. Побежал к судье.

Судья отца выслушал и сына к себе призвал.

— Так ли отец про тебя говорил, послушник отцовской воли?

Юноша отвечает:

— Так и не так.

— Наше судейское дело — обе стороны выслушать. Скажи, что так, что не так.

— Отошли всех из комнаты. Никто не должен слышать, что я тебе открою.

Судья пожал плечами, но велел всем выйти.

И юноша рассказал судье всё как было. Ничего не утаил.

Тогда судья позвал опять отца и сказал ему:

— Сын твой ни в чём перед тобой не виноват. Поверь мне. Ты его не неволь. Он не хуже делает, а лучше.

Отец вздохнул с облегчением. Ведь у него, пока в соседней комнате дожидался, весь гнев прошёл, одна боязнь осталась, как бы судья слишком сурово любимого сына не наказал.

А судья остался один и принялся размышлять:

«Юноша мне тайну доверил. Должен я её хранить или нет? От всех людей — должен. А от царя такую тайну скрыть не посмею».

Решил так и отправился к царю. Всё ему рассказал.

Царь выслушал судью молча, молча отослал его взмахом руки. И тут же послал гонца за юношей.

— Тебе, понимающему язык зверей и птиц, ведомо многое, что скрыто от людей, — сказал царь юноше. — И даже от меня самого. Зато я могу казнить и миловать. И никакая тайна тебе не может, если я повелю казнить тебя. Найди мне клад царя Константина.

— Но я не знаю, где царь Константин зарыл свой клад, — ответил юноша.

— Не знаешь, так узнай! — приказал царь.

— Дай подумать до утра, — попросил юноша.

Всю ночь он не спал, всю ночь думал. А наутро предстал перед царём и сказал:

— Трудную, царь, ты мне загадку загадал. Но попробую её разгадать. Вели своим слугам доставить на вершину горы, что поднимается над моим родным селением, десять коровьих туш, десять мешочков крупной соли и десять корзин отборного зерна. И пусть оставят меня одного на три дня и три ночи.

Всё было исполнено, как юноша просил.

Когда царские слуги ушли и оставили юношу одного на вершине горы, он принялся за дело. Коровьи туши положил на одном берегу ручья, что бежал в долину из-под скалы, куски соли разбросал по другому берегу, а отборное зерно рассыпал на скале. Потом построил себе шалаш из веток и спрятался в нём.

Начался пир у зверей и птиц. Кто только тут не побывал! Мясо рвали волки, лисицы и рыси. Зерно клевали всякие птицы. Соль лизали косули, серны да горные бараны.

А юноша затаился в своём шалаше, смотрел и слушал. Много чего узнал, много чего наслышался. Но про клад царя Константина ни один зверь, ни одна птица ничего не сказали.

На третий день к вечеру звери всю соль слизали, мясо съели, птицы всё зерно склевали.

«Пропала моя голова!» — печально подумал юноша.

Вдруг захлопали где-то верху тяжёлые крылья. И один

за другим на белеющие кости с остатками мяса спустились три орла. Клюют орлы мясо и неспешный разговор меж собой ведут.

— Долго мы все трое на свете живём. А пожалуй, я вас всех старше, — сказал один орёл. — Вот я что помню. Я ещё малым птенцом был, когда такая снежная зима выдалась, что с гор лавины катились, люди друг друга из домов откапывали.

— Нет, я тебя постарше буду, — сказал второй орёл. — В ту снежную зиму я уже хорошо летать умел. А когда я только перьями обрастать начал, выпало такое жаркое лето, такая засуха, что на людей и скотину мор напал.

— Всё это я видел, — качает головой третий орёл. — И снежную зиму, и жаркое лето... Так давно я живу, что птенцом себя и не помню. А вот когда я молод и силен был, довелось мне увидеть удивительное дело. Под тем жежевым камнем, что стоит на границе нашего царства с соседним царством, зарыл свой клад царь Константин. Триста мулов везли тот клад — шестьсот вьючных мешков, и все полны золота.

— Да, ты старше нас, — сказали два первых орла. — Мы такого не видели и не слышали.

А юноша в шалаше всё видит, всё слышит.

Посидели орлы ещё немного и улетели. Тогда юноша со спокойным сердцем заснул впервые за трое суток.

Разбудили его царские слуги:

— Вставай скорей! Царь велел тебя к нему привести. Сказал, что время твоё истекло.

— Ну, что ты с собой принёс? — спросил царь, когда юношу привели к нему. — Жизнь свою или смерть?

— Что себе принёс — увидим. А тебе принёс тайну клада царя Константина. Вели снарядить триста мулов да на каждого по два вьючных мешка. Я покажу, где зарыт клад.

Идёт караван мулов, а впереди на царском вороном коне юноша едет.

Едет и думает:

«А ну как старый орёл, что себя птенцом не помнит, перепутал от старости место!»

Но всё было так, как орёл сказал. Под жежевым камнем лежала тяжёлая гранитная плита. Когда её отвалили, открылся ход в пещеру. Двенадцать человеческих скелетов белели в подземном лазе. Чьи это кости? Верно, здесь убили тех, кто прятал клад. Мёртвые уста не выдают тайны! А где нашли свою смерть те, что убивали этих бедняг? Никто не знает...

«Вот какова она бывает, царская милость!» — подумал юноша.

Лаз привёл в глубокую пещеру, полную золотых монет.

Пока нагребали золото во вьючные мешки, юноша вышел из пещеры на вольный воздух. И показалось ему, будто чья-то тень метнулась за межевой камень и пропала в кустах.

Не проезжей дорогой возвращался караван, а каменистыми тропами, окольными путями. Тёмной ночью провезли золото по городу и ссыпали в царские подвалы.

А юноша что же? Прямо в родное селение, в отцов дом вернулся. Работает как ни в чём не бывало.

На третий день опять его сосед на тропе подстергёт.

— Сколько золота, — спрашивает, — тебе царь дал за то, что ты его на клад навёл?

— Я не просил, он не давал, — отвечает юноша. — Постой... Да ты откуда про клад знаешь?

— Что знаю, то знаю.

— Значит, не показалось мне. Твоя это тень у пещеры мелькнула.

— Дурень ты, дурень! — говорит сосед. — У змеи ничего толком попросить не сумел и у царя не потребовал. Уж я бы...

И свернул с тропы.

С того дня куда-то пропал сосед. Во дворе у него пусто и в доме темно. Только кошка бегает вокруг, дерёт когтями дверь да мяукает.

«Неладно тут! — думает юноша. — Не иначе, как сосед отправился к царю за меня наградю получать. А какова царская награда, я уже видел в пещере. Придётся его выручать!»

Как юноша задумал, так и сделал. Пришёл к царю и сказал:

— Отпусти, царь, того, кто за меня хотел награду получить.

— А кто тебе этот человек? — спрашивает царь.

— Он тебе сам сказал. Ты знаешь, — отвечает юноша.

Усмехнулся царь недоброй усмешкой.

— А не думаешь ли ты, что мне проще тебе голову отрубить?

— Нет, не думаю, — говорит юноша. — Видишь, царь, стаю голубей, что кружат над дворцовым садом? У одного из них под крылом моё послание к твоему соседу, могучему царю. Едва ты мне голову отрубишь, полетят голуби к тому царю, передадут письмо.

А теперь открою тебе то, что в том послании написано: межевой камень — на ничьей земле, а пещера вырыта в его царстве, не в твоём. Рассуди, царь, как бы ты поступил на его месте. Так и он поступит.

Нахмурился царь, задумался. Потом хлопнул в ладони и велел: — Позовите главного судью!

Глянул юноша на главного судью и сразу признал его: тот это самый, что его с отцом мирил. Видно, не за все заслуги цари казнят, иногда и милостью одаривают.

— Ты все законы знаешь, — обратился царь к судье, — на то и поставлен главным судьёй. Скажи, как быть. Пришёл ко мне человек, сказал, что он отец этого юноши, и потребовал, предерзкий, мешок золота за пустяковую услугу, что сын мне оказал. Ну, я разгневался и сгоряча приказал отрубить ему голову. Теперь юноша просит, чтобы я вернул ему отца живым и невредимым. А мне этот юноша мил, не хочется ему отказать.

Стал листать судья толстые книги. Долго листал, ещё дольше думал, наконец сказал:

— В старину так говорилось: если один убьёт другого и заплатит сыну убитого столько золота, сколько весит отрубленная голова, всё будет справедливо и ни одна из сторон обиды не понесёт.

— Так и сделаем, — вздохнул царь с облегчением. — Принесите сюда весы и отрубленную голову.

Принесли весы, принесли голову. Страшная голова, глаза широко открыты.

«Бедный сосед! — сказал про себя юноша. — Вот до чего довели тебя зависть да жадность!»

Положили голову на одну чашу весов, на другую стали сыпать золото. Один мешок, второй. . . Сколько ни сыплют, голова всё перевешивает, чаша с ней не шелохнётся. В десять раз больше золота, в сто раз. . . Чаша так и не качнулась.

Царь сидит чернее грозовой тучи. Судья, словно в лихорадке, книги листает. Потом захлопнул книги, сказал:

— Про такое чудо тут ни слова не говорится! Ничего не понимаю.

— И я не понимаю, — царь отозвался и повернулся к юноше: — Может, тебе, хитроумному, зверь или птица шепнули разгадку?

— Не зверь, не птица — я сам догадался, — ответил юноша. — Вели завязать глаза отрубленной голове.

Завязали голове глаза. Начали взвешивать снова.

Бросили первую горсть золота — качнулась чаша с головой.

Бросили вторую — приподнялась чуточку... Четыре горсти и ещё три монеты весила голова.

— Объясни нам, юноша, в чём тут дело?! — в один голос воскликнули царь и судья.

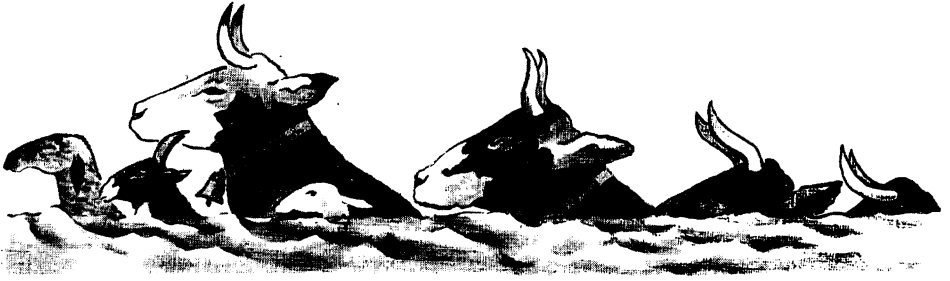
— А ведь ты, царь, и сам бы мог додуматься, — сказал юноша. — Какой клад я тебе нашёл, а ты мне и медного гроша не дал, пожалел. Ненасытна жадность, и око у жадного ненасытно. Пока видят глаза, всё ему кажется мало. Но я не жаден. С меня той мудрости хватит, что я на службе у тебя получил. Оставайся ты, царь, со своим богатством, ты, судья, со своими книгами. А я пойду по свету, буду смотреть и слушать. Кто попросит, тому помогу. Кого стоит пожалеть, пожалею.

Повернулся юноша и ушёл навсегда из дворца, и из царства того навсегда ушёл. А что с ним потом случилось, вы когда-нибудь в другой раз услышите.

ЧУДЕСНЫЙ ПОДАРОК

Македонская сказка

В Истрии, в бедном селении, что ютилось на скалистых берегах у самого моря, жил мальчик-сирота. Своего хозяйства у него не было, отец с матерью не оставили ему, умирая, ничего, кроме маленькой лачуги. Пропадать бы парнишке от голода, да пристроился он пасти коров, коз и овец всего селения. Не велико было стадо, так ведь и силёнок у мальчонки немного, он и с этим-то стадом еле-еле управлялся.

Вот однажды погнал он скотину на горную лужайку, где трава погуще да посочней. Смотрит — спят на самом солнцепёке три девушки. Все три — красавицы, друг на дружку похожи — и не различишь. Лица белые, будто первый снег, что на вершине горы выпал, на щеках румянец, словно облачко на ранней зорьке, длинные золотистые волосы по плечам, по траве разметались. Одежды то ли из паутины лесной, то ли из тумана ночного сотканы. Вилы то были, волшебницы вилы, что живут в горах, и в лесах, и в реках, и в тучах. Да пастушонок никогда раньше вил не видел, думал — девушки это простые, что прилегли, усталые, отдохнуть на траве и уснули. Вот и говорит он сам себе:

— Ведь обожжёт солнце их лица, напечёт голову.

Отошёл к краю лужайки, где росли высокие липы, наломал кудрявых веток и воткнул их в землю над головами девушек, укрыл их тенью от жаркого солнца.

Спят вилы, а мальчонка пасёт своё стадо, приглядывает, чтобы коровы не разбрелись, чтобы козы высоко в скалы не забрались.

Перевалило солнце за полдень, тут и проснулись вилы. Увидели ветки над головой, стали друг у друга спрашивать:

— Не ты ли, сестрица, ветки воткнула? Хорошо в тени было спать.

Каждая отвечает:

— Не я это сделала.

— Смотрите, — сказала одна, — вон пастушонок стадо пасёт. Не он ли о нас позаботился? Побежим, его спросим.

Побежали вилы к пастушонку, белые их ноги травы не касаются, на бегу развеваются волосы, что слепят глаза, будто солнечные лучи. Зажмурился мальчонка, в кусты спрятался.

Со смехом его вилы из куста вытащили, тормозят и спрашивают:

— Ты ветки наломал?

Оробел пастушонок, лишь головой кивнул.

Пошептались вилы, и одна дала пастушонку мешочек с золотыми цехинами, а он не то что золотых, а и медных монет отроду не видел.

— Спасибо, девушки, только что делать с этими жёлтыми кружочками? — говорит. — Мне игрушки ни к чему.

Засмеялись звонко вилы и опять зашептались.

— Ну, так слушай, — говорят. — Как погонишь своё стадо домой, что бы за собой ни услышал, не оглядывайся, пока до селения не дойдёшь. Что бы потом ни увидел — всё твоё.

Сказали так и исчезли, будто растаяли, как снежинка на ладони тает. Тут понял мальчик, что не простые это девушки, а вилы-волшебницы. Под вечер погнал он стадо домой. Идёт, не оглядывается, как вилы велели. Вот с горы спустились, к морю вышли. Гонит он стадо берегом. Вдруг зазвенел за его спиной колокольчик, потом другой, потом третий, ещё и ещё. Такой звон-перезвон по берегу пошёл. . . Не выдержал пастушонок, оглянулся.

Видит — из моря одна за другой овцы выходят, козы, коровы и к стаду пристают. У каждой коровы колокольчик на шее привязан, позванивает. Только вот как оглянулся, ни одна больше из волн не вышла. Да не беда! И без того скотинки много.

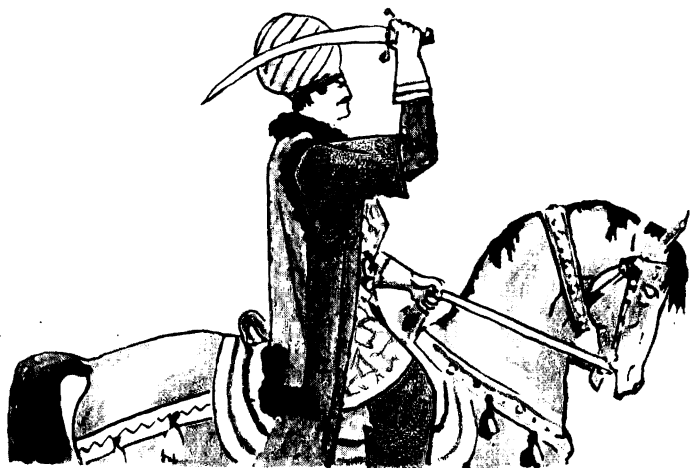
Вернулся пастушонок в родное селение. Стал по дворам скотину загонять: у кого две овцы — пять возвращаются, у кого одна корова — три в хлев бредут. Всех сельчан наделил, и самому немало досталось.

Вот и запомни — вилы всё могут. Как ты к ним, так и они к тебе!

ЗАКЛАД

Сербская сказка

Много песен и сказаний сложил сербский народ про королевича Марко, потому что был он храбрым воином и навек прославил своё имя.

Так послушайте одну сказку про королевича Марко и про его жену Анджелию, чернокошую красавицу, дочь болгарского короля Шишмана.

Начинается сказка со свадьбы королевича Марко. Третий день свадебный пир гремит, вино рекой льётся, и вдруг приносят королевичу три письма. Прочёл их Марко, потемнел с лица, словно туча.

Приметила это мать Марко, стала спрашивать, допытываться:

— Что с тобой, сынок? Или вести недобрые в письмах?

— Вести добрые, — отвечает королевич Марко, — да недобрым оборачиваются. Первое письмо пишет мне друг мой Янко из Баграда: два сына родились у него, и зовёт он меня приехать поскорее, хочет, чтоб они моими крестниками стали.

— Что ж, эта весть хорошая, — говорит старуха мать. — Ты со своим другом породнишься. Откуда же второе письмо?

— Из Будима. Просит меня царь венец над головой держать на его свадьбе с царицей.

— И эта весть тебе в радость и честь, — говорит старуха мать. — Ну, а третье письмо?

— Третье письмо из самого Стамбула от султана. Затекает он войну со своими врагами. Пять лет будет та война длиться. Хочет он поставить меня главным над всеми своими янычарами.

— Дело мужчины — воевать, — говорит мать-старуха. — На войне ты себе славу добудешь. И в этом письме плохого не вижу. Почему же ты печалишься?

— Ах, матушка, всё ты правильно сказала, а про то ты не подумала, что я только три дня как женился. Легко ли молодую жену покидать, надолго расставаться!

— А ты вот что, — мать ему советует, — съезди в Баград, окрести детей у Янко. Потом скачи в Будим на царскую свадьбу. Подержи венец над головой царя и возвращайся к своей любви. Поживёшь немного дома, обойдись с женой поласковой, чтоб она тебя подольше не забывала, и тогда поезжай к султану.

Поклонился королевич Марко матери за мудрый совет. Как она говорила, так и сделал. И в Баграде, и в Будиме побывал, а потом домой вернулся.

Неделю прожил. Коротка она ему показалась. А всё же сказал жене:

— Век бы жил с тобою, любя! Да пора в дорогу собираться. Ждут меня в Стамбуле янычары, сам султан в Стамбуле ожидает. Надолго с тобой мы расстаёмся. Я к тебе вернусь покрытый славой или голову сложу в сраженье. Видно, так назначено судьбою — воину с любимой разлучаться. Так скажи мне, любя Анджелия, будешь ли ты мне верна до гроба?

Отвечает Анджелия Марко:

— Мой любимый, свет мой королевич, поезжай и обо мне не думай. Я тебя вовеки не забуду, буду я тебе верна до гроба.

Оседлал королевич Марко своего огневого коня Шараца, жена Анджелия ему стремя подержала. Взлетел Марко в седло, словно птица, жену в последний раз поцеловал и поскакал с подворья.

Прибыл в лагерь султана, султан его с почётом встретил, сделал его старшим над янычарами.

И начали они воевать. В скольких боях, в скольких сечах Марко бился — и счёт потерял. Три года прошло, и четыре кончилось, вот уже пятый год на исходе. И за всё это время Марко ни разу дома не побывал. Но во всех военных невзгодах хранил он в сердце память о своей красавице жене, длинно-косой Анджелии.

Вот однажды кончилось победой сраженье. Пируют янычары, и военачальник их, королевич Марко, с ними. Хоть закон запрещает правоверным вино в рот брать, да какой закон на войне! Пьют янычары чарку за чаркой, и Марко не отстаёт.

Опьянел помощник Марко янычар Наедражия, стал смеяться над королевичем:

— Что ты всё вспоминаешь свою длиннокошую! Ведь она тебя давно позабыла.

И другие янычары в ту же дудку дуют:

— Наши-то жёны по гаремам сидят за крепкими запорами. А твоя жена вольной волей живёт, сама себе госпожа. Что хочет, то и делает.

Королевич Марко от гнева побледнел.

— Грош цена той верности, что на цепи сидит. Птицы в железной клетке — вот ваши жёны. Чем тут хвастать?! А моя Анджелия на воле живёт и верна мне по своей воле. Клятву она мне в том дала нерушимую!

— Да она тебя и в лицо не признает, как домой вернёшься, — насмехается Наедражия. — Хочешь, съезжу я на твоём коне, в твоей одежде к тебе на подворье? Привезу кольцо с её пальца да длинную косу, которой ты хвалишься, чтоб ты ею здесь в разлуке любовался. Коли я заклад выиграю, станет моим твой любимый скакун Шарац. А коли проиграю, выберешь себе любого коня из моего табуна.

— Не стану биться об заклад конями! — отвечает королевич Марко. — Давай наши головы на спор поставим. Коли ты проиграешь, срублю я тебе голову за злые насмешки. А коли я проиграю, под турецкий ятаган я шею подставлю. Если нарушила клятву Анджелия, мне и жизнь не нужна.

Подумал Наедражия и согласился. Про себя замыслил: «Если не добром, так силой или хитростью своего добьюсь!»

Дал Марко турку свою одежду, свою саблю из Дамаска и меч свой золочёный, подвёл Наедражии любимого коня Шараца. И отправился турок в путь.

А на Марковом подворье вот что было. Рано утром встала Анджелия, подошла к окошку, видит — на дороге пыль клубится, на Шараце скачет всадник к их дому. Зовёт Анджелия старого слугу Михайлу.

— Посмотри, Михайло, едет всадник. Не мой ли это муж, королевич Марко?

Всадник всё ближе да ближе.

— Верно, он, — говорит старый Михайло, — конь его, и меч его золочёный блестит.

— И сабля его, — говорит Анджелия, — и одежда. Только лицо не его. И сердце моё молчит. Не мог же Марко мой так перемениться!

Тут дал совет старый Михайло:

— А вот посмотрим, госпожа. Если привяжет всадник коня у крайней коновязи, сядет в дубовое кресло с резьбой да возьмёт свою любимую чарку, ту, что украшена литыми виноградными гроздьями, — тогда и думать нечего: мой это господин, твой муж, королевич Марко.

А всадник уже во двор въехал. Привязал Шараца не у крайней, а у средней коновязи, сел не в дубовое резное кресло, а в обитое бархатом, выпил вино не из серебряной Марковой чарки, а из золотого кубка.

Опечалилась и испугалась Анджелия. Побежала к своей служанке по имени Елица, говорит ей тихонько:

— Приехал всадник на коне нашего господина, с его оружием и в его одежде. Хочет выдать себя за Марко. Верно, замыслил коварное злодейство. А какое — не разгадать. Как от злого гостя убе-речься?! Помоги мне, Елица, милая подруга! Дам я тебе своё колечко, что у меня в ларце хранится. Надень его на палец и ложись спать в моих покоях. А я спрячусь в твоей светлице.

Любила свою госпожу Елица, всё сделала, как она просила.

Вот настала глухая ночь-полночь. Слышит Анджелия — вскрикнула Елица. Дальше слышит — сапоги грохочут, конь Шарац заржал у коновязи, а потом застучали его копыта по дороге... Всё дальше... Всё тише...

Выбежала Анджелия из светёлки Елицы, а навстречу ей бежит сама Елица. Плачет Елица, приговаривает:

— Тёмной ночью, словно вор, он прокрался в твои покои, госпожа, сорвал с моего пальца твоё колечко и отрезал косу мою — чёрную косу.

Как услышала это Анджелия, всплеснула белыми руками.

— Вот теперь его злодейскую хитрость я вызнала!

Зовёт она старого слугу Михайлу и велит ему немедля выводить из стойла её серую кобылу да рыжего коня Михайлы. Прячет свои косы под повязку, а сама слугу торопит:

— Поскорей седлай коней. Чует моё сердце — в беде королевич Марко. Надо ехать в лагерь к султану.

Вскочила она в седло и выехала из подворья, не дожидаясь рассвета. Намётом свою серую кобылу пустила, так что Михайло на рыжем коне еле за ней поспекает.

День скакали, ночь скакали, останавливались только коней поить. И на следующее утро добрались до лагеря, где турецкое войско стояло.

Тут встретился им Янко, друг королевича Марко. Едет Янко на коне, голову на грудь опустил, брови нахмурил.

Спрашивает у Янко Анджелия:

— Скажи, воевода Янко, где Марков шатёр? Куда мне ехать — вправо или влево?

Отвечает Янко, а сам плачет:

— Справа стоит зелёный шатёр султана, а рядом с ним красный шатёр королевича Марко. Да пустой тот шатёр, нету там Марко. Поздно ты прискакала, Анджелия! Заложил свою голову Марко за тебя, за твою верность, а ты его обманула. Может, Маркова голова уже с плеч упала. Скачи прямо, никуда не сворачивай. Там увидишь, что ты натворила.

Ничего не ответила Анджелия, не стала терять времени. Хлестнула плёткой свою серую кобылу и понеслась вскачь прямо через лагерь.

В это время Марко выводили из лагеря на казнь. Глаза туго платком завязаны, руки за спиной скручены, на шее тяжёлая железная цепь. Слева палач идёт с кривым ятаганом. Справа на Шараце едет хитрый турок Наедражия, что обманом у Марко заклад выиграл.

Увидела это Анджелия, говорит своей лошади:

— Поддай голос, серая кобылка, пусть тебя услышит мой господин королевич Марко. Если он твоего голоса не услышит, признает его Марков конь Шарац.

Подала голос серая кобыла, протяжно и жалобно заржала. Отозвался ей Шарац, забил копытами, ушами запрядал.

Тут закричал Марко палачу с янычарами:

— Слышу я конское ржанье. Это лошадь с моего подворья, а ей отвечает мой конь Шарац. Остановитесь, хочу узнать, кто на ней прискакал.

А жена его Анджелия спешила и подбежала к Марко.

— Милый муж мой, королевич Марко, это я скакала днём и ночью, чтоб тебя увидеть и обман распутать.

Отвечает королевич Марко:

— Развяжи глаза мне поскорее, я хочу лицо твоё увидеть и поверить, что меня ты любишь.

Развязала Анджелия глаза королевичу и со своей головы сорвала повязку. И тотчас же пали вдоль одежды её чёрные косы, свесились ниже подола.

Говорит опять ей королевич:

— А теперь сними с руки колечко, покажи и мне и янычарам. Расскажи отгадку, Анджелия! Сам я видел и признал колечко, что привёз сюда Наедражия.

Отвечает Анджелия мужу:

— Милый господин мой, королевич, это ты забывчив, мой любимый... Ведь у турка — девичье колечко, что пять лет уже в ларце хранится. А на пальце у меня — твой перстень. Сам ты мне надел его на палец. Я его ни разу не снимала, и прирос он и к руке и к сердцу.

Подняла тут Анджелия высоко над головою руку, и все увидели золотой узорчатый перстень.

— Смотри, султан, — сказал Марко, — ведь это тот перстень, что ты подарил мне, когда я взял Косторею.

— Клянусь пророком, — ответил султан, — тот самый это перстень!

Притихли янычары, затрясся от страха Наедражия.

А Марко разорвал путы на руках, словно гнилую нитку, разорвал цепь, что змеёю обвивала его шею, выхватил у палача ятаган и первым ударом срубил голову обманщику Наедражии. А потом начал в гневе крушить янычар направо и налево. Много их полегло под могучими ударами. А те, что чудом уцелели, разбежались кто куда.

Сам султан укрылся в своём зелёном шатре. Но ворвался в тот шатёр Марко, занёс ятаган и над султановой головой.

— Опомнись, королевич Марко! — закричал султан. — За что ты на меня руку поднимаешь? Ведь я тебе никогда зла не делал. Давай разойдёмся миром. Возвращайся с верной женой Анджелией на своё подворье, а я в Стамбул отправлюсь. Где уж тут воевать, когда ты лучшее моё войско, моих янычар искрошил.

Опомнился Марко, опустил ятаган.

Вернулся он домой на своём огневом Шараце, и верная жена его Анджелия скакала рядом с ним на серой кобыле. А за ними на рыжем коне ехал старый слуга Михайло.

Много ещё у Марко-королевича битв впереди и славных подвигов, но о том сложены другие сказки и спеты другие песни.

А эта сказка кончена.

ДОБРЫЙ ДРАКОН И ЗЛАЯ ЗМЕЯ

Македонская сказка

ил-поживал бедный человек с женой и с сыном. Дружно жили, да бедно. Каждый кусок хлеба тяжким трудом добывался, а сколько за тот кусок пролито пота — и солить не надо.

Вот однажды пошёл тот человек в лес за хворостом. А лес то высоко на горе растёт: пока добрая вязанка наберётся, ноги о камни обобьёшь, спину наломаешь. Ну, наконец собрал человек хворосту, сколько унести мог, и в обратный путь пустился.

Идёт мимо скалы, а из пещеры под скалой навстречу ему дракон выползает. Зубы прямые да острые, как кинжалы, из пасти торчат, когти кривые, словно турецкие ятаганы.

— Человек, а человек, — говорит дракон, — подойди поближе. Я тебя съем.

— Что ж, — отвечает тот, — чем так жить, как я живу, лучше разом со всем покончить. Ешь, коли охота.

— А как же ты живёшь, что меня не испугался? — удивился дракон.

— Как живу?! С утра до ночи маюсь. И ночью от забот покоя не знаю. Изработался весь, одни жилы и кости.

— Да ты, пожалуй, невкусный. Я бы лучше молочка попил, только где его возьмёшь? — вздохнул дракон.

— Молока? Хочешь, я тебе завтра принесу? У меня корова есть.

У дракона глаза так и заблестели. Заулыбался по-своему, по-драконьи, зубищи оскалил:

— Принеси, добрый человек. Да смотри не обмани. А я тебе задаток дам.

Повернул голову на длинной шее, сунул её в пещеру и вынес в пасти самоцветный камень. Так и переливается самоцвет, то синим, то зелёным, а в глубине красный огонёк мерцает.

— Слышал я, что люди эти камешки любят, — сказал дракон. — А у меня их много. Только ты про это никому не говори.

— Не скажу, — обещал человек.

Вскинул вязанку хвороста на плечи и пошёл прямо к златокузнецу. Хорошую цену дал за камень златокузнеца. Человек хлеба купил, мяса и обновки жене да сыну справил.

С тех пор хорошо они зажили. Носит человек молоко к пещере под скалой, а дракон ему за то самоцветы дарит. Человек уже и деньжонок прикопил. И задумал пуститься в дальнюю дорогу, поклониться святым местам.

— Что ж, — говорит жена, — поезжай. Только давай сперва сына женим. Мне без тебя с хозяйством управиться трудно, невестка помощницей будет.

Спрашивает парня отец, есть ли у него девушка на примете.

— Есть, — отвечает сын. — Полюбилась мне хозяйская дочь из села за перевалом.

— Так надо вызнать, какого она роду-племени, какова мать, да бабка, да тётки. Гляди, сынок, как бы не вползла в дом злая змея да всех не перекусила.

— Что ты, отец, я не на бабках, не на тётках женюсь, нет мне дела до них.

Покачал отец головой.

— Какое род-племя, — говорит, — такое и семя.

А сын своё:

— Красивая она — значит, добрая.

Только вздохнул отец.

— Ох, молод ты ещё, мало на веку повидал. Пойдём-ка со мной, я тебе кой-чего покажу.

Привёл отец сына к речной заводи.

— Зачерпни воды шапкой, — велит.

Зачерпнул сын, а в шапке невзрачная чёрная змейка вьётся.

Сын с перепугу чуть шапку не выронил, закричал:

— Тьфу, какая гадость!

А отец говорит:

— Не бойся, сынок, это водяная змейка. Хоть и некрасивая,

да вреда никому не делает. Доброго она роду. — Взял её в руки и обратно в воду пустил. — Теперь пойдём в горы, другое увидишь.

Пробираются меж камней и скал, глядят — по песку змейка ползёт. На ту, водяную, совсем не похожа. Спинка вся серая, как пеплом присыпанная, а по пеплу узорами чёрными изукрашена, будто искусный мастер чернью по серебру те узоры вывел.

Сын руку протянул, чтобы взять её. Отец крикнул:

— Не тронь! Самая страшная то из змей — песчаная змея. Пепеляшкой её прозывают. Злого роду она. И мать её и бабка того же роду-племени. Так вот, сынок, смекай сам, к чему я тебе всё это показал-рассказал. Жениться-то недолго, а с женой жить весь век.

Сын в ответ:

— Слышать ничего не хочу, зря меня за собой таскаешь! Люблю девушку из села за перевалом, другой не надобно!

Ну, что делать, сосватали сыну ту, что хотел, и свадьбу сыграли.

Только отпировали, отец, как задумал, отправился в дальний путь. Перед отъездом всё рассказал жене про дракона.

— Теперь ты за меня остаёшься. Носи дракону молоко, да смотри, он парное любит.

Мать раным-ранёшенько вставала, пока сын и невестка спят. А как те проснутся, она уже дома, по хозяйству хлопочет.

Таилась, таилась, да не укрылась от глаз невестки. Всё та высмотрела, выследила. До самого драконьего логова свекровь свою, крадучись, проводила, всю тайну выведала и принялась точить мужа:

— Ты в доме не хозяин. И я не хозяйка. Зачем ты на мне женился? Знала бы, не пошла за тебя. Каждый грош из рук матери получаешь. Всякое её слово слушаешь. Вот спроси-ка у неё, куда она по утрам ходит, кому молоко носит.

Стал сын у матери выпрашивать. Мать отвечает:

— Не могу тайну открыть, я отцу поклялась. Открою — никому добра не будет.

А молодая жена своё нашёптывает:

— Будь мужчиной! Будь в доме хозяином!

Сын опять к матери. Она его уговаривает:

— Нельзя, сынок, если скажу, замучает меня совесть. Заболею я.

— Что за беда! Заболеешь, моя жена за тобой ухаживать будет.

— Ах, мой сын, раньше ты добрый был. Уж не подучивает ли тебя кто? Ну, коли ты меня не жалеешь, скажу тебе правду.

Показала она сыну дорогу к пещере, а сама с того дня слегла. Теперь дракону молоко сын носит, сын и самоцветы получает. А молодой жене всё мало.

— По капельке озеро в другое место не перенесёшь. Что этот дракон по одному камешку даёт! У самого-то, верно, полная пещера самоцветов. Убить его надо, тогда мы и вправду разбогатеем.

Каждую ночь жена мужа точит. Наконец решился он.

Сделал палицу с железным наконечником, прокрался к дракону логову, затаился и ждёт. Вылез дракон на солнышке погреться, тут-то молодой муж и ударил его что было силы по голове.

От того удара, кажется, камень бы разлетелся. Да у дракона голова крепкая, как железо. Ничего ему не сделалось, только шишка вскочила.

Рассердился дракон, обиделся.

— Я бы тебя мигом проглотил! Да жалко твоего отца с матерью. Добрые они люди.

Плюнул парню под ноги и уполз в пещеру.

А у парня ноги свело. Еле домой добрался и тоже слёг.

— Этого ещё не хватало! Двое калек на мою голову! — говорит жена.

Злая ходит по дому. С утра до ночи больных бранит, воды мужу не подаст.

Совсем захирели мать с сыном. Зайдёт кто-нибудь из соседей, глянет, головой покачает — недолго, видно, ещё проживут.

Той порой из дальних странствий отец вернулся. Оставил в доме счастье и довольство, застал горе да беду.

Начал расспрашивать, жена и сын всё ему без утайки рассказали.

Тяжело вздохнул отец, налил в ведро молока и пошёл к дракону.

Трижды его кликал — не выползает дракон из пещеры. Сел отец на камень и горько заплакал. Тут и показалась из-под скалы драконья голова.

— Ох, перестань! — сказал дракон. — Не могу видеть, как из человеческих глаз солёная вода капает. Ведь сами меня обидели. До сих пор шишка на голове болит, что твой сын набил.

— Прости, забудь зло, — взмолился отец. — Не сам он до злодеяния додумался. Жена его подучила.

— Чем злую жену слушаться, лучше совсем не жениться, — сказал дракон. — Вот как я — живу себе один, молоко попиваю... Да, а молочко принёс?

— Принёс, принёс!

Выпил дракон молоко и говорит:

— Так и быть, помогу тебе. Пусть твоя невестка уколет палец и каплей крови напоит мужа. Яд злого её сердца переборет мой яд. Тотчас же вскочит молодец на ноги. И жена твоя на радостях выздоровеет.

Пришёл отец домой, просит невестку, чтоб она себе палец уколола, капли крови мужу не пожалела.

— Много недоброго ты своей волей натворила, — говорит ей. — Своей волей всё и исправить можешь.

— Вот ещё! — невестка отвечает. — Не хочу его больного, не хочу его и здорового. Пускай сгинет, пускай ваш род переведётся!

Тут больной сын отозвался:

— Будь по-твоему! Если капельки крови для меня жалеешь, дай хоть кусочек хлеба, в рот мне его положи.

И отец о том же просит невестку. И мать просит.

— Ладно, — отвечает невестка, — хлеб ваш, мне не жалко.

Отломила корочку, сунула в рот мужу. А тот, не будь дураком, прикусил ей палец, и капелька крови попала ему на язык.

Разом вскочил он на ноги, будто и не хворал никогда. Смотрит, а жены-то и нет. Только по полу извивается змея с узорной спинкой, вся серая, словно пеплом присыпана. Переползла через порог и скрылась в кустах.

— Вот диво! — сказал отец сыну. — Я-то тебе притчу рассказывал, а она явью обернулась. Жёнка-то твоя и вправду песчаной змеей, пепеляшкой, оказалась.

Так эта сказка и кончилась. А другая началась, когда парень опять себе невесту присмотрел. Всё повыспросил, всё разузнал — какого она роду-племени, что за мать, что за бабка у неё да каковы тётки. Взял жену добрую, кроткую.

Хорошо они жили, с драконом дружбу водили.

И вы можете не хуже жить. Только, как встретите в горах дракона, помните, что он молочко любит.

СОЛОМЕННАЯ ЦИНОВКА

Сербская сказка

Исполнилось царской дочери пятнадцать лет. И сделал ей царь царский подарок: не большой и не малый кораблик — как раз такой, чтобы любимая дочь могла с подружками да прислужницами вдоль берегов по морю кататься.

Очень понравился царской дочери кораблик. Да и не диво! Паруса у него белые, мачта золочёная, а нос и корма расписаны весёлыми цветами. Колышется кораблик на ласковых волнах, словно белокрылая чайка.

Принялась царевна упрашивать отца:

— Обновим твой подарок, покатаемся вместе!

Царь своей дочке ни в чём не отказывал. Ведь одна она у него, как сердце в груди. Да и почему не покататься? Море голубое, солнце жаркое.

Взошли они на палубу. Матросы песню запели, паруса подняли.

Бежит вдоль зелёных берегов кораблик. А царевна просит:

— Давай, отец, отплывём подальше в море. Что мы всё у берега, как конь на привязи!

Царь и тут ей не отказал.

Вышли в море. Земля за кормой только узкой полоской видна.

Вдруг на небосклоне показалось маленькое облачко, по краям светлое, в середине тёмное. Стало облако на глазах расти. Вот уже полнеба заняло, застило солнце. Потемнело и море в той стороне.

Царь приказал скорее к берегу поворачивать. Да поздно! На-

летел вихрь, всё кругом мглою покрылось, заходили тяжёлые волны. Понесло кораблик в открытое море.

Давно такой страшной бури не бывало! Волны на кораблик, как дикий зверь на свою добычу, набрасывались. Сколько дней, столько и ночей мотало их по морю... Паруса в клочья порвались, руль сломался.

Но вот наконец завиднелись впереди берега. Уж думали все, что пришло избавление от беды. А тут-то настоящая беда и приключилась. Рухнула мачта и перевернула кораблик...

Еле успел царь одной рукой за мачту уцепиться, другой рукой крепко царевну за платье схватить. Поносило их ещё по морю, то вверх подбрасывало, то вниз кидало, водой захлёстывало. Не раз они своей смерти совсем близко в глаза заглядывали. И всё-таки прибило мачту к берегу, положило на мягкий песок.

А матросы да царевнины подружки все, верно, утонули. Если кто и спасся — мы не знаем, и вы не узнаете.

Покинули царь с царевной свой берег богатыми и счастливыми, все их любили и почитали. А на этот берег ступили никому не ведомыми нищими. От царской их одежды одни жалкие лохмотья остались. Они никого не знали, и о них никто не слыхивал.

Какого только горя царь с любимой дочкой не натерпелись! И холодали, и голодали, и под окнами кусок хлеба просили.

Царь ещё не стар был, мог бы работать. Да стоит ему об этом речь завести, люди спрашивают:

— А ты что умеешь делать?

Не признаваться же, что лишь одно умеет — царствовать. Никто не поверит. Да и какая это работа?!

Скитались они так, скитались... И наконец в одном селении сказали люди царю:

— У нас старый пастух недавно умер. Возьмись нашу скотину пасти. Вон и хижина пастухова пустая стоит.

Так и стали они жить. Царь скотину пас, царевна по хозяйству хлопотала. И очаг разжигать научилась, и похлёбку варить, и горшки мыть.

Как-то раз полоскала царевна бельё на речке. А мимо проезжал той страны царевич. Увидел девушку, и словно острый клинок пронзил его сердце. Смотрит на неё и сам себе говорит:

— Нет, не могла родиться такая красота от отца с матерью! Верно, горные волшебницы-вилы слепили её из белого снега, что добыли в бездонном ущелье. Цвет её глаз похитили вилы у горного озера. Ветерок её оживил, роса вспоила, пчёлы мёдом вскормили, луг цветами украсил.

Хотел царевич заговорить с девушкой, но не осмелился. Тро-нул коня, да забыл, куда собирался ехать. Так и вернулся во дворец.

Схватит рыбка приманку, а дальше уж не её воля. Как ни бьётся — вытянет её рыбак на берег. Вот и царевича, словно рыбку на крючке, тянуло к тому селению, где жила прекрасная девушка.

Мимо пастуховой хижины, как бы невзначай, пройдёт, издали девушкой любится. А заговорить с ней так ни разу и не решился.

А девушка что же? Как завидит царевича, опустит личико, будто и не смотрит в его сторону. Но по девичьему обычаю всё успела заметить: настоящий юнак он — богатырь, и собой красив, и знатного, видно, рода.

Сколько-то времени миновало, приходит царевич к отцу с матерью. Поклонился им и сказал:

— Уж давненько вы со мной о женитьбе заговариваете. Вот и нашёл я себе невесту.

— Это хорошо, — говорят отец с матерью. — Из каких она мест, какого короля, какого царя дочка?

— Из наших мест, — отвечает царевич. — Но не знатен её отец, пастух он.

Царь и царица руками всплеснули, стали его отговаривать. Только царевич на своём стоит: на пастуховой дочке женюсь или совсем не женюсь, убегу на край света, а сердце своё тут оставляю.

Царь соглядатаев своих подсылал на ту девушку посмотреть. Все в один голос доносили: на диво хороша избранница царевича, скромна и отцу послушна.

А царевич сам не свой ходит, день от дня худеет да бледнеет.

Что тут делать?! Послал царь подглавного советника к пастуху сватать девушку.

Пастух выслушал свата и спросил:

— А какое ремесло знает царевич?

Удивился советник и говорит:

— Ты, видно, одурел от счастья! Зачем царевичу ремесло? Он же царевич, и всё тут. Время придёт — царствовать будет.

— Царствовать — не работать! — отвечает пастух. — Вот тебе моё слово: не отдам дочь за того, у кого в руках ремесла нет.

Вернулся подглавный советник, всё как есть рассказал царю.

Царь сперва смеялся, потом обиделся, потом разгневался.

— Так не бывать же пастуховой дочери женой царевича, моей невесткой!

Сказал и кликнул главного советника:

— Ступай ты к этому старому дурню, может, уговоришь его.

Только и главный советник не уговорил. Упёрлись все на своём. А царевич не обиделся, не рассердился. Пошёл тайком в крытые улочки, в узкие переулки, где ремесленники жили. Стал смотреть, что умельцы делают.

Вот сидит старик, перед ним горка глины. Старик взял комок, положил на круг, нажал ногой — круг завертелся. А из-под пальцев старика стройный, с длинным горлышком кувшин вырастает.

В другом конце улочки чеканщики медную посуду узорами украшивают. Звенят молоточки, а по краю блюда бегут-переплетаются веточки с листьями.

Ковровщики узелок за узелком вяжут. Тысячу узелков свяжут, а ковёр лишь на воробьиный шажок прибавится. Какие цветы на нём расцветут, и не догадаешься, только видно, что расцветут.

Царевич каждый день из красивой посуды пил и ел, по мягким коврам его ноги ступали. И ни разу он себя не спросил, откуда всё это берётся.

Всему был бы рад научиться царевич, да целой жизни на это не хватит.

Бродил, бродил и увидел, как плетут циновки из золотистой распаренной соломы. Вроде бы и просто, а красиво получается. Жгут за жгутом кладут солому на основу из светлой конопляной бечёвки, прясть за прядью перевивают. А потом возьмут несколько крашенных соломинок, зелёных да красных, посередине положат или с боков. Быстро плетётся узорчатая лёгкая циновка — и под ноги её постелить можно, и сидеть на ней, и окно завесить от солнца.

— Не дашь ли мне попробовать? — попросил царевич мастера.

— Почему не дать? Дело нехитрое, — отвечает мастер.

Сел царевич на землю, всё делает, как видел. Да ложатся стебли неровно, из-под рук всё выходит криво-косо.

— Не спеши! — учит мастер. — Видишь, концы соломы с боков торчат... Подоткни их, заправь под низ. Тогда край будет крепкий и ровный. А крашенные соломинки не спрехвала клади, подбери по узору, где длинней, где короче.

Царевич не обижается, что его, царского сына, простой мастер учит. Старается изо всех сил. Откуда и терпение берётся!

До самого заката трудился. Узнал, как болят пальцы, изрезанные соломой, как согнутую спину ломит...

Темнеть стало. Сказал мастер:

— Пора отдыхать! Потешился ты денёк. Завтра выспишься. У тебя забава, а у меня и завтра работа.

Только ошибся мастер.

Царевич рано утром опять на то же место пришёл, опять за дело взялся. И к полудню успел сплести две красивые циновки.

— Эти уж и продавать не стыдно! — сказал мастер.

— Одну продай! — отвечает царевич. — Вторую с собой унесу.

Продав мастер циновку за четыре медных монетки и деньги отдал царевичу. Царевич те монетки бережно в шёлковый платок завязал, а мастеру за учение уплатил золотой.

Со второй циновкой царевич отправился напрямёхонько к бедной хижине пастуха. Перешагнул порог и расстелил циновку во всю длину, во всю ширину под ноги пастуховой дочери.

Сразу в хижине светлее стало, будто солнышко в неё заглянуло.

— Ого! — сказал пастух. — Славно сделано! А какова цена ей на базаре?

Тут царевич развязал узелок на шёлковом платке и показал четыре медных монетки.

— Вот что за одну дают, — ответил царевич.

— Что ж! Четыре да четыре — восемь, восемь да восемь —

шестнадцать... Если бы у меня такое ремесло в руках было, не пас бы я сегодня скотину. Отдам за тебя дочь, если она сама согласна.

— Согласна! — тихо ответила красавица.

На свадебном пиру царь спросил своего сватушку:

— Открой ты мне, почему так ремесло ценишь. Зачем оно царевичу?

— Теперь открою, — ответил пастух. — Вот послушай, что случилось. А когда — сам понимай, с кем — угадывай. Исполнилось царской дочери пятнадцать лет. И сделал ей царь царский подарок: не большой и не малый кораблик...

Так всё и рассказал по порядку, как мы с вами слышали.

Обрадовался отец царевича. Вот как всё хорошо обернулось: не стал он поперёк пути сыновьему счастью, позволил жениться на пастуховой дочери. А пастухова дочь царской дочерью оказалась.

Зажили молодые в любви и согласии.

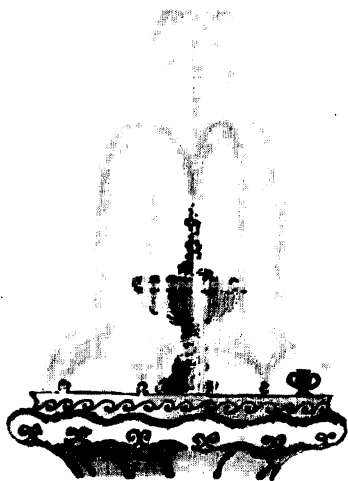
А отцу царевны снарядили корабль и проводили с почестями в его царство, в его государство.

Хлебнул он лиха, многое понял, чего раньше не знал, и правил мудро и справедливо до самой смерти.

УЧЕНИК ЛЕКАРЯ

Болгарская сказка

Авно это случилось. В те времена, когда ни тебя, ни твоего отца, ни твоего деда ещё не свете не было.

Правил тогда Болгарией царь Борис. Жил он в городе Плиске, в большом дворце. И, как у всякого царя, служил у него придворный лекарь. Об этом-то лекаре мы и рассказ поведём.

Звали лекаря Вазили, сказывали, что родом он из греков. Был тот лекарь учён и искусен в своём деле. Любую болезнь умел распознавать и на всякую хворь мог изготовить целебное снадобье. Кто его учил искусству врачевания, мы не знаем. А сам он никого за всю жизнь ничему не научил. Жил один, как сыч в дупле, от всех хранил свои тайны. Даже слуги не держал, чтобы тот не подсмотрел, как он составляет лекарства, чтобы не подобрал хоть крохи его премудрости. Похож он был на сундук с сокровищем, запертый на крепкий замок. Но и к этому замку сыскался ключ.

Пришёл однажды к лекарю глухонемой парень, стал жалобно мычать да показывать руками, что за кусок хлеба готов служить ему верой и правдой. Был лекарь Вазили ещё и скуп вдобавок. Взял он парня в услужение. Вот как расудил: жалованья ему платить не надо, да к тому же если что подглядит, так не услышит, если что поймёт, так никому не расскажет.

Лекарь не знал, а мы знаем — и вы узнайте. Жил раньше тот парень по имени Радомир в бедном рыбацьем селении у моря. Глаза у него были зоркие, уши чуткие, язык острый. И умом не обделён.

С самого малолетства хотелось Радомиру побольше узнать и

увидеть. Подрос он и ушёл из родного селения. А когда пришёл в Плиску и услышал про лекаря Вазили, сразу решил:

«Это дело по мне! Если я не сумею перехитрить старую лису, не вырву у него тайн врачевания, значит, я ничего и не стою».

Вот он и прикинулся глухонемым, да так ловко, что вся премудрость Вазили не помогла ему распознать обман.

Семь долгих лет прослужил Радомир у лекаря Вазили. Растирал ему травы, сушил коренья, делал настойки из цветов. А когда подметал пол да мыл колбы, затверживал мудрёные названия порошков и целебных напитков, что бормотал себе под нос учёный лекарь. Ночами читал в своей каморке толстые книги в кожаных переплётах.

Ещё семь долгих лет миновало. Стал Вазили брать его с собой к больным. Доверил ему кровь пускать, пиявки ставить, примочки прикладывать. Научился Радомир болезни распознавать, узнал, какая от чего происходит и как её лечить. Так и постиг все тайны врачевания, добыл сокровища из-под запертого замка. А цепкая молодая память и светлый ум ещё приумножили эти сокровища.

За все четырнадцать лет Радомир ни слова не произнёс, ни разу не выдал, что живой звук от мёртвой тишины отличает.

А тем временем подросла у царя Бориса дочка Марина. Резвая девочка на глазах у всех красавицей стала — белее снега, румянее розы, яснее солнца на безоблачном небе.

Царь Борис в ней души не чаял. От дуновения ветерка её оберегал, всякое желание наперёд угадывал, чтобы быстрее исполнить. Да и все во дворце её любили, не только за красу, но и за добрый нрав.

Однажды гуляла царевна Марина с подружками в саду на лужайке. Задумали они играть в прятки. Царевна спряталась в густом кустарнике, да так, что никто её найти не мог. Ждала, ждала Марина, чтобы её отыскали, и сама не заметила, как сон её сморил. Короток был сон царевны, солнце лишь на муравьиный шаг успело тень передвинуть. Да беде недолго случиться! Проснулась — словно её подменили. Голова кружится, всё тело ломит.

С того дня начала худеть и бледнеть царевна Марина. Алые розы на щеках увяли, ясные глаза потускнели. То жар, то холод её томят, а пуще всего голова болит.

Лекарь Вазили все лекарства перепробовал. Ни одно не помогло. Царевне всё хуже да хуже. Уже и с постели не поднимается, лежит, закрыв глаза, и стонет.

Царь Борис от горя обезумел. Лекарь Вазили не знает, как

быть. А наш Радомир давно разгадал загадку недуга, да боится себя с головой выдать. Ведь одним сказанным словом разрушишь то, что четырнадцать лет возводил!

Принялся Вазили готовить новое снадобье. Настой десяти трав смешал, девять редких камней в ступе пестом в тонкий порошок истолок, туда же бросил. А потом задумался... Что дальше делать?

Тут Радомир и решился. Подошёл к своему хозяину, знаками показывает. Положил ладонь себе на темя, ушей коснулся. Потом снял крышечку с сосуда, где Вазилево варево варилось, заглянул туда и пальцы растопырил.

Блеснули радостью глаза у царского лекаря: понял он, что хотел сказать слуга. И тут же злобно брови нахмурил: понял лекарь и то, что слуга все его тайны врачевания постиг.

«Ну, ничего! — сказал себе Вазили. — Чему научился, тому научился. Его познания, что он у меня похитил, так и умрут вместе с ним. Ведь глух он и нем! Никто не узнает, что он узнал».

Выплеснул лекарь Вазили своё снадобье на десяти травах с девятью порошками и отправился к царю Борису. Так ему сказал:

— Понял я, что за недуг терзает твою дочь. Тяжкая эта болезнь, неизлечимая. Есть лишь одно средство, что ей поможет...

— Что же ты медлишь?! — вскричал царь Борис.

— Погоди, царь, — ответил Вазили. — То средство что подброшенная вверх монета: на одной стороне — здоровье, на другой — смерть. И никто не ведаёт, на какую сторону она упадёт.

Заплакал царь Борис и сказал:

— Спросим дочь. Как она решит, так и сделаем.

Царевна Марина даже глаз не открыла, только прошептала:

— Будь что будет! А больше я такую муку терпеть не в силах. Доверь меня, отец, этому лекарю.

— Ты слышал, — сказал царь Борис врачевателю. — Начинай своё лечение.

— Царское слово в царской воле, — ответил Вазили. — Дай мне охранную грамоту, а в ней напиши: если умрёт царевна, ты свой гнев на меня не обрушишь.

— Дам тебе такую грамоту, — согласился царь. — И ещё припишу: если вернёшь мою голубку к жизни, выполню любое твоё желание.

Всегда брал с собой лекарь Вазили немного слугу к постели больного, а тут знаком велел ему выйти. Вдвоём с царем Борисом остались они в спальне царевны и заперли за собой дверь.

Вазили напоил царскую дочь сонным зельем и стал ждать, когда она крепко заснёт.

А наш Радомир по витой лесенке тайком забрался под самую крышу. Помнил он, что под высоким потолком царевниной спальни идут лепные украшения с маленькими слуховыми окошечками. Вот он и приник к одному такому окошечку. Всё ему оттуда видно, всё слышно.

Крепко спит царская дочь Марина, кажется, что и не дышит. Совсем как мёртвая. Тут Вазили взял острый нож и сделал разрез за её беленьким ушком. Что же открылось?! Большой клещ глубоко впился в её мозг. Это он день и ночь терзал царевну.

— Вот, — сказал царю Борису лекарь Вазили, — причина болезни твоей дочери. Заполз он царевне в голову через ухо, когда она в саду задремала. Мужайся, царь! Сейчас решится, быть ли царевне живой.

И Вазили приготовился щипцами тащить клеща.

Но тут сверху раздался голос:

— Остановись, учитель! Ведь ты её так погубишь!

Оцепенел царь Борис, и у лекаря рука со щипцами словно окаменела. А голос сверху дальше говорит:

— Не пугайтесь! Это я, слуга лекаря Радомир. Вот что сделай, Вазили. Раскали добела иглу, воткни клещу в брюшко. Разожмутся его челюсти, и лапки ослабнут. Тогда и тащи.

Лекарь Вазили всё так и сделал.

Разом жизнь начала возвращаться к царевне. Как и раньше, она крепко спит, но грудь мерно дышит, и румянец окрасил бледные щёки.

Закрыв рану лекарь, приложил благовонные мази, перевязал льняным полотенцем и сказал царю Борису:

— Теперь ей нужно лишь одно лекарство: спокойный сон. Не будите царевну, пока сама не проснётся.

И оба тихонько удалились из спальни.

На следующий день царевна Марина улыбнулась. Ещё через день засмеялась и попросила поесть. А на третий день встала с постели.

И вот царь Борис велел позвать к себе лекаря Вазили и его слугу. И когда они явились, так сказал:

— Ты хоть и говорил, что изменчиво царское слово, но моё слово твёрже алмаза. Скажи, чего просишь, я исполню.

— Казни, царь, моего слугу!

Омрачилось лицо царя Бориса.

— Пожелай чего-нибудь другого! — сказал он. — Я дал тебе

твёрдое слово, но у постели больной дочери я поклялся самому себе, что награжу и твоего слугу. Потому что вы оба были как два крыла одной птицы, принёсшей жизнь моей дочери.

— Но, царь, у меня есть твоя грамота... — стоял на своём Вазили.

Тут выступил вперёд Радомир.

— Позволь, царь Борис, сказать тому, кто столько лет молчал. Я знаю, Вазили не уступит. Он хочет моей смерти. И ты не можешь не сдержать своего обещания. Повели так: пусть лекарь изготовит яд и даст мне выпить. Но если я уцелею, тогда я приготавливаю яд — и пусть он его выпьет. Обе твои клятвы будут исполнены.

— Что ж! Я согласен, — сказал царь Борис и про себя подумал: «Жалко обоих, да ничего не поделаешь! Кто выйдет цел из этого страшного состязания, тот, значит, и вправду более искусен в своей науке. Он и будет царским лекарем».

Наутро Вазили принёс отраву, что варил всю ночь, и на глазах у царя Бориса Радомир выпил чашу до дна. Выпил и спросил лекаря Вазили:

— Сколько я проживу?

— К вечеру ты будешь мёртв, — злобно усмехнулся Вазили.

— К вечеру я приду сюда, — засмеялся Радомир, — и принесу яд для тебя. А ты, царь, прикажи всем домочадцам весь день и близко не подходить к двери и к окну моей комнаты. Смертельна будет даже малая частица пара от моего кипящего зелья.

Вазили заскрежетал зубами.

— На закате солнца тебя не станет! Мне не придётся пить твой яд.

Радомир ответил:

— Мне жаль тебя, учитель!

Едва последний краешек солнца скрылся за горой, как Радомир предстал перед царём Борисом.

— Видишь, царь, я жив и невредим! Теперь смотри! — сказал он и взял стоявшую на столе пустую чашу. — Я наполню её ядом, от которого нет противоядия. Потому что это не яд.

С этими словами Радомир наполнил чашу ключевой водой, бывшей из фонтана посреди зала.

Как раз в это время растворилась дверь и вошёл Вазили. Увидев своего ученика с чашей в руках, он отшатнулся.

— Проклятие! Ты распознал мою отраву по цвету, запаху и вкусу и сварил своё зелье, чтобы обезвредить её.

— Это так! — ответил Радомир. — Недаром я твой ученик!

— Но не забывай, что я твой учитель! Померяемся силами в последний раз.

— Я не хочу твоей смерти, как ты хотел моей. Вот что я скажу тебе. Если ты распознаешь яд, ты будешь спасён. Если же нет, умрёшь после первого глотка. Возьми!

И Радомир протянул ему чашу с водой.

Вазили заглянул в чашу и переменился в лице — зелье не имело цвета. Потом он понюхал прозрачную жидкость и смертельно побледнел — у яда не было и запаха.

Тогда он дрожащей рукой поднёс чашу к губам, отхлебнул глоток — и упал мёртвым. Страх убил его!

Так вот и кончился этот спор.

Радомир стал царским лекарем. Много лет он прожил, много людей исцелил. И оставил после себя трёх учеников, которым передал всё, что сам знал.

ОБЪЯСНЕНИЕ МАЛОИЗВЕСТНЫХ СЛОВ

Беседа, вечерка, посиделки.— Осенью и зимой девушки в деревнях собирались по вечерам, чтобы прясть, в чью-нибудь просторную избу; парни приходили развлекать работающих девушек.

Гарем — женская половина дома у мусульман, куда запрещено входить посторонним мужчинам.

Гать — небольшая плотина из земли, хвороста, соломы; настил по заболоченному месту из брёвен и хвороста.

Загнеток — место на шестке русской печи, куда выгребают жар, то есть угли и золу, когда печь истопилась.

Злые дни — вообще — бедность, нужда, напасти; по повериям украинцев — маленькие злые существа, вроде чертенят, поселяющиеся в хате и приносящие беду.

Зодиак, знаки зодиака — путь Солнца на небе, обозначаемый двенадцатью созвездиями ночного неба, каждое из которых имеет своё название (Овен, Козерог, Телец и т. д.) и свой знак.

Кошара — загон для овец.

Крепь, **крепёж** — деревянные своды и подпорки в шахтах, предохраняющие от обвалов и оползания горной породы.

Криница — ключ, родник, углублённый и обнесённый срубом, колодец.

Кудель — приготовленные для прядения пучки волокон льна, конопля.

Ледащий — негодный, дрянной, хилый, слабый, ленивый.

Магистрат — городское управление.

Меч-кладенец — меч, обладающий волшебными свойствами.

Обушок, **кайло** — орудие, служившее шахтёру для откалывания угля, руды и т. п.

Пахта нье — густая сыворотка, остающаяся после сбивания сливочного масла.

Перебеливать — переписывать с черновика набело.

Плаха — деревянная колода, на которой отрубали голову осуждённым.

Постолы — обувь, изготовленная из цельного куска кожи или из шкуры с шерстью.

Престольный град — главный город, стольный, столица, где живёт король или князь, правящий страной.

Ратуша — здание, где помещается городское управление.

Рядно — толстый холст из самой грубой пряжи, конопляной или льняной.

Сливянка — наливка из слив.

Шинок — в старину на юго-западе России так называли кабак, или пивную.

Шишга — лесная ведьма.

Штрек — горизонтальный ход в шахте, соединяющий выработки.

Янычары — отборное турецкое войско.

Ятаган — большой кривой турецкий кинжал.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Рысья шкурка (<i>русская сказка</i>)	3
Как гречиху два раза косили (<i>русская сказка</i>)	9
Сказка — быль, да и песня — правда (<i>белорусская сказка</i>).	12
Враль (<i>русская сказка</i>)	24
Потерянное слово (<i>белорусская сказка</i>)	26
Как Василиса на войну поехала (<i>русская сказка</i>)	28
Певец (<i>белорусская сказка</i>)	39
Злыдни ненасытные (<i>украинская сказка</i>)	40
Иван — крестьянский сын да царь Иван (<i>русская сказка</i>)	44
Про козу, мужика и пана (<i>украинская сказка</i>)	57
Молчун-зелье (<i>украинская сказка</i>)	59
Когда лучше горе горевать, беду бедовать (<i>белорусская сказка</i>)	61
Корочка хлеба (<i>белорусская сказка</i>)	68
Царица Екатерина и сапожникова жена (<i>русская сказка</i>)	69
Колдун-ведун (<i>русская сказка</i>)	74
Сестра-изменщица (<i>украинская сказка</i>)	76
Носатый парубок (<i>украинская сказка</i>)	89
Всеми своё время (<i>белорусская сказка</i>)	91
Про бедняцкого вожака отважного Кармелюка (<i>украинская сказка</i>)	93
Янюрек и Ярошек (<i>польская сказка</i>)	103
Повелитель камней и руд (<i>словацкая сказка</i>)	108
Комар и медведь (<i>словацкая сказка</i>)	115
Рачок-гадальщик (<i>моравская сказка</i>)	117
Молчаливая королева (<i>чешская сказка</i>)	123
Как горняк променял рай на шахту (<i>польская сказка</i>)	129
Подарок Старого Штейгера (<i>польская сказка</i>)	132
Загадки землекопа (<i>словацкая сказка</i>)	138
Соль (<i>чешская сказка</i>)	141
Разберись-ка, что к чему (<i>польская сказка</i>)	148
Как Куба бургомистром стал (<i>чешская сказка</i>)	154
Кованый сундук (<i>чешская сказка</i>)	161
Три светильника (<i>польская сказка</i>)	169
Болтунья Бася (<i>кашубская сказка</i>)	173

Суд чертей (мазурская сказка)	179
Конь-солнышко (словацкая сказка)	185
Доска с загадкой (польская сказка)	196
Сказание о Крабате (лужицкая сказка)	203
Страшная кошка (лужицкая сказка)	217
Аистинный остров (болгарская сказка)	219
Три червонца (хорватская сказка)	228
Как медведь виноградник сторожил (сербская сказка)	237
Честности хитрость не нужна (русская сказка)	238
Обед за три гроша (лужицкая сказка)	242
Волк и сорока (болгарская сказка)	244
Габровские усмешки (болгарские шутки)	245
Как купеческий сын по морю ходил (сербская сказка)	247
Сокровища водяного (словенская сказка)	257
Догадливому уму все загадки впору (боснийская сказка)	259
Маленькая вила (боснийская сказка)	264
Младший брат (черногорская сказка)	268
Клад царя Константина (болгарская сказка)	281
Чудесный подарок (македонская сказка)	290
Заклад (сербская сказка)	292
Добрый дракон и злая змея (македонская сказка)	299
Соломенная циновка (сербская сказка)	304
Ученик лекаря (болгарская сказка)	310
Объяснение малоизвестных слов	316

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

**НИ ДАЛЕКО, НИ БЛИЗКО,
НИ ВЫСОКО, НИ НИЗКО**

Сказки славян

*Пересказали для детей
Н. Гессе и Э. Задунайская*

Ответственный редактор
С. М. Туркова.

Художественный редактор
В. В. Куприянов.

Технический редактор
Э. П. Кореньюк.

Корректоры
К. Д. Немковская
и Л. Л. Бубнова.

Сдано в набор 21/XI 1975 г. Подписано к печати 6/II 1976 г. Формат 70×100^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 20. Усл. печ. л. 26. Уч.-изд. л. 16,607. Тираж 100 000 экз. Заказ № 142. Цена 1 р. 12 к. Ленинградское отделение «Ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература». Ленинград, 192187, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавополиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

Ф

Ни далеко, ни близко, ни высоко, ни низко.
Сказки славян. Переск. Н. Гессе, Э. Задунайской.
Рис. В. Власова. Оформление Е. Власовой. Л., «Дет.
лит.», 1976.

319 с. с ил.

В сборник вошли сказки славян — восточных, западных и южных. Авторы сборника Н. Гессе и Э. Задунайская отразили разнообразие и богатство славянского фольклора, пересказав для детей сказки восемнадцати славянских народов.

Н 60